С. Л. ВАЛЬДГАРД

О ПСИХОЛОГИИ ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

С. Л. ВАЛЬДГАРД

О ПСИХОЛОГИИ ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз 11936.
Ленинградский Гублит № 4173.
5 000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

---

*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изучение полового поведения есть одна из важнейших очередных задач современной психологии. Выяснение механизмов этого поведения необходимо для целого ряда педагогических, медицинских и общественных вопросов. В особенности это важно в наши дни, когда революционное строительство новой жизни, с одной стороны, выдвинуло вперед замалчивающиеся прежде вопросы полового воспитания, а с другой — поставило своей задачей перестройку и рационализацию семейного и вообще полового быта. Старые, условные и пропитанные болезненной фальшью нормы половой морали и формы полового быта, расшатавшиеся уже во время капитализма, у нас, с коренной перестройкой экономических основ общества, потеряли всякое значение и рушатся на наших глазах. Вместо них мы должны построить новые формы, и, как и все, мы должны провести это научно-организованно.

По возможности научная рационализация половой жизни есть не менее важная и очередная задача, чем научная рационализация других общественных отраслей. Но здесь поднимается вопрос, — где те научные данные, на основании которых должна быть проведена эта отрасль нашего революционного строительства? Ведь для этого прежде всего нужно точное, научное знание механизмов полового поведения.

Без сомнения наука о половой жизни,— сексология, дает нам богатейший фактический материал. Но можем ли мы этим материалом пользоваться? Имеем ли мы в руках систематически проработанные данные о биологических и социальных механизмах полового поведения, те данные, которые необходимы нам для ориентировки в био-социальных возможностях нашего строительства новых форм половых отношений? И здесь нужно ответить, что несмотря на огромные скопища фактического материала, такой систематической проработки его с точки зрения науки о поведении — нет.

Старая, классическая психология, предшественница и учительница нашей новой, молодой науки о поведении, относилась к вопросам половой жизни с одной стороны, как-то свысока, с высоты своего философского достоинства, как к чему-то низкому и грязному, а с другой стороны — с тою показною стыдливостью (секрет полишинеля), которая вообще так свойственна буржуазной культуре по отношению к вопросам пола. А в то же время жизнь, за спиной у стыдливых философов, давала жуткие трагедии половой действительности.

С другой стороны, врачи, сексологи и психиатры, которым почти исключительно и принадлежит честь изучения половой жизни, всегда как-то далеко стояли от теоретической психологии, и не могли внести в свое изучение необходимого психологического понимания. Это и понятно, ибо старая психология с ее сухим академизмом мало чем могла помочь им в этом. В результате всего этого психология половой жизни и оставалась неизученной.

За последние несколько десятков лет положение это резко изменилось к лучшему благодаря блестящим работам Фрейда и основанной им психоаналитической школы. Фрейд и его ученики подошли к изучению половой жизни именно с ее психологической стороны и здесь, пользуясь совершенно новыми методами исследования, они собрали массу богатейшего и совершенно нового и оригинального сексуально-психологического материала и вскрыли в нем интереснейшие, сложнейшие и до того никем не подозревавшиеся закономерности. У фрейдизма, разумеется, много ошибок и дело дальнейшего развития науки исправлять эти ошибки.

Для меня важна здесь следующая сторона фрейдистской сексологии. Фрейдизм занимается изучением деталей, сложнейших и запутаннейших осложнений нашей половой жизни. Это, так сказать, микро-анализ половой жизни. Основные же, так сказать, большие, грубые механизмы полового поведения не изучаются, считается, что они общеизвестны и общепонятны, и что останавливаться на них уже излишне.

В таких рассуждениях таится большая и опасная ошибка. Эти основные „большие“ механизмы, этот макро-анализ полового поведения далеко еще научно не произведен, и это еще вовсе не такая общепонятная область, где еще не будет больших и горячих споров. Поэтому заниматься микро-анализом деталей нельзя не имея под собой твердоустановленной и научно-проработанной базы макро-анализа основных механизмов. Это грозит страшнейшими неточностями и заблуждениями, и мы знаем, что такие неточности и заблуждения далеко не чужды фрейдизму.

Поэтому нашей очередной задачей является именно этот макро-анализ основных механизмов полового поведения, так

как эта сторона дела осталась несделанной и после Фрейда. А это-то и нужно для разрешения вышепоставленных общественных задач.

* * *

Настоящий этюд является попыткой использования данных современной психологической науки, с внесением в них строго объективно-материалистического понимания, для проработки того огромного, богатейшего фактического материала, который накоплен в современной литературе по половому вопросу. Я поставил себе целью дать по возможности точное и систематическое построение тех механизмов полового поведения, которые выяснялись мне из проработки этого фактического материала, а также и своих собственных наблюдений над жизнью. При этом я старался дать именно макро-анализ основных механизмов. Повторяю, что, как естественник и марксист, я всюду стараюсь стоять на точке зрения строго объективно-материалистического понимания.

Памятуя лозунг каждого марксиста (лозунг, который, кстати сказать, к сожалению, недостаточно усвоен и некоторыми нашими советскими научными институтами) — «наука для жизни!» — я всюду старался переносить центр тяжести исследования на те стороны вопроса, разъяснение которых казалось мне наиболее важным для разрешения поставленных выше общественных задач.

В связи с этим нужно отметить и еще одну важную сторону дела. Половая жизнь человека, как известно, есть явление био-социальное. Это значит, что в ней биологические факторы поведения переплетаются с факторами социальными. Точнее — в нашей половой жизни имеется врожденная биологическая основа, унаследованная нами от наших животных предков, и осложняющие ее социальные надстройки, приобретенные в силу господствующих или господствовавших прежде социально-экономических условий. Эти социальные надстройки не врождены, а приобретаются в жизненном опыте индивидуума, развивающиеся в социальной среде. Социальная половая педагогика, ставящая себе целью изменить, перестроить, или даже совершенно искоренить те или иные нежелательные проявления нашей половой жизни, бессильна или почти бессильна по отношению к ее биологически-врожденным элементам. Наоборот с социально-приобретенными элементами половой жизни справиться можно, хотя в разных случаях это в различной степени легко или трудно. Отсюда понятно, как важно в исследовании данных механизмов точнее разграничить их биологически-врожденную основу от социально-приобретенных надстроек. Ниже я всюду стараюсь обращать на это максимальное внимание. Должен заметить, что это далеко не легкая задача.

Не будучи общественником по образованию я воздерживаюсь от общественных выводов, кроме самых элементарных, предоставляя это специалистам общественникам, быть по мере силы своей полезным которым и является моим горячим желанием.

В таком виде, сознавая всю свою общественную ответственность, я и решаюсь предложить этот этюд. То, в чем я ошибся, ждет критика товарищей.

С. Вальдгард.

I. ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

Инстинктивное поведение.

Половое поведение человека имеет в своей основе древние, врожденные инстинктивные нервные механизмы, унаследованные от наших отдаленных предков — низших животных. Но эти древние врожденные механизмы поведения часто бывают до неузнаваемости усложнены всякими позднейшими надстройками, образовавшимися на пути эволюции от простой нервной организации низших животных до сложного головного мозга человека. Поэтому, чтобы разобраться в сложном и запутанном половом поведении человека нам необходимо предварительно, хотя бы в общих чертах, разобраться в том, как вообще совершается простое инстинктивное поведение низших животных, какие нервные механизмы управляют этим поведением. Также необходимо наметить и те пути, по которым это простое поведение низших животных развивалось, осложнялось и совершенствовалось на пути эволюции от низших животных к высшим и, наконец, к человеку. Без этого изложенное в дальнейших главах будет недостаточно понятным.

Слово инстинкт употреблялось в науке в столь различных смыслах, что казалось бы оно в значительной мере потеряло свою научную точность. Мне кажется, что оно все-таки очень подходяще для обозначения тех простых механизмов поведения низших животных — их инстинктивного поведения — которые мы попытаемся охарактеризовать по возможности точнее.

Нервная система низших животных (например, насекомых и тем более животных стоящих еще ниже) настолько еще просто устроена, что заложенные в ней механизмы, управляющие поведением этих животных, имеют врожденный, наследственно-фиксированный и неизменный характер. Такой же постоянный, фиксированный и неизменный характер носит и поведение этих животных. В отличие от вышестоящих животных, и в особенности от человека, они не могут накапливать жизненный опыт и не могут пользоваться этим своим личным (индивидуальным) опытом; ни жизненный опыт, ни что другое не может совершенствовать

и вообще изменять их раз навсегда от рождения фиксированные механизмы поведения.

Эти наследственно-фиксированные нервные механизмы поведения носят рефлекторный характер, т.-е. построены по схеме рефлекторной дуги, в которой одна часть (рецептор) принимает те или иные раздражения, а другая часть (эффектор, исполнительный аппарат) в ответ на эти раздражения вызывает ту или иную реакцию, обычно сокращение каких-нибудь мышц, т.-е. движение. Поведение представляет собой как бы цепь, состоящую из отдельных, следующих друг за другом звеньев или фрагментов, при чем в основе каждого звена лежит рефлекторный нервный механизм, более или менее сложный. Каждый из этих фрагментарных рефлекторных механизмов приводится в действие тем или иным раздражителем, при чем эти раздражители бывают двух родов — внутренние и внешние. Внутренние раздражители исходят от тех или иных внутренних органов — пищеварительных у голодного, половых, — они передаются или через кровь (гуморально) в виде химических агентов или через центростремительные нервы, идущие в мозг от этих внутренних органов. Внешние раздражители исходят от объектов внешней окружающей среды и попадают в мозг через так называемые органы чувств и идущие от них нервы. Эти-то раздражители и приводят в действие нервный механизм рефлекса, который в ответ на них вызывает то или иное поведение.

Очень часто весь процесс протекает следующим образом. Обычно, в случаях питания, полового или родительского поведения (т.-е. за исключением самосохранения от опасности), исходным возбудителем, как бы открывающим всю цепь поведения, является внутреннее раздражение, исходящее от органов пищеварения или истощенных тканей (крови) голодного, или от половой системы. Это внутреннее нервное или гуморальное (через кровь) раздражение приводит в действие рефлекторный механизм первого звена инстинктивной цепи. Если соответствующего внешнего объекта налицо нет и раздражений от него не получается, механизм первого звена отвечает на внутреннее раздражение неопределенным и беспокойным инстинктивным „исканием", несознательным и ни на что определенно не направленным. Слово „искание" мы употребляем здесь в условном смысле, разумеется, не предполагая какого-либо сознания того, что ищется — слово это хорошо выражает объективный характер этого поведения. Так, голодный ребенок вертит головой и двигает губами, голодный птенец роет землю, бродит и клюет все, что попало, половозрелый самец беспокойно рыщет или летает с места на место, также беспокойно бегает кругом самка-мать паука, лишенная своего кокона с яйцами —

такая форма инстинктивного поведения проявляется всюду, где внутренний раздражитель действует в отсутствии внешнего, и в большинстве случаев она бывает исходной в цепи. Жизненная (биологическая) полезность этого вполне понятна, ибо такое инстинктивное „искание“ значительно облегчает „нахождение“, т.-е. просто случайную встречу с объектом, носителем недостающего внешнего раздражения. Но как только этот внешний раздражитель начал воздействовать на нервную систему, он приводит в действие рефлекторный механизм следующего звена инстинктивной цепи, отвечающий на это уже определенным направленным поведением. Так, ребенок, после некоторого „искания“ прикоснувшись губами к соску матери, начинает его сосать; цыпленок, увидевший маленький предмет, клюет его и затем глотает; самец, почувствовавший запах самки, летит по направлению к ней; самка, нашедшая строительный материал, несет его по направлению к строящемуся гнезду и т. д. Как видим, такое инстинктивное поведение присуще не только низшим животным, но и стоящим гораздо выше, правда, в их раннем, детском возрасте. Так как у низших животных чисто-инстинктивное поведение достигает иногда большой сложности, то цепь его может состоять из большого числа рефлекторных звеньев, каждое из которых приводится в действие особым, в большинстве случаев внешним раздражителем. При этом дело обстоит так, что среди результатов и достижений предыдущего звена имеются такие элементы, которые являются возбудителем, приводящим в действие рефлекторный механизм следующего звена.

Внутренний возбудитель обычно открывает цепь, но этим его роль не ограничивается. Кроме того он же — голод или известное состояние половой системы — является необходимым условием и для наступления всех дальнейших звеньев цепи, и, таким образом, благодаря своему непрекращающемуся действию, он в сущности является как бы основным возбудителем всей цепи. Внешние же раздражители уже присоединяются к нему и лишь регулируют время наступления каждого очередного звена.

В дальнейшем для нас будет очень важным следующее обстоятельство. Внешние раздражители должны быть очень простыми — таковыми могут быть запах, вкус, тепло, холод, сильный, внезапный или непривычный звук, большая или маленькая величина и т. п. — так как иначе они не могли бы действовать на простые врожденные принимающие аппараты (рецепторы) рефлекторных механизмов. Сложные внешние объекты среды содержат эти простые раздражители, как один из своих составных элементов. Действовать же как таковые, во всей своей сложности, они на врожденные

рефлекторные механизмы не могут. Внутренние раздражители по существу своему всегда просты.

Поведение, направленное к самосохранению от опасности, не зависит от внутренних раздражителей, и регулируется одними внешними. Биологически значение этого (для жизни) вполне понятно. Половое поведение или поведение питания жизненно-полезно лишь при условии известного внутреннего состояния организма (голод, половая готовность), это внутреннее состояние является первым по важности условием уместности данного поведения, и о нем механизм поведения получает сигнал в виде внутреннего раздражения, которое и открывает цепь. Но одного внутреннего состояния мало. Поведение полезно лишь при наличности известных внешних объектов, и последние сигнализируют о своем присутствии, посылая свои раздражения, которые и регулируют дальнейший ход поведения. Также в сущности происходит и с инстинктивным родительским поведением (заботы о потомстве), наступающим лишь в известные периоды и при известном состоянии половой системы. Такое наиболее полезное сочетание механизмов поведения было выработано естественным отбором. Самосохранение от опасности необходимо всегда, независимо от внутреннего состояния, и оно регулируется лишь раздражениями, исходящими из „опасного“ внешнего мира. Таково чисто-инстинктивное поведение низших животных.

У вышестоящих животных, вместе с ростом сложности мозга инстинктивное поведение все больше осложняется личным (индивидуальным) жизненным опытом, и жизненные задачи начинают осуществляться иным, все более сложным и все более совершенным поведением. Пути этого осложнения инстинктивного поведения, различны. Один из наиболее частых путей описан Павловым — это механизм условного рефлекса, по которому прежде безразличный раздражитель становится возбудителем рефлекса, в силу многократного совпадения своего действия с одновременным действием врожденного возбудителя данного механизма. При этом действие этих новых возбудителей временное и оно проходит, как только длительно теряется его связь с врожденным возбудителем. Этот осложняющий механизм вплетаясь в различные звенья инстинктивной цепи значительно осложняет и совершенствует поведение, делает его более пластичным, подвижным и потому гораздо лучше приспособленным к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды.

Есть, вероятно, и другие пути осложнения инстинктивного поведения. Еще Л. Морган описал такой осложняющий механизм, где осложняющим фактором являются удовольствие и неудовольствие, т.-е. гедонические реакции мозга, о которых будет сказано несколько ниже. Пока поясним на при-

мере. Цыпленок, вначале клюющий всякий маленький предмет в силу имеющегося у него врожденного рефлекса (врожденный рецептор на все маленькие предметы) — впоследствии перестает клевать невкусные предметы, а также жалящих насекомых, ибо воспроизведенное неудовольствие или отрицательная гедоническая реакция (см. ниже) частично тормозит и тем самым усложняет и совершенствует врожденный рефлекторный механизм клевания, являющийся звеном инстинктивной цепи питания.

На известной ступени животной эволюции к чисто-инстинктивным механизмам поведения присоединяется воспроизводящая или репродуктивная деятельность мозга, в силу которой поведение регулируется уже не только раздражениями, действующими в данный момент, но и прежним жизненным опытом, т.-е. теми раздражениями, которые действовали прежде, а теперь уже не действуют, но следы которых сохранены мозгом и могут им вновь воспроизводиться. На еще более высших ступенях присоединяется творческая, комбинирующая деятельность мозга, вначале еще в форме комбинирования конкретного материала, т.-е. нечто в роде нашей фантазии. Затем уже, все более приближаясь к человеку, присоединяется и тот механизм, который Бехтерев называет избирательным обобщением, и творческая деятельность мозга приобретает характер отвлеченного мышления, пользующегося обобщенным материалом опыта. Наконец, нервные механизмы, вначале разрозненные, постепенно объединяются в личность, т.-е. в известное связное, координированное целое. И эта личность начинает регулировать течение отдельных, составляющих ее мозговых процессов — это то, что мы привыкли называть волей или волевой деятельностью. Большое место в осложнении инстинктивного поведения занимают социальные факторы поведения — подражание, традиции, внушение, научение и их низшие эквиваленты. Так у птиц при помощи тревожного крика матери передается из поколения в поколение не врожденный, а приобретенный страх перед различными объектами и в том числе перед человеком. Мать является первым социальным передатчиком, и эти элементарные социальные факторы поведения широко распространены у птиц и у млекопитающих.

Так в ходе животной эволюции простые инстинктивные механизмы поведения все более осложняются и в то же время все более заслоняются возрастающей пластичностью высшей нервной деятельности. У взрослого человека они почти совсем вытеснены высшими, более гибкими и совершенными механизмами поведения. Половые инстинктивные механизмы оказались более стойкими, и в половой жизни человека они

сохранились и продолжают играть большую роль. Но и они сильно затушеваны осложняющими надстройками, и вскрыть эти остатки древних механизмов далеко не так просто. Это мы и попытаемся сделать в дальнейших главах.

Гедонические реакции.

Перед тем, как приступить к исследованию явлений половой жизни мы должны рассмотреть еще один общий механизм поведения, без понимания которого дальнейший специальный анализ полового поведения был бы невозможен.

Проблема так называемых чувств удовольствия и неудовольствия является одним из „проклятых" вопросов психологии. Классическая психология в своей переоценке субъективной стороны высшей нервной деятельности, того, как эта работа мозга переживается в сознании — не могла здесь разобраться. А вместе с тем эти явления, будучи могучими двигателями поведения, должны быть тщательно изучены. Но изучение их должно вестись с точки зрения строго объективно-материалистического понимания, вникающего в самую сущность механизмов поведения. Субъективная же сторона их дает нам лишь самые общие, наводящие указания.

То, что переживается в сознании как удовольствие или неудовольствие, доставляемые теми или иными приятными или неприятными раздражителями, объективно является двумя основными реакциями мозга, вызывающими две противоположно-направленные формы поведения. При удовольствии это поведение „к" приятному раздражителю, ведущее к продлению и усилению, или же возобновлению действия этого приятного раздражителя. При неудовольствии это противоположное поведение „от" неприятного раздражителя, ведущее к ослаблению и прекращению, а также к недопущению действия этого неприятного раздражителя. Эти две основные реакции мозга x, играющие очень большую роль как двигатели, регулирующие поведение, мы будем называть гедоническими реакциями (от греческого слова — наслаждение), положительной в случае удовольствия, и отрицательной в случае неудовольствия. В половой жизни эти реакции играют особо-большую роль.

Еще Спенсер объяснил биологическое (жизненное) значение этих механизмов поведения. В биологической норме приятными бывают полезные раздражители, а неприятными — вредные.

Как в положительной, так и в отрицательной гедонической реакции нужно различать еще две основные формы: 1) актуальную, действующую во время самого реального раздражения, приятного или неприятного и 2) воспроизве-

денную, — когда раздражитель уже перестал действовать, и когда его приятное или неприятное действие, знакомое из прежнего опыта, воспроизводится по памяти или ожидается как желательное или нежелательное. В случае актуального, т.-е. в данный момент действующего, приятного раздражителя поведение направлено к продлению, а иногда и к усилению его действия. Поведение же „от" действующего в данный момент неприятного раздражителя, направлено к ослаблению и прекращению его действия. Что касается воспроизведенной формы, то прежние приятные или неприятные раздражения как голод, ожог, половое удовлетворение, приятный вкус пищи и т. д., воспроизведенные по памяти, также являются сильными двигателями поведения. (Мы не будем здесь вмешиваться в старый спор о том, в какой субъективной форме сознания они воспроизводятся.)

Разумеется эти воспроизведенные формы требуют более сложной нервной организации, и на пути животной эволюции они появились позднее. Поведение к воспроизведенному прежде действовавшему приятному раздражителю направлено к возобновлению его действия. А поведение от прежде действовавшего неприятного раздражителя направлено к предупреждению, недопущению, принятию мер против его возможного повторного действия.

Надо сказать, что приятные и неприятные раздражения мы понимаем широко, включая сюда как простые внешние и внутренние раздражения, так и более сложные, чисто-центральные познавательные процессы мозга. Далее гедонические реакции возможны, как по отношению к внешним приятным или неприятным раздражениям, действующим из внешнего мира, из окружающей среды, так и по отношению к внутренним раздражениям, действующим из внутренних частей самого организма.

Нужно остановиться на явлении переноса гедонических реакций, с которым нам в будущем придется встречаться. Так как изменения во внутренних состояниях организма, а потому и в приятных или неприятных внутренних раздражениях, может быть достигнуто при помощи соответствующих внешних объектов, например, половых, пищи и др. — то здесь происходит своеобразный перенос гедонической реакции с внутренних раздражений на эти внешние объекты. Это происходит так, что со временем, с опытом, удовольствие от насыщения переносится на насыщающую пищу, которая сама, как таковая, становится приятной (мы говорим не о приятных вкусовых ощущениях от пищи, а о приятной вкусной пище).

Или неудовольствие от утомления переносится на самую утомляющую работу, а неудовольствие от боли переносится на самую бьющую палку, которая сама становится для нас

неприятной. И такая перенесенная на новый объект гедоническая реакция попрежнему регулирует поведение по тому же принципу „к“ и „от“, как и при своей первичной связи с каким-либо раздражением.

Такой перенос гедонической реакции с одного объекта на другой, до того гедонически-безразличный, есть явление весьма распространенное. Оно часто происходит и между внешними объектами (раздражителями), когда, например, удовольствие, испытываемое нами от присутствия любимого человека переносится на обитаемую им комнату, или, наоборот, неудовольствие от выдергивания зуба переносится на кабинет дантиста. Этот перенос гедонической реакции совершается в силу совпадения во времени прежнего ее возбудителя с новым, прежде индифферентным. И этим он очень напоминает Павловский механизм образования условного рефлекса. В другом месте при анализе механизма любви мы встретимся с своеобразным и важным случаем переноса гедонической реакции.

Осуществляется гедоническое поведение на низших ступенях простым передвижением или всего организма или отдельной его части, органа, направленным к приведению в контакт с приятным раздражителем, или, наоборот, к нарушению контакта с неприятным раздражителем. Но чем эволюционно-выше стоит организм и его нервная система, тем сложнее осуществление гедонических реакций—они осуществляются при помощи всех тех сложных (высших) механизмов поведения, которые имеются на данной ступени развития мозга, хотя основным двигателем остаются при этом те же гедонические реакции. У человека, наравне с другими двигателями поведения они играют на малую роль. В особенности это относится к нашей половой жизни.

Гедонические реакции и механизмы чисто инстинктивного поведения (см. выше) ни в коем случае не исключают друг друга и часто тесно между собой переплетаются. Различие между ними состоит в том, что инстинктивное поведение, в основе которого лежит определенный врожденный сложно-рефлекторный механизм, отвечающий лишь на определенные раздражители — более определенно и специализировано и по своему характеру, и по осуществляемым им задачам. Поведение же обусловленное гедонической реакцией менее определенно и специализировано и состоит лишь в достижении или устранении контакта с любым раздражителем, будь он только приятным или неприятным. Гедоническая реакция часто добавляет и усиливает механизм инстинктивного поведения. Гедоническая вкусовая реакция (приятный или неприятный вкус пищи) дополняет работу рефлекторных механизмов инстинкта питания. То же мы увидим и в половой жизни. Каждое достижение того или иного инстинктивного

поведения приносит удовлетворение (удовольствие), и, наоборот, каждое недостижение, „ущемление“ инстинкта приносит неудовольствие и боль.

Здесь гедонические реакции являются постоянными и могучими вспомогательными двигателями поведения, усиливающими и дополняющими основное действие рефлекторных механизмов инстинкта.

II. ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛОВОГО ПОВЕДЕНИЯ.

Механизм полового влечения.

Основным явлением половой жизни является половое влечение одного лица к другому. Это другое лицо, на которое направляется влечение, мы будем называть объектом полового влечения или просто половым объектом, причем обычно, в нормальных случаях, оно бывает противоположного пола. Однако, это влечение к половому объекту есть сложное явление, подлежащее дальнейшему анализу и состоящее из нескольких как бы отдельных влечений, которые мы будем называть частичными влечениями. Все эти частичные влечения направлены на тот же половой объект и в конечном счете все они осуществляют общую биологическую (жизненную) задачу — достижение и выполнение совокупления. Но на пути к этой общей и конечной задаче каждое из частичных влечений выполняет свою частичную ближайшую жизненную задачу и соответственно этому каждое из них вызывает и особое поведение.

Основным частичным влечением. нормально преобладающим в сложном влечении к половому объекту, является описанное Моллем влечение к приближению и к прикосновению к этому объекту. Поведение, вызванное этим влечением, ведет к пространственной близости с объектом (к тому, чтобы быть с ним вместе, пойти к нему, увидеть его и т. д.), далее оно ведет к всевозможным прикосновениям к объекту, к объятиям, поцелуям и т. д. до совокупления включительно. Биологическое значение этого влечения вполне понятно, так как оно осуществляет необходимые предварительные условия совокупления.

При этом Молль описывает, что самый характер прикосновений таков, что оба соприкасающиеся тела располагаются одно относительно другого в такое взаимное положение, которое наиболее благоприятно для полового акта. Это можно проследить как у людей, так и у животных.

В дальнейшем мы еще вернемся к более подробному разбору этого основного частичного влечения к приближению

и прикосновению, а здесь отметим, что кроме него в состав общего полового влечения к объекту входит и ряд других частичных влечений, каковы влечение нравиться половому объекту, влечение возбуждать его в половом отношении, влечение овладеть им и подчинить его себе или обратное ему влечение отдаться и покорно подчиниться половому объекту. В дальнейшем мы вернемся к подробному анализу этих частичных влечений и там же уделим особое внимание тому важному для нас вопросу — какое из этих частичных влечений и в какой мере является наследственно-врожденным, и какое — приобретенное в течение индивидуальной жизни, как наследие известных социально-экономических отношений. Пока отметим лишь то, что первичным и наиболее древним в ряду развивавшихся животных (филогенетически), а также безусловно врожденным является влечение к приближению и прикосновению, другие же частичные влечения присоединились к нему позднее, как вторичные и добавочные.

Здесь мы должны остановиться на сложном половом влечении к объекту, не подвергая его вышеописанному анализу на его составляющие, и выяснить ряд механизмов этого влечения, взятого в целом. Хотя преимущественно мы будем иметь при этом в виду основное влечение к приближению и прикосновению. У низших животных, например, у насекомых, механизм полового влечения крайне прост. В их просто-устроенной нервной системе имеется наследственно-фиксированный (по Павлову — безусловный) рефлекторный механизм, который у половозрелого самца приводится в действие исходящими от зрелой самки простыми раздражениями, обычно ее запахом. В ответ на это раздражение рефлекторный механизм полового влечения вызывает определенное поведение, направленное к приближению и прикосновению к источнику этого раздражения, т.-е. к самке. Так самец бабочки ночного павлика через весь лес летит по направлению к самке, запах которой различило его чрезвычайно обострившееся обоняния, а прилетевши к ней он все теснее соприкасается с ней и, наконец, совокупляется. Все поведение вызывается сложной цепью врожденных рефлекторных механизмов. Подобным же образом приводятся в действие и рефлекторные нервные механизмы других частичных влечений, разумеется на тех ступенях животного мира, где эти влечения уже имеются.

У человека механизм полового влечения гораздо сложнее. Прежде всего сильно осложнена та его часть, которая воспринимает раздражения, исходящие от полового объекта, или, как ее называют, рецепторная часть рефлекторного механизма влечения (или, попросту, его рецептор). У низших животных механизм влечения приводится в действие простым раздражением (например, запахом), исходящим от объекта. На это

простое раздражение рефлекторный механизм имеет врожденный воспринимающий аппарат (рецептор). У человека же этот врожденный воспринимающий аппарат утерян и механизм полового влечения приводится в действие не какими-либо простыми раздражениями (хотя бы запахом), исходящими от объекта, а всем этим сложным объектом, как таковым.

Половой объект человека является чрезвычайно сложным объектом внешнего мира, объектом социальной среды (другим человеком) и этому сложному объекту в мозгу воспринимающего его другого человека соответствует сложнейший комплекс нервных связей. И этот-то сложный объект как таковой является возбудителем полового влечения человека. К подробному разбору этого интереснейшего вопроса мы еще вернемся в специальной главе, где я попытаюсь доказать, что даже зрительные восприятия внешнего вида полового объекта не являются как таковые врожденными возбудителями полового влечения человека, а служат лишь сигналами сложного объекта.

Само половое влечение к объекту, вернее, входящие в его состав частичные влечения к приближению (нравиться и т. д.), субъективно переживаются или сознаются человеком как более или менее сильные (часто очень могучие) побуждения к соответственному определенному поведению: так, например, испытывается более или менее настоятельная потребность быть вместе с объектом, пойти к нему, в его присутствии держаться определенным образом, быть красиво одетым и т. д. При этом такое побуждение или потребность подчас бывают столь могучи, что никакие сопротивления нашей сознательной личности не в силах им противостоять. Если мы под личностью человека согласимся понимать объединенную совокупность его взглядов и убеждений, моральных принципов, житейских привычек и т. п., при чем такую их объединенную совокупность которая управляет нашим поведением, нашими сознательными, произвольными намерениями, решениями и поступками, то во взаимоотношении этой личности и интересующего нас полового влечения возможны два случая. Иногда сознательная личность не признает разбираемые нам инстинктивныя побуждения своими, считает их как бы какой-то посторонней, действующей со стороны движущей силой, и ведет с ними более или менее успешную борьбу. Победит ли в этой борьбе личность и влечение будет оттеснено, или, наоборот, влечение сломит все преграды, выдвигаемые против него личности — это зависит от силы влечения и от силы личности. В таком противоречии сознательной личности и влечения может не быть ничего болезненного (патологического), так как сама личность сохраняет при этом свою цельность, и борьба ведется между „высшими"

тенденциями социальной личности и „низшими“ побуждениями животного инстинкта. Но возможен и другой случай, когда сама личность со всеми ее сложными (высшими) аппаратами сознательного рассудочного поведения становиться орудием осуществления влечения, и тогда она признает эти побуждения своими и оправдывает, рационализирует их перед собой и перед другими. Подобное, вероятно, бывает в случаях более сильных влечений. Разумеется, бывают и такие случаи когда влечение по существу не противоречит намерениям сознательной личности, и тогда для конфликта просто нет никаких оснований.

Переводя сказанное на язык физиологии мы можем предположительно набросать следующую схему. В высших отделах мозга существует сложный комплекс нервных связей, большею частью приобретенных человеком в его развитии в социальной среде — это есть его личность. Независимо от этого мозгового комплекса существуют врожденные сложнорефлекторные (инстинктивные) нервные механизмы влечений, быть-может, заложенные в низших отделах мозга. Нервный комплекс личности и механизмы влечений могут действовать более или менее независимо друг от друга, и даже находиться друг с другом в конфликте. Но между ними возможна и согласованность действия, доходящая до того, что сложный комплекс личности вплетается в механизм влечения и тогда сложный мозговой комплекс (личность) со всеми его „высшими“, например, интеллектуальными средствами, становится в положение исполнительного аппарата (эффектора) рефлекторного механизма влечения.

Таким образом, в основе частичных половых влечений человека мы находим все те же рефлекторные нервные механизмы, что и у его отдаленных животных предков. Только эти рефлекторные механизмы в различных направлениях до неузнаваемости усложнены. Поэтому мы и называем эти влечения человека инстинктивными, но при этом мы все время должны помнить, что инстинктивны лишь лежащие в их основе древние враждебные рефлекторные механизмы. Все же осложняющие их механизмы поведения (надстройки) далеко не инстинктивны.

В случаях более сильного проявления полового влечения человека характерен следующий сильно усложняющий его механизм. В нашем мозгу постоянно имеется известное количество нервных процессов находящихся в более активном, деятельном состоянии сравнительно с другими процессами мозга. Эта наиболее активная зона (область) мозговой деятельности является объективной сущностью наших мыслей, чувств, желаний и она то и руководит нашим произвольным поведением. При этом, как показал Фрейд, эти мозговые процессы (мысли или желания) могут и не созна-

ваться нами, и быть бессознательными. Так вот' при сильном половом влечении его инстинктивное побуждение к определенному поведению, достижение этого влечения, которое при этом кажется необычайно привлекательным — становится как бы в центр этой наиболее деятельной зоны нашей мозговой деятельности, приобретает центральное, господствующее положение в нашем нервно-психическом обиходе. Влечение как бы фиксирует, сосредоточивает на себе сознание и вообще эту наиболее активную зону мозговых процессов и затем детерминирует, т.-е. отбирает, направляет и преломляет эти мозговые процессы (мысли, желания) в сторону осуществления этого влечения. Ясно, что тем самым и поведение, управляемое этой мозговой деятельностью, также направляется к осуществлению влечения. При этом происходит то, что все нервно-психические процессы (и поведение), благоприятствующие осуществлению влечения, поддерживаются и усиливаются, все же противоречащее влечению тормозиться, подавляется и вытесняется иногда вызывая против себя даже реакцию гнева. Весь процесс очень напоминает описанное старой психологией самонаблюдения течение сознательного волевого процесса (Ах, Мейман, Титченер). Но там детерминирующая фиксация, желаемого достижения есть продукт сознательного и произвольного усилия личности. Здесь же детерминирующая фиксация .влечения, обусловлена деятельностью врожденного инстинктивного нервного механизма этого влечения. И лишь иногда, как мы видели выше, получается иллюзия, самообман произвольной фиксации личностью. Следовательно, пришедший в деятельное сестояние сильный нервный механизм влечения обладает способностью сосредоточивать, фиксировать на себя наиболее активную часть мозговой деятельности и тем самым направлять мозговые процессы и поведение к своему осуществлению. Поэтому, при наличии полового влечения все наше поведение, часто очень сложными и окольными путями, в конечном счете направляется к осуществлению влечения. Считаю важным подчеркнуть, что пути этого осуществления часто бывают очень сложны и поистине до неузнаваемости „окольны".

Заметим, что подобную же независящую от произвольной личности детерминирующую фиксацию мозговой деятельности и поведения мы имеем и при других врожденных сильных реакциях — питания у голодного, материнских забот, самосохранения (страха), в случаях их особо сильного проявления.

После описанного выше усложнения воспринимающей части (рецептора) рефлекторного нервного механизма влечения — этот механизм детерминирующей фиксации мозговой деятельности является вторым основным отличием усложненного

инстинктивного поведения человека от чисто-инстинктивного поведения низших животных. Оно состоит в очень значительном усложнении эффектора, т.-е. исполнительного аппарата рефлекторного механизма влечения, посредством которого он отвечает на полученные раздражения. У низших животных рефлекторный механизм инстинкта (влечения) имеет простой врожденный исполнительный аппарат и вызывает вполне определенное, наследственно - закрепленное ответное поведение, на самых низших ступенях осуществляемое путем сокращения также наследственно-закрепленных сочетаний мышечных групп. У человека же, за исключением ряда простых рефлексов принимающих участие в выполнении самого совокупления, такой род простого наследственно-закрепленного инстинктивного поведения утерян, и в его сложной мозговой организации заменен описанным выше сложным механизмом детерминирующей фиксации. Таким образом, хотя в ходе филогенетической эволюции от низших животных к высшим и, наконец, к человеку в основе полового влечения последнего сохранился тот же древний врожденный рефлекторный механизм, но осуществляется инстинктивное поведение человека путем сложной общей детерминации — отбора и направления — поведения в сторону осуществления биологических задач инстинкта, средства же и пути осуществления этих жизненных задач не предрешены в нашей наследственности, а зависят от личного (индивидуального) опыта каждого. При этом используются все средства, имеющиеся в распоряжении мозга, вплоть до самых „высших" проявлений интеллекта.

В заключение этого параграфа уместно поставить вопрос о том, в каком смысле можно говорить о целенаправленности инстинктивных влечений? в какой мере и когда имеется здесь предварительное сознание того результата, которого должно достигнуть поведение, вызванное влечением, сознание той биологической задачи („цели"), которую данное влечение осуществляет? У низших животных с простой нервной системой, не обладающих памятью и вообще не способных пользоваться своим индивидуальным опытом, опытом накопленным в течение жизни, никакого предварительного сознания какой-либо цели, результата, достижения инстинктивного поведения, разумеется, нет и быть не может (хотя бы даже самого смутного и неопределенного сознания цели, на котором настаивает Вундт). И если естественники иногда и говорят здесь о цели, целесообразности, то это лишь в том условном (для краткости) смысле, в котором эти слова вообще употреблются в современной биологии, признающей одну лишь причинность и видящей во всех жизненно-полезных приспособлениях организмов (в том числе и инстинктах) результат борьбы за существование и естественного подбора.

У высших животных, и в особенности у человека, дело обстоит несколько иначе. Первично, до опыта, когда у молодого индивида инстинктивное влечение проявляется впервые и когда он не осведомлен от окружающих об его достижениях и результатах — предварительного сознания „цели“ или результата нет и здесь.[1] Но так как на этих высших ступенях имеется память и вообще способность пользоваться своим индивидуальным опытом, то при наличии такого опыта, при повторных проявлениях влечения (или при заменяющем собственный опыт научении окружающих), предварительное сознание результата и достижения влечения может быть приобретено. У человека, в особенности при коллективном опыте углубленном наукой, познается не только ближайшее достижение влечения, т.-е. совокупление, но и конечное достижение — рождение потомства. Однако, надо заметить, что основным двигателем поведения и здесь является не это сознание достижения, а лежащий в основе влечения врожденный рефлекторный механизм. Сознание достижения может быть лишь добавочным двигателем.

Зависимость влечения от эндокринной деятельности половых желез.

Половые железы — мужские семенники и женские яичники — в силу своей эндокринной или внутренне-секреторной деятельности выделяют в кровь особые соки (гормоны), и эти гормоны приносятся током крови в мозг и воздействуют на него и, в частности, на заложенные в мозгу механизмы полового влечения. Деятельность этого нервного механизма, т.-е. само половое влечение, находится в большой зависимости от рассматриваемого воздействия половых гормонов и это очень важная сторона механизма полового влечения. Само развитие и формирование механизмов полового влечения в онтогенетическом развитии от ребенка к взрослому человеку, в частности направленность этого влечения на объект именно данного, а не другого пола, как и развитие всех других так называемых вторичных половых признаков, протекает в самой тесной зависимости от ранней внутренне-секреторной деятельности половых желез. Это показывают случаи раннего удаления половых желез (кастрации) или их природного недоразвития, при которых половое влечение не развивается вовсе. Поучительны также случаи неправильной внутренне-секреторной деятельности половых желез (мужские гормоны вместо женских и обратно), что может

[1] Сознается лишь привлекательность самого поведения, его самых ближайших шагов.

быть достигнуто и при помощи искусственных пересадок, — в этих случаях влечение направляется не на противоположный пол, а на объект своего же пола — это так называемая гомосексуальность.

Но и проявление вполне сформировавшегося, зрелого полового влечения у взрослого продолжает самым тесным образом зависеть от половой эндокринии. Дело в том, что внутренне-секреторная деятельность половых желез не всегда равномерна во времени по своей интенсивности (силе). У женщин и у самок животных интенсивность эта изменяется периодически, усиливаясь в период течки животных и в менструальный период женщин, и, наоборот, ослабевая между этими периодами. Эти усиления внутренней секреции при созревании и выходе очередного яйца можно считать вполне доказанными.

У мужчин и самцов животных такой периодичности или вовсе нет, или она не играет заметной роли. Зато мы можем признать, что эндокринная деятельность семенников изменяется сообразно их общему состоянию, и именно степени их истощенности: внутренняя секреция семенников нормальна при их здоровом, сильном, состоянии, когда они не истощены и нормально-способны вырабатывать семенные тельца, эндокриния понижена при их истощении от чрезмерной деятельности и, наоборот, вероятно, повышена при их перегрузке готовыми половыми продуктами (спермой). Так вот, в зависимости от этой неравномерной интенсивности внутренней секреции половых желез и, следовательно, от неравномерного воздействия половых гормонов на мозг — нервный механизм полового влечения находится в большей или меньшей готовности к деятельности, нормальной (средней), пониженной или повышенной. Как рефлекторный механизм он реагирует (отвечает) на внешние раздражения, исходящие от полового объекта. Но нормально необходима известная минимальная степень воздействия на мозг половых гормонов, чтобы рефлекторный механизм влечения находился в готовности действовать и был восприимчив к этим внешним раздражениям от объекта, в ответ на которые он при таких условиях и вызывает соответствующее поведение. Когда же производство половых гормонов и их воздействие на мозг понижено или отсутствует совершенно, механизм влечения как бы остается в потенциальном состоянии, но неспособен к деятельности, не восприимчив к внешним раздражениям от полового объекта и не отвечает на них. Его воспринимающий аппарат (рецептор) как бы закрыт для этих раздражений. Так это обыкновенно бывает у животных, — половое влечение самок проявляется лишь во время течки, в другое же время оно не проявляется совершенно. Также не проявляется влечение и у истощенного в половом отношении

самца, который почти или даже совершенно не восприимчив к раздражениям, исходящим от самки. Зато после длительного полового воздержания, у самца с половым аппаратом переполненным спермой, мозг подвергается усиленному воздействию половых гормонов и механизм влечения повышенно дееспособен и чрезвычайно восприимчив к малейшему раздражению, исходящему от самки.

У человека мы не найдем того резкого разграничения между средней и пониженной (и даже совершенно заторможенной) готовностью к деятельности механизма влечения и его восприимчивостью к раздражениям от объекта в связи со средней или пониженной внутренней секрецией, которую мы только что описали у животных. У женщин между менструальными периодами, у мужчин при более или менее истощенном состоянии семенников, когда производство половых гормонов понижено, половое влечение все же может проявлятся и часто проявляется, хотя и в более или менее пониженной форме. Значит, зависимость влечении от половых гормонов у человека нарушена и мы можем говорить здесь об относительной независимости механизма влечения, его дееспособности и восприимчивости, от воздействия этих гормонов. Эта независимость имеет различные и сложные причины. Здесь играет роль и общая неимоверно возросшая сложность нервной организации человека, и, в частности, сложность половых механизмов мозга, почему отдельные составляющие части этих механизмов более разобщены (диссоциированы) друг от друга. В нашем случае получается разобщение рефлекторного механизма влечения и внутренней секреции. Это особенно сказывается при болезненной расслабленности этих механизмов, происходящей от их чрезмерной деятельности при половых излишествах. С другой стороны, к этому нужно прибавить непомерно-большую пластичность мозговой деятельности человека, ее способность образовывать и закреплять новые, приобретенные в индивидуальном опыте нервные связи — привычки, навыки, и т. д. От этого механизмы поведения, вначале имевшие инстинктивную основу, со временем закрепляются как привичные, и продолжают существовать и функционировать, когда их инстинктивная основа уже утрачена. Получается то, что Л. Морган называет привычкой на инстинктивной основе. Так отношение человеческой матери к своим детям, вначале врожденно-истинктивное, закрепляется привычкой и остается на десятки лет, хотя его инстинктивная основа, тоже зависившая от внутренней секреции, давно утрачена. Так и механизм полового влечения человека, в особенности при интенсивной половой жизни, закрепляется в порядке индивидуально-приобретенной привычки и тем самым приобретает свою относительную независимость от

внутренней секреции. Такая относительная независимость у человека в известной степени своего проявления должна быть признана нормальной и безобидной, однако, часто она преступает эту степень нормальности и принимает явно патологический и пагубный характер. В этих случаях болезненного расслабления механизма влечения, происходящего от его чрезмерного переупражнения, повинен весь склад буржуазного быта с его всевозможными проявлениями порнографии, безделием, излишним питанием и изнеженностью, жаждой наслаждений и т. п.

Описанные Моллем случаи, когда у людей — кастратов, лишенных половых желез уже во взрослом состоянии, сохранялось половое влечение, должны быть объяснены этой же относительной независимостью влечения человека от половых гормонов. У животных при меньшей сложности их нервной организации и при меньшей сложности и разобщенности их мозговых механизмов полового поведения, а также при меньшей способности закреплять приобретенные опытом привычки — такое сохранение влечения у кастратов гораздо менее возможно.

Все же при таком отклонении от зоологической нормы известная зависимость влечения от степени производства гормонов у человека сохранилась, и при неистощенном состоянии семенников у мужчин, и в особенности в менструальный период у женщин, механизм влечения усиленно возбуждаемый гормонами, находится в большей готовности к деятельности и более восприимчив к раздражениям, исходящим от полового объекта. Влечение проявляется интенсивнее.

В половом влечении человека наблюдаются характерные отличия между состояниями средней и повышенной готовности механизма влечения к деятельности, его средней и повышенной восприимчивости к раздражениям от объекта. Повышенная дееспособность и восприимчивость механизма влечения бывает в случаях длительного полового воздержания или, как говорят, половой голодовки. В основе и здесь лежит среднее или повышенное образование половых гормонов.

При средней дееготовности и восприимчивости механизма влечения он хотя и способен к деятельности, но для приведения его в действие требуется внешнее раздражение исходящее или от реально-воспринимаемого полового объекта или от его заместителя воспроизведенного памятью или фантазией (в некоторых случаях привычного онанизма). Почин, так сказать, для проявления влечения должен исходить от полового объекта. Без этого „почина“ от полового объекта влечение не проявится, и никакой перемены в половом состоянии человека не произойдет. Хотя половые

органы и посылают при этом в мозг те или иные раздражения, но эти внутренние раздражения оказываются недостаточными, чтобы сами без „почина“ со стороны раздражений от объекта, привести механизм влечения в деятельное состояние.

Совершенно иное дело когда в случаях длительной половой голодовки, при избытке половых продуктов у мужчин или в период месячных очищений у женщин дееготовность и восприимчивость механизма влечения бывают повышены. Здесь уже внутренних возбуждений, идущих к мозгу от половых органов, оказывается достаточно, чтобы привести механизм влечения в деятельное состояние не дожидаясь „почина“ от полового объекта: „почин“ здесь принадлежит внутренним раздражениям, исходящим от половых органов и эти внутренние раздражения открывают всю цепь полового поведения.

Если мы опять оглянемся на низших животных, нервная система которых еще настолько проста, что еще не обладает воспроизводящей деятельностью (на человеческом языке — памятью), позволяющей пользоваться приобретенным опытом, то у них внутренние разражения от „изголодавшихся“ половых органов вызывают особое беспокойное, возбужденное состояние. Если половой объект (например, самка) при этом отсутствует и механизм влечения не получает внешних раздражений от этого объекта, возбужденное беспокойное состояние самца проявляется при этом в особом поведении, которое лучше всего было бы назвать ни на что не направленным беспокойным „исканием“. Слово „искание“ здесь нужно понимать не в его человеческом смысле сознательного, преднамеренного искания. Оно есть искание с объективно-билогической точки зрения, где самец инстинктивно, ничего не сознавая, беспокойно бегает, рыщет или летает кругом, пока не натолкнется на свой половой объект. Такое поведение ненаправленного „искания“ выработано подбором, так как оно гарантирует необходимую встречу с половым объектом. Когда объект налицо, исходящие от него раздражения придают определенное направление влечению, и дальнейшее поведение нами уже рассмотрено в другом месте.

У человека в основе механизм тот же, только он значительно усложнен. Сильные внутренние раздражения от половой сферы вызывают состояние беспокойного возбуждения, по своим объективным внешним проявлениям весьма напоминающее только-что описанное состояние животных. Субъективно оно переживается человеком как внутренняя беспокойная неудовлетворенность, соединенная с особым, описанным Моллем, неприятным напряжением в половой сфере. Это неприятное напряжение вызывает стремление

от него избавиться. И что самое главное — вспыхивает влечение к половому объекту. Восприимчивость механизма влечения к раздражениям, исходящим от полового объекта, оказывается до чрезвычайности повышена. Если подходящий реальный объект тут же находится под рукой — влечение с чрезвычайной легкостью на него направляется. Если же подходящего объекта налицо нет, то тот или иной объект воспроизводится по памяти, влечение на нем фиксируется и поведение направляется к реальному отысканию этого объекта. Но влечение может сначала и совершенно не направиться на какой-либо конкретный персональный объект (определенную личность). В таком случае влечение сначала менее определенно направляется на не персонализированный общий половой комплекс „женщина“ (или „мужчина“), вызывает менее определенное, персонально-ненаправленное искание реального объекта, и при нахождении подходящего — на нем останавливается и закрепляется (фиксируется).

Если же в силу обстоятельств подходящий реальный половой объект так и не находится, или почему-либо дело вообще не доходит до нормального исхода и конечного достижения влечения, т.-е. до совокупления, освобождающего половую систему от ее состояния половой голодовки — это состояние доходит до такой крайней степени, что освобождение от него происходит путем вынужденного онанизма или ночной полюции. Реальный объект заменяется при этом воспроизведенным в фантазии или сновидении и половое влечение направляется на этот воспроизведенный объект.

Как в случаях искания и нахождения реального полового объекта, так и в случаях самоудовлетворения происходит описанная нами выше детерминирующая фиксация активной зоны мозговой деятельности на достижении влечения, при чем сильно возбужденное изнутри влечение вызывает и особо-сильное проявление этой детерминирующей фиксации.

Все эти случаи повышенной дееспособности и восприимчивости влечения, приведенного в действие не внешними раздражениями от объекта, а сильными внутренними раздражениями от половой сферы, носят название полового самовозбуждения или автоэротизма. Оно присуще как мужчинам, так и женщинам, при чем влечение в этих случаях бывает особо сильным, упорным и навязчивым.

Прекрасным примером полового самовозбуждения на почве продолжительного воздержания являются аскеты. Не говоря уже о сильнейших проявлениях полового влечения как такового, последнее часто проявлялось у них в замаскированном виде. Блох справедливо указывает, что средневековые монахи своим половым воздержанием вместо

желанного ими „раскрепощения плоти" достигали как раз обратного; в их писаниях все мысли вращаются вокруг половых вопросов, разумеется, в смысле борьбы с грехом. Вытесненные влечения проникали в их сознание в замаскированной, вывернутой на изнанку форме, но отделаться от них они все же не могли.

Половое возбуждение.

Рассмотренное нами половое влечение к объекту является основным механизмом полового поведения. Но кроме него в половом поведении, а в особенности в сложном половом поведении человека, принимают участие и ряд добавочных механизмов, действие которых присоединяется к основному действию влечения и содействует достижению общей биологической задачи — совокуплению. Одним из таких добавочных механизмов полового поведения является половое возбуждение.

Состояние общего нервно-психического возбуждения, а также противоположное ему состояние угнетенности являются важными реакциями нервной системы животных и человека и принимают немалое участие в регулировании их поведения. И это относится не только к половой жизни, но и ко всякому поведению вообще. Реакция возбуждения, вероятно, имеет в своей основе расширение кровеносных сосудов мозга, их переполнение артериальной кровью, повышенное питание и промывание мозга, и в связи с этим проявляется в повышении и усилении мозговой деятельности. Реакция же угнетенности, наоборот, вероятно, состоит в сужении мозговых сосудов, обескровлении мозга и понижении его деятельности.

Нужно подчеркнуть то большое жизненное значение, которое эти механизмы возбуждения и угнетенности имеют как факторы регулирующие поведение. Повышая или понижая (общую) интенсивность мозговой деятельности, они повышают или понижают как деятельность двигательных центров мозга, следовательно, мускульную активность и вообще внешнее поведение, так и активность чисто центральных мозговых процессов, работу мысли, фантазии, чувств и т. д. В конечном счете и это, конечно, отражается на поведении. Поэтому, как биологическое приспособление, состояние (реакция) возбуждения наступает тогда, когда жизненно-полезно повышение активности поведения, где нужно быстро смекнуть, извернуться, принять срочные меры Наоборот, угнетенность полезна там, где активное поведение вредно и эта активность должна быть понижена. В особо резких случаях эта угнетенность даже переходит в сон.

В половой жизни такое состояние возбуждения обычн присоединяется к другим проявлениям полового поведени и, в частности, к половому влечению к объекту, будь ли эт влечение вызвано изнутри, автоэротически, или будь он вызвано извне, раздражениями исходящими от реальног полового объекта. Даже в раннем детстве при чисто-пери ферическом онанизме, лишенном еще какого-либо влечени к объекту, половое возбуждение часто наблюдается. Следо вательно, оно может вызываться и чисто периферическимı раздражениями половых частей.

Как и в других случаях возбуждение усиливает актив ность полового поведения и этим способствует достиженик его биологической задачи. У низших животных оно простс усиливает двигательную активность их чисто-инстинктивногс поведения. У человека же, у которого, как мы видели механизм влечения сильно осложнен различными чисто центральными мозговыми процессами, возбуждение усиливает и эти последние. Так оно усиливает интеллектуальную деятельность, а описанный нами механизм детерминирующей фиксации мозговой деятельности на влечении направляет эту повышенную интеллектуальную (мыслительную) деятельность в сторону достижения половых задач. Этим объясняется хотя бы всем известная изобретательность влюбленных. Возбуждение повышает также и интенсивность эмоциональной деятельности (жизни чувств), от чего эмоциональная жизнь при половых переживаниях бывает так ярка и красочна. Это усиление интеллектуальной и эмоциональной деятельности при половом возбуждении, вероятно обусловливающееся усиленным кровоснабжением мозга, играет не малую роль и в хорошо известном явлении усиления, в эти периоды, творческой деятельности и, в частности, художественного творчества. Конечно, это явление более сложное и здесь играют роль и другие причины, между прочим связанные с внутренней секрецией половых желез. Но я думаю, что и повышающее мозговую активность половое возбуждение имеет здесь не малое значение.

Чем дальше идут вперед достижения полового поведения в смысле сближения с объектом и приближения к конечному достижению, тем сильнее становится половое влечение, а с ним вместе растет и половое возбуждение. Оно непрерывно растет до самого совокупления и еще быстрее растет во время совершения последнего, пока не достигнет наивысшей степени в момент извержения семени и открытия маточного зева, образуя явление так называемого оргазма. Оргазм есть явление сложное, состоящее из различных компонентов, но поскольку он проявляется в максимальном половом возбуждении с сопровождающими его конвульсивными мускульными сокращениями, сердечными, дыхатель-

ными, сосудистыми и другими иннервационными изменениями, а также в повышенной половой чувствительности — оргазм является важным и типичным моментом в явлении полового возбуждения.

Противоположное возбуждению состояние (реакция) угнетенности также имеет место в половой жизни. Такое состояние угнетения наступает сразу после совокупления и тормозит всякую дальнейшую половую активность. При этом угнетение порой переходит в сон. Нельзя не видеть в этой быстро наступающей реакции угнетенности специального жизненно-полезного приспособления. Затормаживая дальнейшую половую активность оно тем самым предупреждает переистощение половых желез, которое наступило бы и могло быть пагубным при следующих непосредственно друг за другом половых актах. При этом не только возбуждение сменяется угнетенностью, но и влечение к объекту моментально пропадает и может даже временно смениться противоположным отношением (реакцией) отвращения к объекту — его тело, например, до того казавшееся необычайно привлекательным, сразу теряет эту привлекательность и может даже временно стать отталкивающим.

Говоря о половом возбуждении не могу не остановиться на явлении садизма. Свидетельствуя о какой-то странной, довольно непонятной связи между половым сладострастием и жестокостью, садизм поистине является одной из загадок половой жизни. Я буду говорить здесь только о садизме жестокости, сладострастии от причиняемой другому боли. Другие элементы садизма — унижение, власть — затронуты здесь не будут.

Мне кажется, что ключ к разрешению этого вопроса надо искать в явлении полового возбуждения. Мы видели, что необходимым составным элементом всех половых процессов является состояние общего нервно-психического возбуждения. Но ведь такое же возбуждение является постоянным и неизбежным составным элементом и всех состояний, связанных с жестокостью — на войне, на охоте и пр., у людей также, как и у хищных животных. Это-то возбуждение, мне кажется, и является как бы соединительным мостом, по которому сладострастие и жестокость так легко переходят друг в друга и друг с другом переплетаются. Ибо не только сладострастие садиста переходит в жестокость, но и, наоборот, разгоряченные битвой солдаты иногда переходят к половым эксцессам. Интересно отметить роль красного цвета в интересующем нас явлении. Еще Вундт экспериментально показал его возбуждающее действие. Биологически вполне понятно, что цвет крови возбуждает хищника и будит его жестокость. Это практически использовалось применением красных шарфов в испанских боях быков.

Но и в половом отношении красный цвет также действует возбуждающе. Ив. Блох указывает, что рафинированные проститутки иногда надевают красное белье, имея при этом целью усилить половое возбуждение своих пресыщенных посетителей. Неудивительно после этого, что раскрасневшееся лицо сексуально-возбужденного партнера, особенно во время совокупления, вызывает в другом соучастнике не только половое возбуждение, но и возбуждение жестокости. И мы знаем, что во время совокупления возбужденные соучастники иногда начинают царапать и кусать друг друга, так что некоторые авторы признают даже известную долю жестокости постоянным спутником полового возбуждения. К тому же и вся процедура полового овладевания не может не способствовать пробуждению жестокости. Не даром, как указывает Фрейд, совокупление родителей, производит на видящих его детей впечатление. насилия и причинения боли.

Не разбирая здесь других сторон садизма (а таковой очень важной стороной его является в особенности его социально-экономическая сторона) мы говорим — возбуждение, как общий элемент половых переживаний и жестокости, и есть то, благодаря чему половое возбуждение переходит в возбуждение жестокости.

Периферический гедонический аппарат.

В механизмах полового поведения очень большую роль играет периферический половой аппарат. Мужские и женские наружные половые органы, в особенности некоторые их части (penis, clitoris, некоторые части влагалища), с одной стороны, обладают свойством наливаясь кровью приходить в состояние так называемой эрекции, а с другой — будучи наделены обильно - разветвляющимися в них чувствительными нервными окончаниями, обладают чрезвычайной чувствительностью к механическим раздражениям (прикосновение, надавливание, трение) при чем эти раздражения окрашены в яркий тон удовольствия. Оба эти механизма биологически очень важны.

Начнем с механизма эрекции. Это есть периферический, добавочный половой механизм, служащий для выполнения совокупления, при чем он служит этому как непосредственно, благодаря отвердению частей, механически облегчая самый половой акт, так и тем, что эрекция повышает раздражимость и приятную чувствительность эрегированных частей. Субъективно эрекция переживается как местное неприятное напряжение, локализованное в эрегированных частях. Если мы вспомним сказанное в своем месте о гедонических реак-

циях, то мы в этом неприятном напряжении от эрекции вскроем отрицательную гедоническую реакцию, направленную к тому, чтобы избавиться от этого неприятного напряжения. Молль называл это стремлением к расслаблению (Detumescenztrieb). И эта реакция избавиться от неприятного напряжения, присоединяясь к основному половому влечению к объекту, еще более усиливает его основное направление. При этом очень характерно, что локализованное (отнесенное к определенному месту) неприятное напряжение и стремление от него избавиться, придает и влечению к приближению и прикосновению к половому объекту более определенный и тоже локализованный характер, сосредотачивающий прикосновения на половых частях. Нормально эрекция наступает при обстоятельствах, предшествующих совокуплению, т.-е. на известной ступени достигнутого уже сближения с объектом. Влечение к прикосновению до того не делавшее различия в том, какими частями тела не прикасаться, с наступлением эрекции и неприятного напряжения, локализованного в половых частях (гениталиях), само приобретает, так сказать, генитальный характер, т.-е. становится влечением к прикосновению именно половыми частями. И в этом заключается огромная биологическая роль неприятного напряжения от эрекции — при отсутствии какого-либо полового опыта и научения со стороны окружающими, как это бывает у молодых животных, механизм этот (вместе с повышенной приятной чувствительностью половых частей), присоединяясь к основному влечению к прикосновению, является главным фактором, гарантирующим наступление совокупления. Без этого влечение к прикосновению носило бы слишком общий характер и совокупления не наступало бы.

Не менее важен и другой механизм периферического полового аппарата, тесно связанный с разобранным нами механизмом эрекции — это чрезвычайная приятная чувствительность (раздражимость) некоторых половых частей. Интенсивное удовольствие, доставляемое механическим раздражением этих частей, есть могучая положительная гедоническая реакция, вызывающая поведение, направленное к продлению и усилению этих приятных раздражений. Если же эти приятные раздражения в данное время отсутствуют, но известны индивидууму из его прежнего опыта — тогда поведение направляется к возобновлению этих прежних приятных раздражений. Это создает особый добавочный гедонический двигатель, присоединяющийся к основному влечению к приближению и прикосновению. Поэтому я и предлагаю называть весь этот половой механизм периферическим гедоническим аппаратом, а те части, вернее наружные и внутренние поверхности половых частей, которые обладают этой повышенной приятной раздражимостью — гедоническими

зонами. Думаю, что это будет гораздо точнее и определеннее, чем неопределенное и запутанное понятие Фрейда „эрогенные зоны“. При этом, возражая Фрейду, я подчеркиваю, что все влечения или стремления, которые первично связаны с этим аппаратом — это стремление к продлению, усилению или возобновлению приятных раздражений. И больше ничего. Фрейд говорит о каких-то других неясных влечениях, связанных с „эрогенными зонами“. Думаю, что кроме только-что названных, все другие влечения связаны с гедоническими зонами не первично, а присоединяются потом, в силу индивидуального полового опыта. О других „эрогенных зонах“ Фрейда — рта, прямой кишки и пр. — речь будет ниже.

Как мы видели, на известной ступени полового сближения с объектом наступает эрекция, которая еще гораздо более увеличивает приятную раздражимость гедонических зон. При всяком случайном малейшем механическом раздражении этих частей (легкое трение, нажатие), а, может-быть, и в отсутствии всякого внешнего раздражения, как бы в силу самораздражения необычайно чувствительных нервных окончаний) — наступает вышеописанная сильная гедоническая реакция, побуждающая к продлению и усилению этих интенсивно-приятных раздражений.

При наличии полового опыта это создает стремление к повторению уже испытанного совокупления и это стремление к повторению прежде пережитого приятного раздражения является добавочным (репродуктивно-гедоническим) двигателем поведения, присоединяющимся к основному его двигателю — инстинктивному влечению к объекту. Но и в отсутствии полового опыта, что особенно важно у животных не имеющих социального опыта (научения), описанные сильные, приятные раздражения и потребность их продлить и усилить сосредоточивают половые переживания на этих раздражаемых половых частях, и этим в сильной степени содействуют той генитамуации влечения к прикосновению, о котором мы говорили при разборе механизма эрекции, — влечение к прикосновению более сосредоточивается на половых частях. Этим периферический гедонический аппарат наравне с эрекцией в большой степени содействует (гарантирует) наступлению совокупления.

Но этим его роль не исчерпывается. Когда совокупление уже наступило, во время совершения последнего, при ритмическом раздражении чувствительных половых частей, положительная гедоническая реакция быстро растет вплоть до оргазма и все сильнее побуждает к продлению и усилению все более приятного раздражения. Таким образом, периферический гедонический аппарат не только содействует наступлению еще не наступившего совокупления, но также

прекрасно гарантирует выполнение уже наступившего акта. И в этом его огромное биологическое значение. Но при этом он всюду действует рука об руку с механизмом эрекции — это как бы два коррелятивных, дополняющих друг друга жизненных приспособления.

Есть основание думать, что интересующий нас периферический аппарат сложнее, чем простая положительная гедоническая реакция удовольствия. Согласно исследованиям Форстера (И. Блох, стр. 44), приятное раздражение половых частей носит оттенок боли. Они не только приятны, а к этой основной приятности присоединяется элемент неудовлетворяющего, беспокоющего раздражения (щекотки, зуда), побуждающего к дальнейшему механическому раздражению этих частей, как освобождающему их от этих неприятных раздражений. Получается как бы замкнутый круг: болевые раздражения, чтобы от них избавиться побуждают к дальнейшим болевым раздражениям. Но ведь ясно, что этого как раз и нужно, чтобы гарантировать наступление и выполнение совокупления. Таким образом, эти болевые элементы Форстера только усиливают основное действие приятной раздражительности периферического аппарата.

Биологически-нормально функция периферического гедонического аппарата и механизма эрекции наступает лишь в конце полового поведения при достигнутом уже сближении с объектом, перед наступлением совокупления. И здесь они являются добавочными половыми механизмами, присоединяющимися к основному механизму влечения к объекту. Однако, при отступлениях от биологической нормы эти периферические механизмы могут функционировать и без нормально предшествующих им этапов полового поведения, т.-е. сближения с половым объектом, и даже без нормально-связанного с ним влечения к объекту. Это бывает при раннем детском онанизме, не сопровождающемся никакой деятельностью фантазии, при котором чисто периферические механизмы приятной раздражимости, а часто и эрекции действуют совершенно изолированно от других половых механизмов (влечения к объекту). Подобные же случаи чисто-периферического онанизма, не сопровождающегося никакой деятельностью фантазии, по наблюдениям Молля, иногда бывают и у взрослых (в виде исключения). Эта относительная изолированность периферического полового аппарата объясняется тем, что механизм эрекции имеет свой спинно-мозговой центр, который может возбуждаться не только импульсами идущими из верхних отделов нервной системы, от внешних восприятий и механизма влечения к объекту, но может возбуждаться и чисто периферическими раздражениями половых частей, без какого-либо участия высших отделов мозга (влечения). Но изолированность, разобщенность

разбираемых механизмов идет и еще дальше — приятная раздражимость половых частей с вызываемым ею стремлением к продлению, усилению и возобновлению приятных раздражений, может функционировать и совершенно изолированно, даже без эрекции, — что и бывает в некоторых случаях раннего детского онанизма, наблюдаемого даже у грудных детей.

Добавление о сексуальном вообще, в связи с учением Фрейда об эрогенных зонах.[1]

Работы Фрейда по половому вопросу и в особенности его учение о ранней половой жизни детей (детской сексуальности) вызвали в науке много споров, и многие из этих споров были вызваны тем, что Фрейд значительно расширяет самое понятие сексуальности, относя к половой жизни такие явления, которые обычно к ней не относятся. Так, он признает сексуальными некоторые случаи сосания у грудного ребенка, многое в отношениях подрастающего ребенка к матери, как-то потребность быть с нею вместе, ревность к отцу и т. д. Читателя незнакомого с учением Фрейда отсылаю к его подлинным работам. Наиболее кратко и доступно для понимания оно изложено в статье: „Три главы к теории полового влечения“ в восьмом выпуске психоаналитической боблиотеки (Госиздат), а также в 20 и 21 лекциях Фрейда (второй выпуск той же серии).

Это заставляет нас на время сойти с нашего пути конкретного изучения механизмов полового поведения и поставить такой общий вопрос — да что же такое вообще сексуальное, половое, что какие явления, мы должны относить в эту область, а какие нет?

Конкретно этот вопрос встает в связи с только-что рассмотренным нами изолированном действии гедонического аппарата половых частей при раннем детском онанизме, — является ли это явление половым или нет? А несколько дальше учение Фрейда поставит перед нами и ряд других смежных вопросов: является ли сексуальным приятная раздражимость губ при сосании ребенка, приятная раздражимость прямой кишки и т. д.?

Признавая колоссальные заслуги и гениальность Фрейда в изучении психологии половой жизни, в данном пункте я должен сказать, что у Фрейда в применении понятия сексуальности нет достаточной научной точности и определенности (он даже употребляет здесь какие-то неопределенные

[1] Менее подготовленному читателю советую пропустить это дополнение.

словесные формы, в среднем роде, — „сексуальное“, „эротическое“), — и этой неопределенностью своих построений Фрейд вносит в запутанную и без того проблему сексуальности, еще бóльшую путаницу и неопределенность, порой переходящую в какую-то своеобразную „сексуальную“ метафизику. Но и другие авторы, в том числе и противники Фрейда, далеки от особой ясности и определенности в применении понятия „сексуальности“. Эта неопределенность проникла и в дискуссию „Крылатого Эроса“. Понятно какой вред может принести эта неопределенность и как важно внести сюда большую ясность.

Я попытаюсь внести сюда некоторую ясность следующими методологическими соображениями. При изучении тех или иных нервно-психических механизмов и вызываемого ими поведения, мы можем разсматривать их с двух точек зрения. Их можно рассматривать с точки зрения биологической, т.-е. с точки зрения жизненной полезности этих механизмов, и именно со стороны тех (а не иных) жизненных задач, для выполнения и осуществления которых эти механизмы поведения нужны и полезны. Дело в том, что жизнь выставляет перед индивидом различные задачи. Их можно классифицировать так: задача индивидуального самосохранения, распадающаяся на 1) добычу средств существования, главным образом, пищи и 2) самосохранение от опасности; далее следуют задачи сохранения рода, которые тоже удобно подразделить на 3) сексуальную, половую задачу — совокупление и все с ним связанное и 4) родительскую задачу, т.-е. заботы о потомстве. У общественных животных, и в особенности у человека, сюда присоединяется пятая задача соблюдения интересов коллектива и его членов (социальная задача). Для осуществления этих биологических задач служат прежде всего различные морфологические приспособления (строение тела), выработанные подбором. Но для осуществления этих же жизненных задач служит и поведение — инстинктивное или более сложное. При этом механизмы этого поведения могут быть самые различные. Так вот, механизмы поведения и можно изучать с точки зрения той жизненной задачи, которую данное поведение осуществляет — это и будет биологическая точка зрения. При этом, разумеется, слово „для“ употребляется здесь условно, для обозначения биологического приспособления причинно-выработанного естественным отбором. Но возможна и другая точка зрения, точка зрения чисто психо-неврологическая, изучающая нервно-психические механизмы как таковые, с точки зрения их собственного характера (устройства) и работы, независимо от тех биологических задач, которые этими механизмами и вызываемым ими поведением осуществляются. Такова, например, классификация Павлова на

врожденные и условные рефлексы, или описанные выше механизмы гедонических реакций.

На практике, при изучении приходится (и следует) пользоваться обеими этими методологическими точками зрения, и часто они тесно между собою переплетаются. Но в случае надобности нужно всегда уметь в них разобраться и отдать себе отчет: которая из них и в какой мере в данном случае налицо? Пользование биологической точкой зрения в психоневрологии практически часто очень полезно и продуктивно, но никогда не нужно забывать ее переносного из другой области, а потому условного употребления.

Так вот, возвращаясь к вопросу о понятии сексуальности, я и думаю, что сексуальность есть понятие биологическое, а не психо-неврологическое. Сексуальными, половыми являются те биологические задачи, которые выполняются данным поведением и лежащими в его основе мозговыми механизмами. Таковой задачей является совокупление и все с ним связанное, подготовляющее его и содействующее ему — искание полового объекта, сближение с ним, расположение его в свою пользу, устранение соперников и т. д. И лишь постольку, поскольку поведение и его мозговые механизмы осуществляют эти жизненные задачи (и лишь в этом смысле), они являются половыми. Сами же по себе, по своему устройству и функционированию нервные механизмы поведения никогда не являются сексуальными, ибо это есть посторонняя для них методологическая точка зрения.

И мне кажется, что именно от смешения этих двух методологических точек зрения — биологической и чисто психоневрологической — и произошли многие из тех ненужных споров о словах, которые возгорелись между Фрейдом и его „оскорбленными" противниками, споров, отвлекших внимание от подчас ценнейших элементов внутреннего содержания работ Фрейда, по праву заслуживающих названия одного из ценнейших вкладов в науку.

В некоторых случаях такое смешение методологических точек зрения совершенно безопасно. Есть механизмы поведения; никогда не осуществляющие никаких иных биологических задач, кроме половых — таковы врожденные инстинктивные механизмы влечения к половому приближению и др. частичных влечений к половому объекту; механизмы эти специфически выработаны подбором для осуществления половых задач и резко отличаются от всех других механизмов поведения. В таких случаях биологическая точка зрения как бы тесно прирастает к данному механизму и нет никаких оснований отрывать его от нее; данный механизм поведения мы всегда и смело можем называть половым.

Но бывают случаи, когда один и тот же механизм поведения в одном случае осуществляет половые задачи, в другом

нет (осуществляет другие, не половые жизненные задачи), — и порой для этого достаточно бывает лишь незначительной перегруппироки составляющих частичных механизмов, а то и просто различия во внешних обстоятельствах. Поэтому, если в данном (первом) случае и можно, применяя биологическую точку зрения, говорить о сексуальности, то нужно строго помнить это методологическое заимствование точки зрения и не делать из этого употребления никаких лишних выводов. Гедоническая реакция на половых частях может осуществлять половые задачи и считаться сексуальной. Но та же гедоническая реакция в других случаях — на губах, при сосании — осуществляет другую жизненную задачу питания, и считать ее и здесь сексуальной, как это делает Фрейд, нет никаких оснований.

Часто бывает очень трудно установить, — где следует начать или, наоборот, где кончить считать данный механизм сексуальным? Это особенно бывает трудным при всяких патологических отклонениях от нормы. Так как само применение понятия сексуальности в психо-неврологии условно, то и границы его применения по необходимости также должны быть устанавливаемы условно. Если какой-либо механизм поведения, как, например, при раннем детском онанизме, в данном случае не осуществляет никаких половых задач и даже изолирован от других обычно-сексуальных механизмов (влечения к объекту), но в других случаях он эти половые задачи осуществляет, если далее этот механизм никогда никаких других не половых жизненных задач не осуществляет — мы можем условно называть его половым. Но в случаях более резких патологических отклонений от биологической нормы, в садизме, мазохизме, фетишизме и т. д — провести границу этого условного применения понятия сексуальности очень трудно. Да в таких случаях применение биологической точки зрения теряет и свою практическую полезность. Поэтому, здесь лучше подходить не с биологической точки зрения, а, оставив споры о сексуальности или несексуальности этих явлений, изучать их с чисто психо-неврологической точки зрения.

Дело, конечно, не в том, где употреблять или не употреблять слово. Важно не делать из этого применения тех выводов, на которые оно не дает права.

К сказанному нужно, однако, сделать одну оговорку, касающуюся детской сексуальности. Если бы в деле изучения развития человеческой личности, и, в частности, развития ее ранних половых проявлений, мы могли бы ограничиться нашей объективной точкой зрения внешнего наблюдателя—проведение намеченных границ применения понятия сексуальности было бы сравнительно проще. Но дело в том, что у развивающегося ребенка имеется и своя точка зрения на явления

сексуальности. Эта его субъективная точка зрения претерпевает своеобразную эволюцию и значительно изменяет и осложняет самый объективный генезис половой жизни человека. Это мы должны принять в расчет. Это очень осложняет изучение полового развития и, в частности, применение понятия сексуальности. Эта сторона дела блестяще изучена Фрейдом. Порою то, что мы с принятой здесь объективно-биологической позиции не можем признать сексуальным — сам ребенок, в своем своеобразном понимании, относит сюда. Само по себе явление не становится от этого сексуальным, но ребенок, через свою „изучающую“ и „понимающую“ личность вводит данное индиферентное явление в сложный объективный генезис своей сексуальности. А этим он и нас заставляет изменить и усложнить наше понимание.

* * *

Теперь применим эти методологические соображения к конкретному материалу.

Мы уже говорили, что чувствительные области половых частей мы называли гедоническими зонами, считая этот термин более определенным, чем фрейдовское понятие эрогенных зон. Их механизм разобран в предыдущей главе. Другой эрогенной зоной Фрейд считает прежде всего поверхность губ и кончик языка, в особенности у ребенка. Видимое удовольствие от механического раздражения этих частей, которое ребенок испытывает при сосании, Фрейд объявляет сексуальным. Почему? Да потому, что это дедуктивно следует из общих положений Фрейда (см. статью „Влечения“ в 3 выпуске психоаналит. библ.), что всякое удовольствие (Lust) сексуально. Но мы уже неоднократно говорили, что удовольствие есть положительная гедоническая реакция мозга к продлению, усилению и возобновлению приятного раздражения, и что вместе с противоположной реакцией к ослаблению и устранению неприятного раздражения, она является одним из наиболее универсальных механизмов нашей нервной системы, осуществляющим самые различные жизненные задачи—питания, самосохранения, родительских забот, а вовсе не только сексуальную задачу совокупления.

Каждому биологу ясно, что в разбираемом нами случае удовольствие ребенка от механического раздражения губ есть биологическое приспособление, обеспечивающее сосание, т.-е. питание ребенка, ибо оно побуждает его к продолжению приятного сосания. И нет ничего удивительного в том, что гедоническая реакция к продлению и возобновлению приятного сосания действует и тогда, когда благодаря достигнутому насыщению само питание уже прекратилось, и сосание продолжается, как биологически бесполезное гедоническое

самоудовлетворение. Сон же при этом наступает не как сексуальная реакция, а как обычная и нормальная реакция на насыщение. Это то бесцельное сосание и смутило фрейдистов, узревших в нем род полового онанизма. Надо сказать, что нервный механизм этого приятного сосания (гедоническая реакция) тот же, что и механизм приятного раздражения половых частей — на губах даже найдены те же нервные тельца Краузе, которые расбросаны на чувствительных зонах penis'a и clitoris'a и которые видимо являются носителями кожной гедоники. Если мы расширим понятие онанизма на все явления биологически-бесцельного гедонического самоудовлетворения, то мы получим право применять это понятие и здесь, но тогда это будет уже не половой онанизм, а не имеющий ничего общего с половой жизнью онанизм питания.

Поэтому термин эрогенные зоны является здесь уже не только неопределенным, а просто неправильным. Ссылка на позднейшее значение губ при любовных (сексуальных) поцелуях тоже не основательна. Прежде всего половое значение поцелуя есть довольно позднее приобретение человеческой, и, вероятно, даже европейской культуры. Многие народы востока никогда не применяют губного поцелуя, а женщины некоторых дикарей (Мюллер-Лиер, стр. 92), узнавая его от европейцев, сначала приходили от него лишь в недоумение. Значит его половое значение весьма не глубоко и далеко не первично. Далее, и это для нас особенно важно, половое значение поцелуя основывается вовсе не на простой гедонической реакции механического раздражения губ, т.-е. здесь дело не в том, что само механическое раздражение губ приятно как таковое, как это мы видим в раздражении половых частей или даже тех же губ у сосущего ребенка. В основе полового значения поцелуя лежит инстинктивное влечение к приближению и прикосновению к половому объекту. Поцелуй, как прикосновение к этому объекту, является удовлетворением этого влечения. И в этом смысле поцелуй качественно не отличается от других прикосновений к тому же объекту, например, объятий. Разница лишь количественная, так как губы более обильно снабжены осязательными нервными окончаниями и поэтому поцелуй является как-бы концентрированным прикосновением к объекту. Это и было причиной его закрепления в нашей половой жизни. При этом не будем забывать описанной выше сложности полового объекта человека, из которой следует и сложность механизма полового удовлетворения при поцелуе, т.-е прикосновении к этому сложному объекту. Итак, лишь при наличии влечения к прикосновению к половому объекту, достигнутое прикосновение к нему (в частности и в особенности в форме поцелуя) приносит половое удовлетворение.

При этом кожное раздражение губ приносит удовлетворение не само по себе, а лишь как симптом близости сложного полового объекта и как удовлетворение влечения к нему. Поэтому учение о каких-то эрогенных зонах здесь совершенно не при чем. Удовлетворяет не всякое прикосновение к губам, не поцелуй безразлично какого предмета, как это было бы при местном характере явления, обусловленном свойствами данной „зоны“ — а лишь прикосновение и поцелуй сложного полового объекта. Прикосновения и поцелуи при наличии влечения к объекту временно приобретают сексуальный характер, при чем сама кожная чувствительность в это время значительно повышается, что является как бы вспомогательным приспособлением при влечении к прикосновению. Но считать каждое кожное раздражение, и, в частности, каждое раздражение губ, сексуальным (а учение об эрогенных зонах в сущности требует этого) значило бы, в угоду одному из временных назначений этого аппарата, пренебрегать всеми его другими и притом безусловно первичными биологическими назначениями. Вот к чему может привести смешение биологической и психо-неврологической точек зрения.

На совершенно иную позицию приходится встать по отношению к тому, что Фрейд назвал анальной эрогенной зоной. Приятное раздражение прямой кишки проходящими каловыми массами не имеет вообще никакого биологического значения. С биологической точки зрения этот странный гедонический аппарат должен быть отнесен к числу так называемых дисгармоний сложной человеческой природы. Но не смотря на это, как показал Фрейд, он имеет большое значение в сложном и дисгармоническом развитии нашей запутанной половой жизни, хотя, разумеется, половое значение этого аппарата биологически чисто случайно и вызвано лишь упомянутой сложностью нашего развития.

Есть еще одна гедоническая зона тела, на которой Фрейд почти не останавливается, но которую обычное, некритическое понимание обычно считает сексуальной. Я говорю о женских грудных сосцах. Механическое раздражение их также вызывает положительную гедоническую реакцию (удовольствие), принимающую в человеческом быту явно-сексуальный характер. Биологический анализ показывает, что удовольствие от раздражения сосцов, побуждающее к продлению и возобновлению этого приятного раздражения, является прекрасным биологическим приспособлением, гарантирующим кормление ребенка; первично оно есть приятное раздражение сосцов при сосании ребенка. Это как бы встречное, коррелятивное приспособление матери к описанной выше гедонической реакции сосания у самого ребенка. Сексуальная же окраска раздражения сосцов есть явление вторичное и на-

носное, отсутствующее у животных. Она возникла у человека благодаря вертикальному положению тела, ношению одежды и сексуальному действию „неприличного“ (см. главу „Нагота и одежда“), а главное благодаря совпадению гедонического характера этих раздражений с действием полового влечения к прикосновению к объекту. Как и при поцелуе в основе полового действия этих раздражений лежит удовлетворение влечения женщины к прикосновению к половому объекту (мужчине) в его женской пассивной форме, которое удовлетворяется не простым кожным раздражением, а восприятием близости сложного полового объекта. Не всякое раздражение сосцов действует сексуально, а лишь исходящее от полового объекта. Но здесь, в отличие от поцелуя, это удовлетворение влечения к прикосновению комбинируется с местной гедонической реакцией от механического раздражения сосцов.

III. АНАЛИЗ ПОЛОВОГО ВЛЕЧЕНИЯ.

Влечение к приближению и прикосновению.

Теперь перейдем к более подробному рассмотрению частичных половых влечений, входящих в состав общего влечения к половому объекту. Мы рассмотрели общие механизмы этого влечения к объекту и при этом в значительной мере выяснили характер его основного компонента — влечения к приближению и прикосновению к объекту. Далее, разбирая добавочные механизмы полового поведения мы видели, как половое возбуждение усиливает активность поведения, направленного к сближению с объектом, а периферический гедонический аппарат вместе с эрекцией сосредотачивают влечение к прикосновению на половых частях и тем придают ему более определенный генитальный характер. Остается лишь немногое добавить для более полной характеристики влечения к приближению и прикосновению.

Мы уже говорили о его древности в эволюционном ряде животных. Это понятно, так как оно есть необходимое условие полового спаривания, а поэтому в той или иной форме должно существовать всюду, где для оплодотворения необходимо спаривание двух свободно-движущихся животных индивида. Его прототип наблюдается уже у коньюгирующих одноклеточных. В более определенной форме полового влечения оно ведет свое начало от перекрестно-оплодотворяющихся гермафродитов — червей, улиток. Мы уже описали его осложнение от низших животных к высшим и к человеку. Половые прикосновения не чужды и животным — вспомним

страстные объятия лягушки-самца, длящиеся несколько дней без перерыва, и столь сильные, что по наблюдениям Сутерланда, он не выпускает ее даже в том случае, если их бросать в воду с нескольких десятков футов высоты. Описаны любовные ласки у птиц, когда они гладят друг другу перья, ласково треплют клювом по голове и т. д. Известны также объятия змей и других пресмыкающихся. Те же инстинктивные половые прикосновения — ласки, объятия — сохранились и у человека. Поцелуй (концентрированное прикосновение особо чувствительными частями) есть приобретение человека, вероятно, даже европейца (см. И. Блох). Однако, как аналогичное жизненное приспособление (биологическая конвергенция) он известен и у некоторых животных — поцелуи клювом у голубей. Эспинас указывает, что даже у некоторых „молюсков и у многих других животных, присасывание поверхностей, снабженных осязательными бугорками, составляет могущественное средство полового возбуждения“. Прикосновения, разумеется, являются позднейшим звеном полового поведения. Более ранним его звеном является простое приближение к объекту.

Вообще поведение, направленное к приближению и прикосновению к половому объекту, являющееся достижением соответствующего влечения, представляет собой как бы ряд этапов растущего, прогрессирующего сближения и соприкосновения с этим объектом — таковы сперва все растущее пространственное приближение, затем все более тесные и интимные прикосновения, объятия и поцелуи, до совокупления включительно. Биологически значение этого прогрессирующего ряда состоит в том, что его звенья являются последовательными подготовительными шагами к совокуплению. И соответственно этому и инстинктивное влечение к приближению и прикосновению носит тот же прогрессирующий характер. Он состоит в следующем. Допустим, что влечение направлено на какой-либо этап этого ряда, например, на простое пространственное приближение к объекту. Но как только этот этап сближения достигнут, влечение направляется дальше, на следующий этап (прикосновения) и т. д. При этом каждый новый шаг, каждое новое достижение на пути этого растущего сближения, временно доставляет удовлетворение (удовольствие), т. е. появляется положительная гедоническая реакция, которая временно тормозит и приостанавливает дальнейшую активность влечения и поведения. Но затем это достижение перестает удовлетворять, влечение направляется к дальнейшим большим достижениям и вызывает соответствующее поведение. И так вплоть до конечного достижения. Влечение наростает как бы скачками — в этом и состоит его прогрессирующий характер. Чем больше уже имеющееся достижение, тем больше, если

так можно сказать — дальнейшие претензии, аппетит влечения.

На этом примере хорошо видно, как гедоническая реакция (удовольствие) в виде побочного фактора (добавочного механизма поведения) вплетается в действие основного двигателя — инстинктивного влечения — при очередных достижениях удовольствие временно тормозит дальнейшую активность этого основного двигателя. Также дает о себе знать добавочный механизм гедонической реакции, на этот раз отрицательной, при всяких неудачах влечения и потерях уже достигнутой позиции — в этих случаях сильное неудовольствие является могучим вспомогательным двигателем поведения.

В заключение следует еще упомянуть, что влечение к прикосновению далеко не всегда является половым (сексуальным). Совершенно такие же механизмы поведения имеются и при осуществлении совершенно других жизненных задач. И здесь они также являются остатками древнего, инстинктивного поведения наших животных предков. Эту оговорку приходится сделать в связи с некоторыми утверждениями Фрейда, который и здесь слишком расширяет понятие сексуального, смешивая биологическую и психо-неврологическую точки зрения (см. выше).

Влечение к прикосновению прежде всего ярко проявляется у самки-матери по отношению к новорожденному детёнышу. Это широко распространено как у низших, так и у высших животных, птиц, и в особенности у млекопитающих. Пряча под себя и прижимая к себе детёныша мать согревает его, дает ему необходимую безопасность, а у млекопитающих и кормит его в то же время грудью. Это родительское поведение не нужно смешивать с половым. Сюда же относится и материнский поцелуй, а также лизание детеныша — это тоже „концентрированное“ родительское прикосновение.

Далее у детёнышей млекопитающих, и иногда у птенцов, имеется инстинктивное влечение искать близости матери и прижиматься к ее телу, что является как бы встречным коррелятивным приспособлением к описанному влечению матери прижиматься к детёнышу. Это влечение детёныша обеспечивает ему тепло, питание и безопасность и наблюдается с первых дней жизни. У человеческого ребенка дальнейшие сложные взаимоотношения с матерью, удовлетворяющей все его нужды, еще более усиливает и на долгие годы закрепляет влечение ребенка к матери, потребность в пространственной близости с нею и к прикосновению к ней — закрепляется привычка, основанная на инстинкте. Отсюда, в частности, легко могло возникнуть и, столь обратившее на себя внимание фрейдистов, стремление ребенка находиться в постели матери. Фрейд видит в этом проявление детской

сексуальности, направленной на мать и договаривается до стремления ребенка сексуально владеть матерью. Мы же видим, что в основе этого явления лежит осуществление совершенно других биологических задач — питания, сухости, тепла, безопасности. Это же лежит в основе и потребности ребенка в материнских заботах, в ее любви и ласке, в основе его претензии быть исключительным объектом этих забот, его отрицательного отношения ко всяким конкурентам, отнимающим часть этих материнских ласк и любви (будь ли этим конкурентом отец или другой ребенок). И отрицательное отношение может дойти до злобы и желания устранить соперника. Но никаких оснований видеть здесь половую ревность, как это хочет Фрейд, разумеется, нет.

Наконец, как на проявления сексуальности (гемосексуальности!) фрейдисты указывают на известную склонность к объятиям, поцелуям и другим прикосновениям, наблюдаемым между девушками-подростками (друг к другу). Я думаю, что и это неверно. В связи с материнством во врожденной конституции женщины заложены некоторые механизмы поведения, входящие в состав инстинктивного материнского поведения. Сюда как раз и относятся эти ласки и прикосновения. Эти элементы материнского поведения сильно развитые у созревающей женщины как бы переносятся на ее общесоциальное поведение. Но будучи в условиях нашего быта заторможены по отношению к мужчинам, эти материнские прикосновения, нежность и ласки направляются на подруг-сверстниц. Такое объяснение кажется мне более правильным, чем то, которое видит здесь проявления сексуальности.

Влечение нравиться.

Другим частичным влечением, входящим наравне с влечением к приближению в состав общего полового влечения к объекту, является влечение нравиться этому объекту. Оно возникает в присутствии полового объекта (а иногда при одной лишь мысли о нем) и побуждает к поведению, состоящему в различных формах самовыставления, т.-е. выставления напоказ перед объектом своих преимуществ. Биологическая задача, осуществляемая этим поведением, состоит в том, чтобы понравиться половому объекту и через это расположить его к совокуплению — конечной задаче всякого полового поведения. Влечение это филогенетически (т.-е. в родовой эволюции животных) довольно древнее, хотя в сравнении с влечением к приближению и прикосновению, оно более позднего возникновения. Оно наблюдается и достигнет большого развития у птиц и млекопитающих. Проявляется оно у них в выставлении напоказ своей красивой

внешности, как это, например, наблюдается у индюков и павлинов, в пении птиц и других звуках, издаваемых в присутствии полового объекта, затем во всевозможных показных телодвижениях, позировании, танцах, гимнастических упражнениях и т. д. С другой стороны, оно проявляется в показных драках конкурентов, в состязаниях в силе, ловкости, смелости. Все эти качества также всячески выставляются напоказ. В огромном большинстве случаев все это производится самцами в присутствие самок и ведет к тому, чтобы им сексуально-понравиться.

Такое же, в основе своей инстинктивное и врожденное, влечение нравиться, побуждающее к половому самовыставлению, наблюдается и у человека. Но здесь оно часто проявляется гораздо сложнее, в смысле механизмов своего осуществления. К тому же выставляются иногда такие качества как познания, умственные способности, художественное творчество, социальное положение, богатство, известность и т. д. Но наравне с этими чисто „человеческими" формами самовыставления у человека сохранились и более примитивные— выставление своей внешности, костюма, пения, танца и пр. Средством полового самовыставления у человека, между прочим, служит и словесное хвастовство, порой переходящее в более или менее явную ложь. Последнему способствует описанный выше механизм детерминирующей фиксации достижения влечения, в данном случае тормозящий мешающую словесному самовыставлению моральную самокритику.

В основе инстинктивного влечения нравиться половому объекту мы должны предположить существование врожденного рефлекторного механизма, приводимого в действие раздражением, исходящим от присутствующего полового объекта, и в ответ на это реагирующего самовыставлением. При этом первично (у человека до опыта) отсутствует какое-либо сознание цели поведения, и влечение переживается как непонятное побуждение в присутствии объекта так-то держать себя, так-то быть одетым и т. д. У человека для приведения механизма влечения в действие часто достаточно одного лишь воспроизведенного по памяти образа объекта, даже лишь мысли о предстоящем свидании. При этом осуществляется влечение нравиться часто очень сложным и окольным путем — фиксируя на себя мозговую деятельность оно детерминирует все дальнейшее поведение, состоящее в заботах о своей внешности, костюме и других длительных подготовлениях к предстоящему свиданию.

В половом поведении очень важно то, что удача, успех у полового объекта, осуществленное влечение сексуально нравится, сознание того, что объект к тебе сексуально расположен — доставляет интенсивное удовлетворение. И, наоборот, неудача на этом пути, неудовлетворенное, ущемленное

влечение нравится, неуспех у полового объекта — приносит интенсивную неудовлетворенность и даже страдание. Как мы увидим ниже — это обстоятельство играет большую роль в потребности в половой взаимности и в половой ревности.

Чтобы понять происхождение влечения нравиться нужно подойти к нему с точки зрения его взаимоотношения с влечением к приближению и прикосновению. Когда поведение животных в их филогенетической эволюции (от простых форм к более сложным и совершенным) стало подниматься над простым врожденно-рефлекторным автоматизмом низших животных, тогда в отношениях индивида к объектам окружающей среды стал появляться элемент предпочтения, основанный на житейских столкновениях индивида с этими внешними объектами, и располагающий его к одним из этих объектов и, наоборот, нерасполагающий к другим. Одни объекты стали ему нравиться, другие не нравиться (нравиться или не нравиться в бо́льшей или меньшей степени). На этой ступени нервного развития объект полового влечения к приближению и прикосновению также начинает казаться привлекательным т.-е. нравиться. У человека непреодолимо-привлекательным кажется как сам половой объект, а так и все к нему относящееся, — его прикосновения, зрительный образ, даже запах. Но это лишь при наличии влечения, и лишь только после совокупления влечение исчезает, с ним вместе исчезает и привлекательность объекта. Таким образом, привлекательность объекта есть как бы субъективное отражение влечения к этому объекту. У человека привлекательность полового объекта часто переходит в его переоценку, идеализацию и иногда доходит до ослепления. Нельзя не видеть в этой привлекательности объекта и даже в его переоценке, своеобразного биологического (биопсихологического) приспособления, закрепляющего влечение к этому объекту и этим лучше обеспечивающего совокупление. Но раз на известной ступен животной эволюции объект полового влечения к приближению становится привлекательным, то и обратно — каждый объект, чтобы привлечь к себе влечение партнера, должен предварительно ему понравиться, т.-е. стать для него сексуально-привлекательным. Начиная с этой ступени развития мозга, когда объекты окружающей среды становятся для индивида в различной степени привлекательными, предварительная привлекательность полового объекта становится необходимым условием того, чтобы вызвать к себе половое влечение партнера. На этой ступени естественный отбор и выработал новое частичное инстинктивное половое влечение — влечение нравиться половому объекту. Отсюда ясно, что это влечение филогенетическое и моложе влечения к приближению является его надстройкой, и в то же время является как бы встречным к нему влечением.

У различных групп животных и людей сексуально нравятся различные качества партнера. То, что одному партнеру сексуально нравится в другом,—отвечает его половым вкусам. В специальной главе, посвященной этим половым вкусам, мы увидим, что они в высшей степени различны, при этом часто весьма различны у близких, соседних животных и человеческих групп. Там же я попытаюсь доказать, что эти половые вкусы не врожденны, а передаются из поколения в поколение по традиции и приобретаются индивидом от старших поколений в силу подражания, научения и других факторов социальной передачи. Ясно, что половое самовыставление, вызываемое инстинктивным влечением нравиться, должно отвечать существующим половым вкусам партнера. Формы полового самовыставления так же разнообразны, как и половые вкусы. И при этом они также должны быть не врожденными, а приобретенными, и передаваться из поколения в поколение по традиции. Однако, мы видели, что в основе полового самовыставления лежит врожденный рефлекторный механизм. Противоречия здесь нет. Врожден лишь основной нервный механизм реакции самовыставления, приводимый в действие при определенной половой ситуации (положении). Формы же осуществления этого самовыставления зависят от личного опыта и от существующих традиций. Традиции половых вкусов и традиции форм полового самовыставления взаимно обусловливают друг друга. Формы самовыставления до известной степени определяются морфологическим „бытием" т.-е. строением тела индивида, который может выставить лишь те качества—голос, оперение,—которые у него имеются. В этих пределах и соответствующие половые вкусы определяются этим же морфологическим „бытием" партнера. Но в границах этих морфологических возможностей половые вкусы и отвечающие им формы самовыставления определяются традициями, происхождение которых будет разобрано в главе о половых вкусах. Особенно широкий простор в этом отношении мы видим у человека, жизнь которого, благодаря развитой технике (искусственной, технической среде), вообще гораздо меньше зависит от строения тела и его возможностей. У животных при общем однообразии и шаблонности их поведения, приобретенные формы полового самовыставления также неизменны и трафаретны и в таком фиксированном виде передаются по традиции от старших поколений младшим. Не то мы видим у человека с его сложным и пластичным мозгом и таким же сложным и постоянно изменяющимся поведением. Здесь проявляется большая индивидуальная самодеятельность в выборе средств полового самовыставления, еще более расширяемая всевозможными техническими средствами. При этом самовыставление, как мы уже говорили, выполняется сложным и часто

окольным путем, при помощи детерминирующей факсации влечения нравится. Но при всей сложности этого поведения основным его двигателем всегда остается врожденное влечение сексуально нравится. Однако, эти сложные формы не исключают у человека и более простых, трафаретных и традиционных форм полового самовыставления.

В нашей половой жизни нельзя не отметить той своеобразной перетасовки ролей мужчины и женщины, которая в разбираемом нами половом самовыставлении произошла у культурного человека по сравнению его с животными и даже древними человеческими предками. У животных, и даже у дикарей, роль сексуально-выбирающего в огромном большинстве случаев принадлежит самке. Забота же о том, чтобы сексуально понравиться, и соответствующие формы полового самовыставления, выпадают на долю самца. Это положение вещей остается и у низших дикарей, где мужчины татуируются и всячески украшают себя для того, чтобы понравиться женщинам. С возникновением частной собственности и введением семейно-хозяйственных форм половых отношений, низведших женщину на положение подвластной собственности мужчины — роли эти диаметрально переменились. И хотя, как врожденное инстинктивное влечение, половое самовыставление не менее (если не более) присуще мужчине, но выработанное хозяйственными отношениями и передающееся из поколения в поколение по традиции половое самовыставление женщины, по интенсивности своего проявления далеко превзошло свою врожденную основу и затмило инстинктивное самовыставление мужчины. Самовыставление же мужчин теми же семейно-хозяйственными отношениями было заторможено и проявляется ниже своей врожденной нормы. Поэтому есть большое основание ждать, что в будущем обществе, в котором женщина будет экономически самостоятельной и равноправной мужчине, и в котором половые традиции — пережитки прежних форм половых отношений будут окончательно изжиты — в таком обществе, женское половое самовыставление быстро пойдет на убыль. За это говорят факты филогении.

Социально-приобретенный (а не врожденный) характер женского полового самовыставления и влечения нравиться хорошо виден из следующего. Это самовыставление и влечение нравиться в виде кокетства подчас сильно проявляется у женщин, совершенно холодных в половом отношении, у которых в силу органических недостатков отсутствуют все другие (врожденные) проявления сексуальности.

Я не хочу сказать, что врожденное половое самовыставление присуще только мужчинам и совершенно чуждо женщинам. Оно присуще и им, но в гораздо меньшей степени, чем это самовыставление у них фактически наблюдается —

врожденная основа гипертрофирована (переразвита) у них их экономическим прошлым.

Есть указания, что влечение сексуально нравиться, и для этого наряжаться, проявляется у детей, именно у девочек, задолго до наступления половой зрелости. При этом замечена более или менее явная направленность на мальчиков или на взрослых мужчин, в присутствии которых это и проявляется. Некоторые авторы видят здесь раннее проявление детской сексуальности, на почве ранней внутренней секреции половых желез. Но считая женское половое самовыставление в значительной мере социально-приобретенным, мы и здесь должны видеть не раннее проявление врожденного влечения, а раннее усвоение девочкой традиций женского полового поведения. В силу подражания, внушения, научения и других факторов социальной передачи, впечатлительный мозг девочки легко усваивает эти традиции. Тем более, что при нашем женском воспитании все эти факторы социальной передачи (внушение и пр.) действуют сильнее в пределах своего пола и девочка особенно легко перенимает формы полового поведения от взрослых женщин.

Явление это наглядно показывает, как с ранних лет женщина впитывает в себя потребность нравиться мужчинам в половом отношении. Не мудрено, что в зрелом возрасте это распустится в пышный цветок гипертрофированной потребности, создающей иллюзию врожденного инстинктивного влечения.

Описанное раннее проявление приобретенного влечения нравиться и самовыставления ничего не говорит в пользу учения Фрейда о ранней детской сексуальности, где, конечно, имеется в виду сексуальность врожденная.

Возбуждение партнера.

Близким к частичному половому влечению нравиться, но все же отличным от него, является влечение сексуально возбудить партнера, вызвать в нем половое возбуждение и влечение, и тем самым расположить его к половым переживаниям и совокуплению. Мы должны рассматривать его как особое частичное влечение, входящее в состав общего сложного полового влечения к объекту. Поэтому мы должны предположить, что и в его основе лежит рефлекторный нервный механизм, приводимый в действие присутствием полового объекта (точнее — исходящими от него раздражениями), и в ответ на это побуждающий к поведению, достигающему намеченные выше задачи полового возбуждения партнера. Биологическое значение этого в половой жизни вполне понятно, так как половое возбуждение партнера способствует совокуплению и даже необходимо при нем.

Однако, наилучше осуществляется основная половая задача, т.-е. достижение совокупления, совместным действием влечения нравиться и влечения возбудить партнера.

Второе вызывает в партнере половое возбуждение и влечение, но этого еще мало, так как для полного результата это вспыхнувшее влечение должно получить направленность на какой-либо конкретный половой объект. Эта конкретная направленность влечения партнера и создается половым самовыставлением (влечением нравиться) другого. Делая его в глазах возбужденного партнера сексуально-привлекательным оно тем самым направляет вызванное в этом партнере половое влечение на самого себя, т.-е. на данного индивида, проявившего оба частичные влечения. Таким образом, влечение нравиться как бы дополняет действие влечения возбудить партнера.

В эволюции животных влечение возбудить партнера является позднейшей надстройкой над более древним и основным влечением к приближению и прикосновению к объекту. Но если сопоставлять его с влечением нравиться, то есть основание считать, что возбуждение партнера является более древней и более примитивной формой полового поведения. Известно, что критики Дарвиновской теории полового подбора соглашались видеть возбуждение самки самцом на тех низких ступенях нервного развития, где предпочтение самкой того самца, который ей сексуально более нравится, они считают еще невозможным. И, действительно,— то отношение к объекту, когда он нравится, т.-е. кажется привлекательным, и как таковой сексуально влечет к себе — такое отношение к объекту предполагает более сложную нервную организацию сравнительно с той, которая достаточна для полового возбуждения, вызванного присутствием и поведением полового объекта. Далее —наличие привлекательности нравящегося объекта предполагает уже и большую персональную направленность влечения к приближению и прикосновению на тот или иной конкретный объект, а, следовательно, допускает уже и известный выбор объекта. Влечение направляется на тот объект, который предварительно понравился, а если претендентов несколько, то происходит выбор того из них, который больше нравится. Половое возбуждение, как таковое, не играет здесь решающей роли.

На более же низших ступенях развития животных половое возбуждение является главным и определяющим фактором. Предпочтения и персональной направленности влечения на тот или иной конкретный объект здесь еще нет. Влечение направляется не на тот объект, который более нравится, более привлекателен, а просто на тот, который, при наличии в субъекте полового возбуждения и влечения, окажется под рукой. А если объектов в наличности окажется

несколько, то влечение направится на тот из них, который ближе подвернется и, попросту, сумеет „взять“. Но этим, разумеется, не исключается то, что если объект сам, своим поведением, вызывает в партнере половое возбуждение — он этим содействует тому, что возбуждение партнера вспыхнет именно в его присутствии, влечение партнера направится именно на него. Таким образом, данный индивид своей возбуждающей внешностью и поведением увеличивает свои шансы на совокупление, а, следовательно, и на потомство. Если же таких возбуждающих объектов налицо несколько, то хотя настоящего выбора на этой ступени нервного развития быть и не может, все же наиболее возбуждающий имеет более шансов на то, что влечение партнера скорее направится на него, чем на другого. Но, как мы уже сказали, несравненно больших результатов возбуждение партнера достигает тогда, когда оно на высших ступенях действует вместе с влечением нравиться. Я остановился на этих соображениях потому, что, как мне кажется, они могут содействовать выяснению спорной генетической проблемы полового подбора: на какой ступени нервного развития и в каком смысле возможен выбор самца самкой? Дело специалистов зоологов приложить эти соображения к конкретному зоологическому материалу.

Для нас же здесь важен тот вывод, что влечение нравиться, требующее гораздо более сложного нервного развития могло появиться филогенетически лишь гораздо позже, чем возбуждение партнера. Вероятно его нужно отнести лишь к высшим позвоночным,— птицам и млекопитающим. Нечего и говорить, что древний рефлекторный механизм влечения возбуждать партнера, безусловно является врожденным.

В чем же проявляется поведение, сексуально возбуждающее партнера? У животных прежде всего в выставлении напоказ всего яркого, пестрого, цветного, необычного, выделяющегося, бросающегося в глаза, вообще всего возбуждающего. Далее, в издаваемых громких, резких, возбуждающих звуках, в возбуждающих телодвижениях, плясках, боях и состязаниях и т. д. Во многом из перечисленного легко видеть сходство с простейшими проявлениями влечения нравиться, с вызываемыми этим влечением простейшими эстетическими воздействиями. Это вполне понятно. Влечение нравиться развилось из влечения возбуждать, как его более сложная форма. И те средства, которые первоначально лишь возбуждали, на более высших ступенях развития стали действовать как нравящиеся и привлекательные, разумеется, будучи простейшей формой этой привлекательности. При этом здесь возникла именно эстетическая половая привлекательность и многое говорит за то, что эстетические воздействия

вообще имеют своим древним корнем эти простейшие сексуально-возбуждающие воздействия.

У культурного человека диапазон средств сексуально-возбуждающего воздействия непомерно расширился. Многие из них, как возбуждающее действие наготы, красоты тела, непривычного и пр. связаны со сложностью полового объекта у человека и о них мы подробно поговорим в специальной главе. Сексуально - возбуждающее действие всего яркого, пестрого, резкого, необычного, сохранило свою силу и над человеком, но благодаря человеческой технике и окружающей нас так называемой искусственной среде, эти виды воздействия стали несравненно разнообразнее и богаче, чем они были у животного. Яркость и пестрота широко применяется в нашем быту в женских костюмах, также в татуировке и „гриме" дикарей (и не только дикарей!) и вообще во всей окружающей обстановке половой жизни, как первобытной, так и цивилизованной. В особом положении стоит возбуждающее действие красного цвета, с которым мы уже встретились в проблеме садизма. Сексуально возбуждающее действие запахов известно и в животном мире (например, мускус); в культурном же быту благодаря парфюмерной технике оно приобрело особо-большую роль. Наконец, нельзя не упомянуть о возбуждающем действии различных пищевых средств и в особенности алкоголя, играющего столь большую и отрицательную роль в нашей половой жизни.

С другой стороны, изящные искусства, и в особенности музыка, часто являются могучими сексуально-возбуждающими средствами. „Она (музыка) действует возбуждающим душу образом",— говорит Толстой в Крейцеровой сонате, имея в виду именно половое возбуждение.

Особой формой поведения, направленного к тому, чтобы возбудить партнера, является так называемое кокетство, которое в нашем быту проявляется преимущественно у женщин. Кокетство осуществляет как возбуждение партнера, так и задачу понравиться ему, стать для него сексуально-привлекательным, что одно с другим, как мы видели, наилучше достигает сексуального расположения партнера в свою пользу.

Но поскольку здесь речь идет о возбуждении партнера, приемы кокетства осуществляющие эту задачу, сводятся к двум основным социально-психологическим механизмам. С одной стороны, приемы кокетства сводятся к выражению собственного полового возбуждения. Как таковые они вызывают такое же половое возбуждение и у партнера, действуя в силу механизма симпатической индукции (иначе вчувствования, или эмоционального подражания). Воспринимая внешнее выражение эмоционального состояния, в данном случае полового возбуждения, у другого, мы и сами начинаем

переживать то же эмоциональное состояние, как бы заражаемся им.

С другой стороны, приемы кокетства сводятся к выражению своего полового расположения к данному партнеру, своей половой близости к нему и своей готовности к половым процессам вместе с ним. Как таковые, они воспринимаются этим партнером, как достижения в его половых исканиях, в его влечении к данному половому объекту (нравиться ему и сблизиться с ним) — и этим они вызывают и усиливают в нем половое возбуждение и влечение. Ибо каждое достижение полового влечения обратным действием усиливает это влечение или вызывает его, если влечения до этого не было вовсе.

В тактике женского кокетства, у человека и у животных, характерен один прием, который можно охарактеризовать, как возбуждающее сопротивление. Это сопротивление самки наступательному ухаживанию самца проявляется вопреки ее собственному половому влечению. При этом это половое сопротивление проявляется попеременно с половой уступчивостью, так что влечение партнера попеременно то удовлетворяется, то ему выставляются новые препятствия. Этим комбинированным приемом наилучше достигается поддержание и усиление возбуждения и влечения у партнера. Каждое достижение повышает у него требование влечения на дальнейшее достижение, а выставленное затем препятствие в виде сопротивления самки, не дает этому влечению ослабевать на полпути и как всякое препятствие вызывает неудовольствие, т.-е. отрицательную гедоническую реакцию, которая еще более усиливает и разжигает активность влечения. Биологически все эти приемы кокетства служат обеспечению совокупления.

Каково же происхождение всех этих форм сексуально-возбуждающего поведения и какова степень их врожденности или приобретенности? В основе их должен быть признан врожденный рефлекторный механизм, реагирующий на раздражения, исходящие от полового объекта. Но если на более низших ступенях развития это совершается путем простой реакции возбуждающего самовыставления, у высших животных, и тем более у человека, это происходит гораздо сложнее. К врожденной основе все больше присоединяется элементов, приобретенных в индивидуальном опыте и передающихся по традиции. Механизм детерминирующей фиксации мозговых процессов на достижении влечения дает возможность возбуждающему поведению осуществляться сложным, разнообразным и часто окольным путем. Так как возбуждающее поведение у цивилизованного человека в отличие от животных и от дикаря, наиболее присуще женщине — это еще более говорит за то, что

приобретенные элементы играют в нем бóльшую роль, чем врожденные. Здесь применимы все положения, приведенные на этот счет в связи с влечением нравиться. И чем больше „культурных“ технических возбуждающих средств применяется при этом, чем с большим сознанием поставленной цели это делается — тем более порывается связь с врожденной основой этого сексуально - возбуждающего поведения.

Здесь есть один более спорный случай. Это описанное выше возбуждающее сопротивление, проявляемое в женском кокетстве. Прием этот широко распространен и среди самок животных. Его филогенетическая древность и широкое распространение говорят за врожденность этого механизма. Даже Мюллер-Лиэр склоняется признать его врожденность. Не имея достаточного материала я воздерживаюсь от определенного высказывания по этому вопросу, но думаю, что и здесь не исключена возможность приобретенности. Во всяком случае, семейно - хозяйственные отношения весьма содействовали гипертрофии этого явления у человека, если оно и имеет известную врожденную основу.

Влечение к овладеванию и подчинению.

Здесь перед нами важный, но трудный и спорный вопрос. В мужском половом влечении к женщине есть основание выделить входящее в его состав частичное влечение к овладеванию половым объектом и подчинению его себе. Наоборот, в половом влечении женщины выделяется противоположное частичное влечение отдаться мужчине и подчиниться его воле. Указывают, что в половом влечении женщины, эта потребность подчиниться мужчине, отдать себя ему, найти в нем сильного защитника, играет большую роль, и оно часто доходит до потребности в рабском подчинении любимому человеку. Этому соответствуют и половые вкусы женщины, ищущей в мужчине силы, смелости, решительности как в половом обращении с нею, так и вообще. Противоположные качества мужчин в половом отношении не нравятся женщинам. Наоборот, у мужчин наблюдается стремление не только сексуально-овладеть женщиной, но и подчинить ее своей воле, своему влиянию, господствовать над нею, как над низшим, подчиненным существом. В связи с этим и половые вкусы мужчин требуют от женщины покорности, скромности и вообще так называемой женственности. Противоположные качества в женщинах в половом отношении отталкивают мужчин.

Мы должны внимательнее остановиться на изучении этого компонента половой жизни, так как, по вполне понятным причинам, вопрос этот имеет большое общественное значение. Современное строительство нового полового быта должно постараться как можно скорее избавиться от этого явления, как от одного из наиболее темных и отживших проявлений половой жизни. Но для этого мы здесь, более чем где-либо, не должны ограничиваться констатированием и анализом факта, а, по возможности, глубже исследовать вопрос о происхождении этих явлений — о степени их биологической врожденности или социальной приобретенности. Мы попытаемся доказать, что они приобретены человеком в семейно-хозяйственную эпоху его общественной жизни, а не унаследованы им от животных предков.

Мы приведем сначала те аргументы, которые обычно приводятся защитниками теории врожденности и биологической древности рассматриваемых влечений. В доказательство этой древности и врожденности указывают на основное и биологически-целесообразное отличие полового поведения самца и самки, состоящее в активном, агрессивном (наступательном) характере поведения самца, в противоположность пассивности, выжидательности полового поведения самки. Это различие действительно существует на самых различных ступенях зоологической лестницы, и оно сохранилось и в половой жизни человека. Для усиления аргумента, как на прообраз этого различия, указывают на различие подвижного сперматозоида и неподвижного женского яйца. В качестве второго аргумента указывают, что при совершении полового акта овладевание самкой является необходимой формой полового поведения самца, и, наоборот, со стороны самки такой же необходимой формой является то, что она отдается самцу — без этого совокупление было бы невозможным, неосуществимым. Указывают при этом, что у некоторых животных это половое овладевание неизбежно принимает характер насилия, сламливающего сопротивление самки. Из этих аргументов делается вывод, что в половом влечении самца (мужчины) биологически-необходим элемент влечения к овладеванию и подчинению самки (женщины), у женщины биологически необходим и нормален элемент противоположного влечения к покорности и подчинению мужчине. При этом незаметно делается переход из узкой сферы чисто-половых отношений в область обще-социальных отношений между полами. Даже свободомыслящий Форель серьезно заявляет (подчеркнуто мною. *С. В.*): „У женщин мазохизм замечается скорее в сфере их нормальных половых чувств, т.-е. он часто гармонирует с их нормальной пассивной ролью. Женщине не нравится слабый, покорный мужчина, она хочет иметь сильного властного мужа, на

которого могла бы смотреть снизу вверх. Вообще нормальные женщины также любят, когда муж не слишком часто прибегает к ним за советом, не знает ни сомнений, ни колебаний, а приказывает решительно, даже несколько повелительно, только не сердито. Уверяют, что многие женщины (нормальные? *С. В.*) сами хотят побоев мужа, и недовольны, если муж их не бьет; говорят это часто встречается в России“...

Форель прекрасный наблюдатель. Мы не должны закрывать глаза на действительность. Если, к счастью, нашим новым женщинам такая психология кажется чуждой и дикой, то еще очень недавно она была сильна, а пережитки ее тянутся и до наших дней. Но в отличие от того же Фореля и ему подобных, мы тут же ставим вопрос о происхождении таких настроений, и тогда нам сразу становится ясным, что они являются пережитками жуткой и беспросветной эпохи семейно-хозяйственных отношений, когда женщина, низведенная на положение собственности мужчины, бесправная и экономически обездоленная, глубоко всосала в себя эту рабскую психологию, от которой она и до сих пор не может вполне избавиться. Дело научной организации половой жизни окончательно ликвидировать эти пережитки.

Анализируя приведенные рассуждения нетрудно выделить следующие три пары соответствующих друг другу явлений:

В мужском половом поведении:	В женском половом поведении:
I. Его общий активный, наступательный характер.	I. Его общий пассивный, выжидательный характер.
II. Влечение к половому овладеванию.	II. Влечение сексуально отдаться.
III. Влечение подчинить себе женщину в обще-социальных, не половых взаимоотношениях.	III. Влечение покорно подчиниться мужчине также в обще-социальных, а не только половых взаимоотношениях.

Прежде всего здесь перед нами три пары различных явлений, которые мы должны строго различать друг от друга, и которые защитниками врожденности этих явлений не различаются, или различаются недостаточно. Одно дело — активный или пассивный характер полового поведения, другое дело — влечение сексуально овладеть или сексуально отдаться, и совершенно иное дело собственническая тенденция вообще подчинить себе женщину и рабская потребность вообще подчиниться мужчине. Это различие мы подчеркиваем.

Активный характер полового поведения самца и пассивный — самки, как у животных, так и у человека, мы должны признать в основе врожденным. Его врожденный нервный механизм заключается в различном характере проявления основного влечения к приближению и прикосновению к половому объекту. Само это влечение присуще обоим полам, но у самцов оно носит более активный, агрессивный характер, более проявляется в наступательном, приближающем поведении. У самок влечение к приближению и прикосновению, как влечение, как побуждающий механизм, существует не менее, чем у самца, но наружное проявление этого влечения в приближающем поведении как бы более заторможено, и это придает ему пассивный, выжидательный характер. Биологические корни этого различия видят в основном половом разделении труда в процессе оплодотворения и развития плода; самка, как и ее прообраз, женское яйцо, является носителем запасов питательных, веществ для развивающегося плода, поэтому она тяжелее и неподвижнее. Самец (как и его прообраз — сперматозоид) этих запасов не несет, он легче на подъем и подвижнее, и на его долю выпало пространственное передвижение, необходимое для совокупления и оплодотворения, а также устранение возможных препятствий. Итак, в основе разбираемого различия поведения самца и самки мы должны признать известную долю врожденности, в особенности поскольку это различие наблюдается и у низших животных, хотя бы у насекомых. Но уже у высших животных, птиц и млекопитающих, есть большие основания признать, что эти врожденные различия усиливаются половыми традициями, соответствующими положению самки, которой принадлежит половой выбор, и положению самца, которому приходится стараться понравиться самке. У человека тем более это врожденное различие усилено приобретенными элементами. Врожденная основа сохранилась и у него. Но понятно, какую благоприятную почву для усиления этих врожденных основ соответствующей передачей из поколения в поколение социально-приобретенных навыков и традиций, создали те экономические отношения, когда роль женщины в половой и хозяйственной жизни была сведена на пассивное положение „товара", а роль мужчины — покупателя и собственника, наоборот, дала в его руки всю активную сторону дела. Такое положение вещей в более или менее резкой форме тянулось до недавнего прошлого, и созданные им социальные навыки и традиции пережили его и сохранились до наших дней.

Вторая пара явлений, которую мы должны здесь выделить, это влечение самца к половому овладеванию и влечение самки сексуально отдаться. Речь идет о чисто половом

поведении, о характере поведения самца и самки при совершении совокупления. В главном этот механизм является приобретенным, хотя содержит и известную долю врожденности.

Нужно точнее охарактеризовать эти явления. На известной стадии полового процесса сближения двух индивидуумов должно наступить совокупление. Поэтому на этой стадии процесса у самца должна наступить усиленная активность наступательного, приближающего поведения, которая и должна проявиться в половом овладевании при совершении полового акта. При этом, в некоторых случаях, нужно преодолеть сопротивление самки, и процесс принимает несколько насильственный характер. Но врожден ли механизм этого овладевающего поведения при совершении полового акта? Нет. Мы знаем, что хотя в выполнении совокупления учавствует и целый ряд простых и врожденных рефлекторных движений, все же у высших животных, а в особенности у человека, нужно научиться выполнению полового акта. Это достигается путем подражания, детских игр (Карл Гросс), научения, наконец, просто путем личного опыта. Значительно облегчают дело эрекции и периферический гедонический аппарат (см. выше), которые придают влечению к прикосновению более определенный характер, направленный на половые части. Поэтому само овладевание при совокуплении совершается не в силу врожденного, а в силу приобретенного механизма поведения.

Все же есть и элемент врожденности, но он состоит лишь в усилении активности поведения самца, в повышении интенсивности его наступательного, приближающего поведения. Благодаря же имеющемуся опыту это усиленное влечение к прикосновению приобретает характер влечения к половому овладеванию. Итак, врождена лишь частичная реакция, наступающая на известном этапе достигнутого полового сближения и состоящая в усилении активности полового поведения. Все, что наблюдается сверх этого, есть приобретение личного и коллективного полового опыта, передающегося из поколения в поколение в виде влечения к половому овладеванию.

То же и у самки. На известном этапе полового сближения появляется частичная реакция, тормозящая ее сопротивление самцу и еще более усиливающая ее общую половую пассивность. К этому присоединяется усиленная потребность в совокуплении. И уже личный и коллективный опыт создает из этого потребность сексуально отдаться самцу. Следовательно, эта потребность является не биологически врожденной, а приобретенной. Но хотя эти влечения сексуально овладеть и сексуально отдаться и приобретены в коллективном опыте и передаются из поколения в поко-

ление — они имеют под собой не экономические, а биологические корни — они являются продуктом коллективного (социального) полового опыта. Этим они резко отличаются от общих (не половых) стремлений владеть женщиной или подчиниться мужчине, имеющих под собой уже экономические корни.

Переходим, наконец, к не половому, а обще-социальному влечению мужчины подчинить себе женщину и такому-же общему влечению женщины покорно подчиниться мужчине. Говорить о какой-либо биологической врожденности этих явлений, разумеется, не приходится. Социально-экономическое происхождение этих форм отношений между полами вполне ясно — они выработались в течение той долгой эпохи, когда женщина находилась в экономическом, а отсюда и всяческом ином подчинении у мужчины. В силу сложности половой жизни человека уже описанное выше влечение к чисто половому овладеванию (и обратное ему у женщин) перестает быть частичной реакцией наступающей на известном этапе полового сближения — оно набрасывает свой отпечаток на весь процесс половых отношений, на все влечение к половому объекту, которое приобретает окраску или влечения овладеть, или влечения подчиниться, пока еще только в чисто-половом отношении. Это создает благоприятную почву для того, чтобы это влечение к половому овладеванию или покорности при соответствующих социально-экономических условиях перешло во влечение к общему подчинению и к общей покорности у женщин. Этот переход и произошел в семейно-хозяйственную эпоху. При этом эти собственнические формы отношений между полами, передающиеся из поколения в поколение, до того крепко въелись в нашу половую жизнь, что пережили свою экономическую основу и даже производят иллюзию биологической врожденности. „И сама женщина,—говорит Мюллер-Лиэр,— самый ее характер, изменяется в соответствии с волей мужчины. Чтобы ею легче было управлять она должна быть неопытной и невежественной, целомудренной, послушной, преданной рабой, ее жизнь должна всецело раствориться в жизни мужчины, одним словом она должна обладать чертами так называемого „женского“ характера, чтобы понравиться мужчине“ (М.-Л. „Фазы любви“, стр. 57 и след.). Так глубоко проникли в половую жизнь человека приобретенные собственнические надстройки. Мы еще вернемся к их подробному анализу в главе о собственнических осложнениях любви. Здесь же для нас важно установить лишь то, что хотя мы и признаем влечение мужчины подчинить себе женщину и влечение женщины покорно подчиниться мужчине в большей или меньшей мере входящими в состав сложного полового влечения к объекту, в той его форме, в которой оно унаследовано

от времен собственнических половых отношений — но мы категорически отвергаем в них какой-либо элемент биологической врожденности, а считаем их всецело социально-приобретенными.

Явление мазохизма, поскольку оно проявляется в половом удовлетворении от покорной подчиненности объекту, и поскольку оно в то же время часто было описано у мужчин — на первый взгляд противоречит вышесказанному. Сторонники врожденности влечения к покорности и подчиненности ищут его объяснения в неправильной, гомосексуальной конституции на почве неправильной внутренней секреции. Не признавая этой врожденности мы должны искать объяснения мазохизма в той же области экономических причин. Ив. Блох говорит: „Несоразмерно большой процент мазохистов дают юристы, чиновники высшего ранга и судьи, т.-е. люди обладающие по своему положению известною властью“... Дальше он же приводит примеры мазохистов — богатых купцов, инженеров, министров... Ясно, что разгадку мазохизма-подчиненности (мы отличаем его от мазохизма боли) нужно искать в хозяйственном положении этих обеспеченных и власть-имущих буржуа, пресыщенных своею властью и положением, да к тому же, благодаря проституции и мужской половой распущенности, пресыщенных и в половом отношении.

IV. ЛЮБОВЬ.

Любовь как закрепленная гедоническая реакция (фиксированная на объекте).

Вопросы о том „есть ли любовь?“ и „что такое любовь?“ в настоящее время настойчиво выдвигаются жизнью. Их часто задает рабочая молодежь. Но, чтобы в той или иной форме на них ответить мы должны сперва сами в этом разобраться. А это далеко не так просто. Старая психология мало что разъясняет в этом вопросе, и вообще он еще очень далек от своего научного разъяснения. Поэтому-то, разбирая здесь механизмы полового поведения, мы и должны подробнее остановиться на этом важном вопросе, а в виду его невыясненности, желательно было бы поставить его в дискуссионном порядке.

Я считаю, что любовь есть особый механизм поведения, который ни в коем случае нельзя смешивать с половым влечением, хотя они и находятся в тесной связи друг с другом. Половая жизнь человека не может быть сведена к одному лишь инстинктивному, врожденному половому влечению. Влечение обычно осложняется и переходит в более

сложную и часто длительную форму отношения к половому объекту, которое и называется любовью. Но любовь проявляется не только в половой жизни. Любовь, и противоположное ей отношение нелюбви, переходящее как в свою крайнюю форму в ненависть, проявляется и в обще-социальных (не половых) взаимоотношениях между людьми. Больше того — отношение любви или нелюбви проявляются человеком и к мертвым объектам — к той или иной пище, одежде, палочному наказанию и т. д. С другой стороны, мы любим или не любим ту или иную научную теорию, музыку, работу, того или иного общественного деятеля, художника и пр. Язык не даром объединяет эти различные случаи общим словом. В их основе есть какой-то общий механизм поведения. Чтобы понять его нужно начать с наиболее простых случаев, а затем перейти и к более сложным.

Прежде всего любовь (и нелюбовь) ни в коем случае не есть какое-либо переживание, состояние сознания, как этого хочет субъективная психология. Любовь есть отношение человека (по М. Дауголу — чувство) к известному объекту, т.-е. известная установка его поведения по отношению к этому объекту. И уже как таковая она может предрасполагать к известным переживаниям.

Если какая-либо реакция нашего мозга — страх, гнев или нежность — повторно вызывается одним и тем же сильнодействующим раздражителем (объектом), последний как бы закрепляется, фиксируется в качестве постоянного возбудителя, вызывающего эту реакцию. Объект, сначала в случаях его реального восприятия, а при дальнейшем закреплении и в случаях воспроизведения его по памяти, даже одной лишь мысли о нем — приобретает способность в любое время вызывать данную реакцию (страха, нежности и др.). Образуется отношение страха, нежности и т. д. к этому объекту (см. у М. Даугола), т.-е. известная установка поведения по отношению к данному объекту — если я боюсь какого-либо объекта, это не значит, что я все время переживаю страх, но у меня сложилось такое отношение к этому объекту, что я переживаю страх и проявляю соответствующее поведение всякий раз, когда вижу его или только думаю о нем.

Механизм отношений любви или нелюбви к какому-либо объекту вполне подобен только-что описанному. Только здесь объект вызывает во мне не страх или нежность, а своим воздействием доставляет мне удовольствие или неудовольствие. Раздражения, исходящие от этого объекта, приятны мне или неприятны. А это, как мы видели выше, значит, что объект этот вызывает в нас гедоническую реакцию, или положительную, направленную к продлению и усилению приятного раздражения, или отрицательную, направленную к ослаблению и устранению неприятного раздражения.

Если один и тот же объект многократно и интенсивно вызывает в нас одну и ту же гедоническую реакцию, т.-е. его раздражения постоянно приятны нам или постоянно неприятны, то у нас образуется к этому объекту особое отношение, чувство или установка поведения, которую мы и называем любовью или нелюбовью, переходящей в ненависть. Та или другая гедоническая реакция при этом тоже закрепляется, фиксируется на этом объекте, и тогда уже всякий раз, когда мы этот объект воспринимаем, или только вспоминаем или думаем о нем — у нас возникает или положительная гедоническая реакция к любимому объекту, носителю приятных раздражений, или отрицательная гедоническая реакция от нелюбимого объекта, носителя неприятных раздражений.

Мак Даугол, который вместе с Шандом является основоположником такого объективного понимания любви, считает основным ее элементом нежность. Мы же считаем, что основным и определяющим элементом отношения любви к данному объекту является перенесенная на этот объект и закрепленная, фиксированная на нем положительная гедоническая реакция нашего мозга, переживаемая нами как удовольствие от раздражений, исходящих от данного объекта. Впоследствии мы увидим, что в более сложных, социальных случаях любви, к основной гедонической реакции присоединяются и другие, добавочные элементы, в том числе и нежность. Возвращаемся к гедонике любви. Здесь нам нужно остановиться на поведении любящего или нелюбящего.

Любимым мною объектом называется такой, который я охотно, с удовольствием имею в качестве раздражителя, который как раздражитель мне нравится, раздражения от которого я нахожу приятными. Если любимый объект реально воспринимается мною, реально на меня воздействует, то любовь к этому объекту вызывает поведение, направленное к тому, чтобы продлить и усилить приятный контакт с этим любимым объектом, т.-е. продлить и усилить его приятное воздействие на любящего. Если же любимого объекта налицо нет, но мы о нем вспоминаем или думаем (репродуктивная форма поведения любящего), то любовь к нему вызывает поведение, направленное к тому, чтобы возобновить контакт с любимым объектом, возобновить его приятные воздействия на любящего. Наоборот, присутствие нелюбимого, ненавистного объекта неприятно и вызывает поведение, отталкивающее этот объект, направленное к тому, чтобы прервать неприятный контакт с этим объектом, ослабить, прекратить или недопустить (если объекта налицо нет) исходящие от него неприятные раздражения. Следовательно, любовь и нелюбовь суть отношения активные, проявляющиеся в нашем поведении по отношению к люби-

мому или нелюбимому объекту. Поэтому мы и называем их установками нашего поведения по отношению к объекту. Дальше мы увидим, что эта активность поведения любящего еще более сложна.

Когда мы говорим о приятных или неприятных воздействиях, оказываемых на нас объектом любви или нелюбви, или о приятных или неприятных раздражениях, носителем которых является этот объект, и которые и определяют наше отношение любви или нелюбви к этому объекту — мы понимаем эти воздействия или раздражения в самом широком смысле.

Начиная с простых ощущений вкусной или невкусной пищи и до самых сложных социальных и идеологических взаимоотношений с людьми — всё это: те воздействия, которые любимый или нелюбимый объект на меня оказывает, всё то, что в моих с ним столкновениях и взаимоотношениях может быть для меня приятным или неприятным, что так или иначе доставляет мне удовольствие или неудовольствие, т.-е. вызывает во мне гедоническую реакцию, которая многократно повторяясь ложится в основу любви или нелюбви.

Когда говорят о том, что в таком-то случае любовь „выше", а в таком-то „ниже", то такая оценка делается на основании порядка тех приятных раздражений от объекта, которые легли в основу данной любви.

Все сказанное выше относится ко всем случаям отношений любви или нелюбви, независимо от того, к каким-бы объектам они не проявлялись — как к объектам так называемой неодушевленной среды, т.-е. к вещам, так и к объектам социальной среды, т.-е. к другим людям. Но, понятно, механизмы этих отношений к людям гораздо сложнее и носят специфический „социальный" характер. В частности, особенной сложностью и специфическим социальным характером обладают и наши приятные или неприятные взаимоотношения с этими социальными объектами (людьми), которые и ложатся в основу отношений любви или нелюбви к этим людям.

Дело в том, что объекты социальной среды, люди, занимают в жизненном обиходе и поведении общественного человека совершенно особое место. Социальная среда выделяется индивидом из внешней среды вообще. Прежде всего люди являются активными единицами, активными центрами поведения — это уже делает взаимоотношения индивида с ними совершенно иными, чем с остальными объектами внешнего мира. Но главное, что вся человеческая жизнь с первых ее дней протекает в этой социальной среде из активных единиц-людей, человек всем обязан другим людям — и удовлетворением своих материальных нужд, и своим

жизненным опытом. Социальная среда создает внутри себя (для своих членов) совершенно особые социальные условия жизни, и все поведение индивида должно приноровляться именно к этим условиям. Разумеется и разбираемые нами установки поведения по отношению к объектам этой социальной среды, — любовь и нелюбовь — тоже должны принимать этот особый характер социальных взаимоотношений.

В сложных социальных взаимоотношениях с другими людьми человек постоянно переживает удовольствие или неудовольствие — он стремится продлить и закрепить приятные взаимоотношения с тем или иным человеком и ослабить и прекратить неприятные. Если же эти приятные или неприятные столкновения с данным конкретным лицом неоднократно повторяются—к этому лицу и возникает социальная форма любви или нелюбви.

Что касается самого характера тех воздействий, которые другой человек на меня производит в порядке наших социальных взаимоотношений, то характер этот может быть различным и по качеству и по своей социальной ценности. А в зависимости от этого стоит и различное качество и социальная ценность (высота) основанных на этих воздействиях любви или нелюбви. Другой человек может быть постоянным источником моих удовольствий или неудовольствий, удовлетворяя или неудовлетворяя мои низменные, животные потребности, и на этой почве я могу любить или не любить его. Часто это принимает характер тех узких, частных, хозяйственных взаимоотношений, приятных или неприятных, которые возникают в частной жизни людей — возникающую здесь форму любви или нелюбви мы и будем называть частно-хозяйственной. Но человек может быть для меня источником удовольствия или неудовольствия и в наших более сложных взаимоотношениях, удовлетворяя или неудовлетворяя моим высшим запросам, например, общественным или идеологическим. Так как это уже всецело зависит от личных, индивидуальных качеств этого человека и я при этом оцениваю саму его личность, то эту высшую социальную форму любви или нелюбви мы вслед за Мюллер-Лиэром будем называть личной любовью или нелюбовью. Разумеется это деление условно и относительно, и возможны все переходы между намеченными формами. Все же ради практического удобства мы будем пользоваться этими обозначениями. Особой формой любви, которую нам здесь особенно важно выделить, является половая любовь, которая основывается на переживаниях и наслаждениях, связанных с половой жизнью, и носителем которых является половой объект. Об этой половой любви мы подробно будем говорить ниже.

Что касается поведения, вызванного социальными формами любви или нелюбви, то и оно состоит в установлении

или нарушении между мной и любимым или нелюбимым человеком приятного или неприятного для меня контакта. Но этот контакт устанавливается или нарушается в той плоскости социальных взаимоотношений, в которой имеется любовь или нелюбовь, т.-е. в плоскости частно-хозяйственных, половых, общественных, идеологических или других взаимоотношений с этим человеком. Однако, активность любви или нелюбви, вызванная этими отношениями поведения, не ограничивается тем, что было сказано, т.-е. установлением или нарушением контакта с объектом любви или нелюбви. Так как нелюбимый объект является для нас носителем и источником неприятностей, неудовольствия и даже страдания, то естественно, что мы стремимся не только оттолкнуть от себя нелюбимый объект, но для большего обеспечения себя от его неприятных воздействий на нас, стремимся нанести ему ущерб, неприятность, стремимся ослабить, подорвать его вплоть до полного уничтожения ненавистного объекта. И наоборот, так как любимый объект является для нас источником и носителем всяческих благ и удовольствий — мы не только стремимся быть с ним в контакте, но для большего обеспечения этого контакта, стремимся усилить, поддержать самого любимого человека, доставить ему всяческое благополучие. Поэтому поведение по отношению к любимому объекту есть поведение доброжелательное, поведение-же по отношению к нелюбимому объекту является недоброжелательным. В отношения любви и нелюбви, таким образом, входят новые элементы активности. И это относится как к более простым случаям любви или нелюбви к вещам, так и к более сложным случаям этих отношений к объектам социальной среды, т.-е. к людям. Только в последнем случае добро и зло, желаемое и причиняемое объекту, более сложно и принимает специфическую социальную форму, диктуемую условиями общественной жизни.

Мы должны рассмотреть еще одну важную, характерную черту любви, которой мы до сих пор умышленно не касались. Этим важным свойством любви является то исключительное предпочтение, которое оказывается любимому объекту перед другими объектами. Любовь не только вызывает поведение, направленное к установлению контакта с любимым объектом, но в этом стремлении к объекту обнаруживается более или менее заметное предпочтение этого объекта перед другими, часто доходящее до исключительности, оттесняющей другие объекты, которые сами по себе, по своей объективной ценности, часто далеко уже не так уступают любимому объекту. Не будь любви к данному объекту они смело могли бы с ним конкурировать, а при благоприятных условиях сами могли бы стать объектом исключительной любви. Разумеется, такая исключительность не обязательна для

любви и любовь может быть и без нее. Однако, для случаев более сильного проявления любви такая исключительность часто бывает характерной, а в большей или меньшей степени предпочтение любимого объекта перед другими (если и не исключительное, то относительное) свойственно почти всякой любви. Простое отношение любви имеет тенденцию перейти в любовь предпочитающую, а затем и в любовь исключительную. Главную роль в этом переходе играет усиление чувства.

Интересно вскрыть механизм этого предпочитающего характера любви, столь важного как в общесоциальных, так, в частности, и в половых взаимоотношениях людей. Чтобы разобраться в этом нужно проследить как образуется, как начинается и как закрепляется любовь к данному человеку, иными словами: как протекает самый процесс переноса и закрепления положительной гедонической реакции на этом объекте.

Каждый объект окружающей нас внешней среды, и в особенности человек, является сложным сочетанием различных качеств и отношений, различным образом на нас воздействующих. Каждое из этих относительно простых качеств в отдельности может вызывать в нас ту или иную реакцию, например, страха, нежности, а также и гедоническую реакцию, т.-е. удовольствие или неудовольствие. И когда мы вначале встречаемся с новым для нас объектом, то нам доставляет удовольствие или неудовольствие не весь этот объект в целом, как сложная совокупность всех его воздействующих на нас качеств, а какое-либо одно или некоторые из его качеств. Остальные же (большинство) его качества гедонически для нас вначале индифферентны. Но так дело обстоит лишь вначале — при дальнейших встречах с этим объектом оно меняется. Дело в том, что объекты внешнего мира являются более или менее постоянной совокупностью своих качеств и как с таковой цельной, неразрывной и постоянной совокупностью качеств мы и сталкиваемся с ними в жизни. Если такая постоянная совокупность качеств (т.-е. объект) повторно на нас воздействует, при этом некоторые (или только одно) из его качеств воздействуя на нас доставляют нам удовольствие, а другие вначале удовольствия не доставляют (индифферентны), то со временем не только образуется любовь к этому объекту (см. выше), но происходит и то, что воздействия качеств объекта, вначале индифферентные, в силу многократного одновременного действия с другими приятными воздействиями от этого объекта, со временем сами становятся приятными. Гедоническая реакция (удовольствие) переносится с одних качеств объекта на другие, вначале индифферентные — она как бы расширяется на весь сложный и цельный объект. И механизм этого переноса очень близок к Павловскому механизму образования

условного рефлекса. Таким образом, при образовании любви гедоническая реакция переносится и закрепляется на всем сложном объекте. Так как при этом многие вначале индифферентные качества объекта становятся для нас приятными, то понятно, что общее гедоническое действие всего объекта, т.-е. его общая приятность для нас, от этого во много раз усиливается, а с этим, все больше усиливается и любовь. Происходит, таким образом, как бы все возрастающее самоусиление любви. В этом и заключается одна из причин интересующего нас предпочтительного и даже исключительного характера любви. Новый, еще не любимый объект, если и содержит некоторые качества, возбуждающие в нас гедоническую реакцию (удовольствие), то наравне с ними он содержит и много индифферентных для нас качеств, и эти качества не дают усиления гедонического действия. Ясно, что такой новый объект не может выдержать „гедонической конкуренции“ с уже любимым объектом, все качества которого уже действуют на нас гедонически, и этот уже любимый объект легко вытесняет нового со своего пути. Но при ином сочетании обстоятельств эти два объекта могли бы оказаться в противоположных положениях.

Есть еще и другой могучий фактор, обусловливающий предпочтительный и даже исключительный характер любви— это привычка. Привычка вообще имеет большое значение в механизме любви. Когда сложный объект постоянно возбуждает гедоническую реакцию, от этого повторного вызывания реакции объект все более закрепляется в качестве ее постоянного и фиксированного возбудителя. Он становится ее привычным возбудителем, и чем чаще вызывает он реакцию, тем более закрепляет привычка эту связь объекта с реакцией. Ибо по закону привычки нервные связи становятся тем теснее и крепче, чем чаще они функционируют. С каждым разом объект все легче, все непосредственнее вызывает реакцию. Привычка все более закрепляет отношение любви или нелюбви к объекту, все больше фиксирует это отношение на объекте. И с ростом этой привычной связи гедонической реакции с данным объектом, с облегчением гедонического реагирования именно на этот объект, иными словами с ростом любви к этому объекту — постепенно растет и разбираемое нами предпочтение любимого объекта перед другими. И это понятно так как ведь другие-то объекты еще не имеют этой закрепленной и усиленной привычкой связи с гедонической реакцией, их связь с этой реакцией гораздо слабее, поэтому им и приходится пролагать новые, непривычные, а потому и более трудные нервные пути. И в результате, по универсальному закону, нервный процесс идет по линии наименьшего сопротивления, т.-е. по проторенному привычному пути отношения к уже любимому объекту. Новые же, хотя

быть может и не менее достойные объекты, но не имеющие этой привычной связи, оказываются отстраненными.

Итак, совместное действие закрепляющей привычки и описанного выше механизма гедонического самоусиления любимого объекта, и обусловливает интересующее нас предпочтительное и исключающее качество любви. Говоря о привычке и забегая здесь несколько вперед, надо сказать, что она играет большую роль и в нашей половой жизни. Закрепляя половую любовь на определенном объекте и придавая этой любви предпочитающий и исключительный характер, привычка как бы суживает нашу любовь. Она затрудняет перенос любви с одного, уже выбранного, уже любимого объекта, на другой, новый, т.-е. затрудняет замену одного объекта другим, новым. А это в половой жизни имеет большое значение. В наше переходное время, когда неналаженность социального воспитания детей заставляет нас стремится временно сохранить более или менее длительные семейные отношения — мы должны признать привычку, закрепляющую и сдерживающую любовь, положительным и полезным фактором. Но это лишь временно. В будущем, когда с развитием социального воспитания семья перестанет быть необходимой гарантией благополучия ребенка, и когда, следовательно, поддержка семьи перестанет нас интересовать на привычку придется взглянуть иначе. Дело в том, что привычка вообще часто играет роль консервативного фактора в нашем поведении, она создает узость и косность, и препятствует усвоению нового и продвижению вперед. Мы знаем как много на этой почве пришлось и приходится революции бороться с привычкой. В частности и в половой жизни привычка создает косность и узость любви и препятствует ее обновлению. Мы знаем, что индивидуальные вкусы и запросы, предъявляемые человеком к другим людям, в частности при выборе полового объекта, развиваются и разнообразятся, так сказать, становятся многограннее с ходом развития человеческой личности и общества. Первоначально, при первом выборе полового объекта, различные лица могли удовлетворять различным запросам и вкусам данного человека, и стать объектом его любви. Но когда любовь уже возникла к одному из них, удовлетворившему лишь некоторым из многочисленных запросов данного лица, и когда привычка закрепила этот объект любви - другие запросы как бы подавляются, привычка суживает запросы человека, и в результате те объекты, которые вначале могли бы с такой же легкостью стать любимыми, теперь оттесняются привычной любовью.

И это относится не только к половым отношениям, не только к половой любви — ту же суживающую роль играет привычка и в общесоциальных проявлениях любви, суживая

многогранность наших взаимоотношений с другими людьми. А так как многогранность социальных взаимоотношений является необходимым условием коллективистического поведения, мы должны признать, что привычка, как в половой, так и в общесоциальной любви, является могучим антиколлективистическим фактором. А это значит — фактором вредным, которому необходимо объявить беспощадную войну.

Но здесь вопрос приходится поставить шире. Всякая персонально-направленная любовь, т-е. любовь направленная на какое-либо определенное лицо, и в частности любовь между супругами, суживает, замыкает общественную активность человека. Любовь есть „эгоизм вдвоем", как метко говорят французы. И в этом отношении она в корне противоречит коммунистическому воспитанию, ставящему себе целью выработать в человеке такую общественную активность, которая без личных различений и предпочтений одинаково направлялась бы как на весь общественный коллектив, так и на каждого его члена в отдельности. Такое поведение мы и называем коллективистическим. Любовь же закрепляет доброжелательное отношение и соответствующее поведение на любимом объекте, суживает на нем это доброжелательное отношение и препятствует его проявлению к другим людям. И чем сильнее, чем прочнее, чем длительнее, персональная любовь, чем больше скреплена она привычкой, тем более противоречит она коллективистическому поведению. Но в большей или меньшей степени это относится к каждой любви. Поэтому я считаю, что всякая любовь, в большей или меньшей мере является анти-коллективистическим фактором, противоречащим идеалу коммунистического воспитания.

Я совершенно не согласен с мнением тов. Коллонтай („Дорогу крылатому Эросу!"), будто любовь (персональная) является социализирующим фактором, способствующим общественной солидарности. Как раз наоборот. Правда, любовь связана с доброжелательностью, с активностью „для другого", но именно „для другого", для избранного, любимого, а не „для других", для всех, для коллектива. И как ни многогранна та любовь, о которой говорит тов. Коллонтай — она все же персонально закреплена на каждом из своих объектов, а, следовательно, суживает нашу социальную активность на этих объектах. Итак, мы признаем положительным коллективистическим фактором многогранность, но не любовь. Тем более непонятно, почему Коллонтай замешивает сюда Эроса, т.-е. половой фактор (вот она неопределенность понятия сексуального!). Уж если и любовь, так во всяком случае независимо от пола, — а не то социальная активность будет ограничена лишь теми, кто подходит как половой объект.

Половая любовь.

Мы уже говорили, что половая любовь является такой формой любви одного человека к другому, в основе которой лежат удовольствия и наслаждения (положительные гедонические реакции), возникающие в половой жизни. Половой объект, т.-е. тот человек (объект социальной среды), на которого направлено влечение к приближению и прикосновению, влечение нравиться, и другие врожденные и приобретенные составляющие сложного полового влечения к объекту — человек этот в порядке проявления этих влечений является для лица, испытывающего влечение, источником и носителем различных половых переживаний, более или менее интенсивно окрашенных в удовольствие и вызывающих поведение, направленное к достижению, продлению и усилению этих приятных воздействий полового объекта. Наиболее интенсивным из этих половых наслаждений является совокупление. Но и кроме него более или менее интенсивное удовольствие испытывается при предшествующих очередных достижениях влечения к приближению и прикосновению, влечения нравится и других. Носителем и источником для нас всех этих наслаждений, т.-е. гедонических реакций, является половой объект. Эти наслаждения и являются фундаментом, на котором строится та форма отношения любви, которую мы и называем половой любовью в ее чистой, изолированной форме — это есть закрепленное отношение к постоянному источнику половых наслаждений, т.-е. к постоянному возбудителю особой половой гедонической реакции (особой — в биологическом смысле). Таким образом, половое влечение осложняется половой любовью к объекту влечения. Но смешивать влечение и любовь ни в коем случае нельзя, так как в основе их лежат совершенно различные механизмы поведения; в основе полового влечения лежат инстинктивные врожденно-рефлекторные механизмы, в основе же половой любви лежат наслаждения, т.-е. закрепленные на объекте гедонические реакции.

То, что мы называем влюбленностью, т.-е. начальный интенсивный период половых отношений, есть состояние интенсивного полового влечения, персонально направленного на какое-либо определенное, конкретное лицо, плюс осложняющая его половая любовь, явившаяся благодаря закреплению объекта полового влечения в качестве постоянного носителя тех наслаждений, которые были пережиты благодаря влечению. Вначале, у не влюбленного половое влечение не имеет персональной закрепленности на каком-либо конкретном лице. Оно в одинаковой мере готово направиться на каждого человека определенного пола, отвечающего

общим половым требованиям. Оно мимолетно вспыхивает и кратковременно, не успевая осложниться половой любовью, направляется то на тот, то на другой подходящий объект. При наступлении же влюбленности влечение получает персональную направленность и закрепляется на определенном конкретном объекте. Чем обусловливается выбор этого объекта мы разберем в другом месте. Здесь же нас интересует самый механизм закрепления влечения на объекте. Надо сказать, что механизм этот сложен. Здесь играет роль и то, что достижения влечений, как-то достигнутое приближение и прикосновение к объекту, достигнутое возбуждение объекта и расположение его в свою пользу — эти достижения инстинктивных влечений обратным действием усиливают сами влечения, достижениями которых они являются. Происходит как бы самоусиление полового влечения: чем дальше зашли половые достижения, тем сильнее становится влечение, и тем, следовательно, крепче фиксируется (закрепляется) оно на своем объекте. В закреплении влечения на объекте играет роль и поведение самого полового объекта, его кокетство или ухаживание, усиливающее в партнере половое возбуждение и влечение к этому объекту. Играет также роль и то, что вначале индифферентные в половом отношении качества объекта, в силу Павловского механизма длительного одновременного воздействия с сексуально-возбуждающими качествами объекта, сами приобретают сексуально-возбуждающее действие, — а от этого весь объект в целом становится, сравнительно с другими объектами, более сильным возбудителем вызывающим к себе половое влечение, которое поэтому на нем и закрепляется.

Но наравне со всеми этими факторами, вызывающими закрепление полового влечения на определенном объекте, не малую роль в этом закреплении играет и возникающая половая любовь. Как мы уже знаем, различные достижения полового влечения приносят интенсивное удовольствие и на этой почве быстро выростает интенсивная половая любовь. Влечение и половая любовь тесно между собою переплетаются, поддерживают и усиливают друг друга. Вместе они и создают то господство, которое по крайней мере временно принадлежит объекту в половой жизни влюбленного. Качества объекта, вначале безразличные в отношении половых удовольствий, повторно воздействуя одновременно с теми его качествами, которые приносят нам половые наслаждения, впоследствии сами становятся условными (в смысле Павлова) возбудителями сильной гедонической реакции, т.-е. удовольствия — и тогда весь объект в целом, все его качества, становятся для нас чрезвычайно приятными и привлекательными. Таким образом, половая любовь способствует идеализации объекта влечения и закрепляет

влечение на этом объекте. Возвращаемся к анализу влюбленности.

Интенсивное влечение к половому объекту само по себе краткосрочно и пропадает непосредственно после совокупления. Если последнее было совершено с человеком, не являющимся объектом любви или влюбленности, то налицо имелось изолированное влечение, длившееся недолго, приведшее к совокуплению, и затем бесследно исчезнувшее. И следующее влечение может возникнуть с такой же возможностью как к этому же объекту, так и к какому-либо другому. Но если налицо имелась влюбленность, т.-е. инстинктивное влечение было осложнено и закреплено половой любовью — картина сильно меняется. Во-первых, состояние влюбленности может быть довольно длительным. В условиях сложного человеческого быта совокупление с любимым объектом иногда может быть достигнуто лишь очень не скоро. Влечение, само по себе краткосрочное (сравни у животных), длительно поддерживается половой любовью и постоянно вновь вызывается ею к тому же самому конкретному объекту. И так длится до того момента, когда, наконец, будет достигнуто совокупление. В этом смысле влюбленность есть длительная, растянутая форма влечения к определенному объекту (осложненная любовью), необходимая в тех случаях, когда совокупление с данным лицом почему-либо затруднено и требует длительного подготовительного периода. Однако, влюбленность не проходит и после первого совокупления. Влечение к данному объекту, постоянно поддерживаемое сильной половой любовью, само достигает такой силы по отношению к этому объекту, и так прочно на нем закрепляется, что уже однократного совокупления (как при изолированном влечении) здесь недостаточно, чтобы уничтожить это влечение влюбленного. Правда, непосредственно после совокупления влечение кратковременно тормозится, но затем оно вскоре опять интенсивно вспыхивает, не теряя своей направленности на тот же объект. Так называемый медовый месяц есть время такой продолжающейся после совокупления влюбленности, когда половое влечение все время поддерживается и вновь вызывается к тому же объекту, при чем не малую роль в этом играет сопутница влечения — половая любовь. И только после более или менее длительного ряда повторных совокуплений элемент инстинктивного влечения постепенно гаснет и остается одна лишь половая любовь, которая за это время, в силу повторных сильных гедонических переживаний (удовольствий), постепенно все более крепла. Эта окрепшая половая любовь, по прошествии периода влюбленности, и принимает ту форму, которую мы будем называть длительной половой любовью. Как мы сейчас увидим она обычно не бывает в изолированной форме

чисто-половой любви, а осложняется теми формами частно-хозяйственной или личной любви, о которых мы уже говорили выше. Длительная половая любовь, в противоположность влюбленности, свободна от постоянно-поддерживаемого и возобновляемого влечения. Однако, время от времени влечение вспыхивает и присоединяется к любви. Чрезвычайно важным вопросом является то: какова степень этой длительности половой любви, в течение какого времени и при каких условиях может она длиться? Вопрос этот имеет большое общественное значение. Но дать на него ответ мы сможем лишь несколько ниже.

Здесь же нам нужно остановиться на упомянутом осложнении половой любви факторами не половых отношений. Дело в том, что один и тот же сложный объект, в особенности человек, может оказывать на меня самые различные воздействия, и легко может оказаться, что одни из этих воздействий для меня приятны, другие же, исходящие от того же объекта, неприятны. В особенности это возможно при многогранности социальных взаимоотношений между людьми и, в частности, в отношениях между полами. Конечно, бывают и такие случаи, когда объект различными своими воздействиями вызывает в нас гедонические реакции одного и того же направления, т.-е. он или с различных сторон для нас приятен или с различных сторон неприятен. Тогда возникающие на этих различных основаниях отношения или любви или нелюбви к этому объекту лишь усиливают друг друга и дают суммирующее отношение любви или нелюбви (ненависти), которое при этом лишь выигрывает в силе. Так, например, если я люблю какого-либо человека и как идеологического единомышленника, и как объект удовлетворяющий моим каким-либо низшим частно-хозяйственным нуждам, и как носителя половых наслаждений — общая суммирующая любовь к этому объекту от этого только усиливается. Но, что будет, если один и тот же объект в одних отношениях приносит мне удовольствие, в других — страдание? В одной плоскости взаимоотношений с этим объектом, в той, в которой он мне приятен, у меня образуется к нему отношение любви, в другой плоскости взаимоотношений — нелюбовь или даже ненависть. К чему приводит эта коллизия, это противоречие отношений или чувств? Если, например, человек одновременно становится объектом половой любви и личной антипатии, презрения и даже ненависти? Или обратно? Ниже мы увидим, что здесь возможны различные комбинации противоречий. Обыкновенно образуется суммирующая равнодействующая этих противоположных отношений и сильнейшее из них заглушает своего более слабого антагониста. Но в некоторых случаях, при интенсивности обоих противоположных отношений любви и ненависти,

и при сложности и некоторой неуравновешенности любящего субъекта, в особенности при некоторой патологической раздвоенности его конституции (что, впрочем, далеко не обязательно),— коллизия чувств может остаться и принять длительную форму, и тогда к объекту попеременно проявляется то любовь, то ненависть, в зависимости от той плоскости взаимоотношений, в которой в каждом отдельном случае, происходит соприкосновение с этим объектом. Такие длительные коллизии чувств в жизни не так уже редки.

В отношениях между полами, как мы уже кратко упомянули, половая любовь, основанная на чисто половых переживаниях (наслаждениях) не бывает в чистом, изолированном виде. Есть целый ряд осложняющих факторов, иногда поддерживающих половую любовь и усиливающих ее, иногда же, наоборот, ее ослабляющих. Такими осложняющими формами прежде всего являются те не половые формы отношений любви или нелюбви, направленные на тот же объект, на который направлена и половая любовь, и которые одновременно с половой любовью образуются в плоскости других, не половых взаимоотношений с этим лицом. Ведь в условиях общественной жизни с объектом половой любви приходится соприкасаться в самых различных плоскостях человеческих взаимоотношений. В особенности при тесной совместной жизни супругов. Объект половой любви может быть для меня носителем и источником не половых удовольствий или неудовольствий в области будничной, частно-хозяйственной жизни, когда муж является для жены добытчиком жизненных благ, а жена обеспечивает мужу удобства „печного горшка"; с другой стороны, муж может быть „носителем побоев и прочих неудовольствий". Эти осложнения половой любви мы называем частно-хозяйственными. В другом месте мы увидим, что они переходят в мужское собственничество, являющееся своеобразным и важным осложнением в отношениях между полами. Другой не менее важной категорией осложнений половой любви являются те высшие формы отношений любви или нелюбви, которые мы выше назвали личными. С ходом общественного развития и ростом человеческой личности в отношениях между полами все большую роль начинают играть высшие и более сложные стороны человеческих взаимоотношений — общие взгляды и чувства, совместная деятельность, идеология и т. д. Во всех этих плоскостях супруги становятся друг для друга источниками удовольствий или неудовольствий, и это все больше отражается на их взаимных отношениях, ложась в основу высших форм любви или нелюбви между ними. Так как здесь все большую роль играют личные, индивидуальные качества объекта, то эти осложнения половой любви мы и называем личными. Ниже мы подробно остановимся

на этой эволюции личной любви. Итак, отношения между полами, отчасти уже в начальный период влюбленности а тем более в последующий период длительной супружеской любви, — являются отношениями сложными и представляют собой как бы равнодействующую различных половых и неполовых компонентов любви и нелюбви. Здесь возможны и различные конфликты этих отношений, но возможно и их взаимное усиление.

Понятно, что эти частно-хозяйственные и личные, высшие осложнения половой любви могут действовать в две стороны. Если частно-хозяйственные и высшие личные взаимоотношения с объектом половой любви приносят удовольствие, к объекту образуются и неполовые формы любви, которые, присоединяясь к половой любви, еще более ее усиливают и укрепляют, и, таким образом, образуется общее, суммирующее отношение супружеской любви — это те случаи, которые могут быть названы счастливым браком.

Но если, наоборот, объект половой любви в плоскости частно-хозяйственных или высших личных отношений является источником неудовольствий и страданий, к нему в соответствующей плоскости образуется нелюбовь или даже ненависть. Тогда или образуется равнодействующая антагонистических отношений, или устанавливается как бы известное равновесие между ними, при чем более сильное вытесняет более слабое. Или же, как было описано выше, конфликт отношений остается неулаженным и такое перемежающееся состояние устанавливается более или менее надолго. Обычно конфликт обнаруживается лишь по прошествии периода влюбленности, когда с ослаблением ослепляющей влюбленности прекращается и идеализация объекта. До этого отрицательные и неподходящие качества объекта не могли быть замечены и взвешены и не могли вызвать к себе нелюбовь потому, что благодаря известному нам механизму детерминирующей фиксации мозговой деятельности на влечении, все соображения и неудовольствия, т.-е. гедонические реакции, противоречащие основному влечению, вытеснялись и подавлялись. Но по прошествии влюбленности отрицательные качества объекта обнаруживаются, возбуждают отрицательную гедоническую реакцию (страдание, неудовольствие) и на этой почве вырастает не половая нелюбовь к объекту, или даже ненависть, входящая в конфликт с половой любовью. Поэтому-то, как профилактическая (предупреждающая) мера, и рекомендуется более длительное предварительное ознакомление с объектом, дабы возможные несоответствия в объекте могли быть во-время обнаружены, и во-время, т.-е. до вступления в брак, могли образоваться антагонистические чувства нелюбви, а, следовательно, и приняты меры против вступления в неподходящий брак. Но для

этого необходимо возможно более тесное и длительное добрачное сближение с объектом. В идеале — нужно, чтобы ослепляющая влюбленность прошла до окончательного вступления в длительный брачный союз. Так как в жизни эти несоответствующие качества партнера часто обнаруживаются лишь после вступления в брак, когда уже появился или должен появиться ребенок; неизбежный конфликт любви и ненависти назревает лишь к этому времени и это приводит или к обоюдному страданию или к расторжению брака.

Теперь нам нужно подробнее остановиться на отмеченной уже выше эволюции отношений между полами, состоящей в прогрессирующем развитии высших, личных элементов любви, при чем это развитие происходит за счет элементов любви чисто половой.

Так как высшие личные формы любви основываются на личных, индивидуальных качествах любимого объекта, то они предполагают уменье различать эти личные качества объекта, уменье персонально дифференцировать и различать окружающие объекты социальной среды по личным качествам каждого из них. Надо сказать, что известную долю элементарной, зачаточной способности персонально различать сочленов своего вида, своего коллектива по их личным качествам, мы должны признать уже у высших животных. От этого зависит то, что их половое влечение часто приобретает персональную направленность на какой-либо конкретный объект, и при этом у некоторых животных оно фиксируется на этом объекте на более или менее долгий, а иногда и пожизненный срок. У человека эта способность персонально различать сочленов своего вида пошла быстро вперед. Дело в том, что высшее развитие распознания личных свойств другого требует уменья разбираться в внутренних качествах его личности, а это, в свою очередь, требует уменья познавать самого себя, свою личность, на основании чего познается и личность другого с ее внутренними индивидуальными отличиями. На этих-то ступенях и начали зарождаться высшие, личные формы любви.

С прогрессирующим развитием мозга и умственных способностей, с обогащением личности, росло и развивалось познание своей личности, а с ним вместе росло и развивалось познание личности и других, окружающих людей. А с этим росла и личная, персональная направленность отношений любви или нелюбви к отдельным членам этой окружающей социальной среды. На низших ступенях (у животных) эти отношения хотя и были иногда персонально направлены на конкретных сочленов своего вида, но объекты эти различались лишь по своим внешним, поверхностным и общим признакам, а потому легко могли заменять друг друга. А по-

этому и любовь, поскольку она здесь имелась, могла легче переходить с одного объекта на другой.

Но чем точнее становилось различение окружающих людей друг от друга, на основании которого персонально-закреплялась на них любовь, тем все большую роль играли в этой любви индивидуальные, личные качества любимого человека, и тем труднее становился перенос любви и замена одного объекта любви другим. Вопреки Мюллер-Лиэру я считаю, что уже в эпоху первобытного коммунизма, т.-е. на самой заре человеческого развития, это познание чужой личности, персональное распознание социальной среды, а, следовательно, и персональная направленность любви, достигли уже известной степени своего развития, хотя трудно, конечно, точнее определить эту степень.

В отношениях между полами на низших ступенях всецело господствовала чисто половая любовь, основанная на одних лишь половых наслаждениях. Такую чисто половую любовь, как надстройку над половым влечением, я склонен допустить уже у некоторых высших животных, птиц и млекопитающих, живущих в длительном моногамном браке. Вспомним хотя бы пример неразлучек, которые нежно ухаживают друг за другом в случае болезни и тоскуют, не едят и умирают, одна в случае смерти другой.

Чисто половая любовь преобладала и в отношениях между полами на заре человеческого развития. Не даром же на языке наиболее отсталых народов слово „женщина" равнозначно наименованию ее половых органов. С ростом же познания своей, а потому и чужой личности и с растущей дифференциацией социальной среды, к объекту супружеской любви начинают предъявляться все больше и все более индивидуальные требования, в нем все больше начинают ценить другие, не половые качества, его практическое умение и мастерство, его одаренность, чувства, взгляды, социальное положение и т. д., т.-е. к половой любви все больше присоединяется элементов любви личной, не половой. И я думаю, что этот процесс осложнения половой любви высшими, личными отношениями, начался уже с самых первых шагов развития человека, т.-е. в эпоху первобытного коммунизма.

Первобытный коммунизм сменился новыми социально-экономическими отношениями. Водворилась частная собственность, а с нею и собственническая семья, как замкнутая хозяйственная единица. Женщина была оттеснена от общественно-производительного труда, а отсюда прежнее равноправие полов сменилось семейным засилием и собственничеством мужчины над женщиной. В отношениях между полами наступил заметный регресс. Разумеется, в эпоху собственнической семьи, через всю ее длинную историю, с дальнейшим развитием интеллекта, обогащением личности, растущим

самопознанием и познанием других — продолжали развиваться и высшие, личные, персонально-направленные отношения любви или нелюбви, развитие которых началось уже в предшествующую эпоху первобытного коммунизма. Но здесь произошло следующее: познание и признание чужой личности и персональные отношения росли и развивались за пределами семьи, в обще-социальных взаимоотношениях между людьми, собственно, между мужчинами; внутри же семьи, в отношениях мужчины к женщине это развитие было в корне заторможено. Экономическое и социальное неравенство мужчины и женщины, собственническое отношение мужчины к женщине — выработали у него взгляд на нее, как на подвластное существо низшей породы, и это не только затормозило дальнейшее развитие, но и в корне убило уже достигнутую в прежнюю эпоху оценку и признание женской личности. Оценка мужчиной женской личности потерпела регресс и впредь надолго начала сильно отставать от оценки мужчинами личности друг друга. А раз так, то понятно, что были заторможены и не могли развиваться высшие личные формы любви между супругами. Собственническая семья убила любовь.

Были и другие причины, препятствовавшие этому развитию высших форм любви в семейную эпоху, причины, в конечном счете коренящиеся в том же собственничестве. Таковы отсутствие свободного выбора супруга и принудительность брака. Высшие формы любви имеют в основе оценку индивидуальных качеств личности любимого человека, отвечающих индивидуальным запросам и вкусам любящего. Понятно, что для осуществления такой любви необходим взаимный свободный выбор обоих супругов. Этой свободы выбора не было.

Далее, семейные узы были нерасторжимы. Даже при свободном и удачном выборе объекта отношения впоследствии легко могут измениться, и любовь исчезает или даже переходит в ненависть. Это происходит от того, что у человека постоянно растут и изменяются его индивидуальные вкусы, запросы, воззрения, отношения к миру и к жизни. Чем выше и сложнее любовь, тем более нуждается она для своего существования в ничем не стесняемом свободном выборе и такой же свободной расторжимости. В собственнической семье не было ни того ни другого, высшие личные формы любви развиваться не могли и в отношениях между полами господствовала чисто половая любовь.

С дальнейшим развитием производительных сил и изменением общественных взаимоотношений экономическое, правовое и семейное положение женщины стало улучшаться. Процесс этот особенно заметен в наши дни. Наступил крах старой, собственнической семьи. С экономической самостоятельностью женщины рухнуло собственническое засилие мужчины.

Вместе с этим начался быстрый рост признания и оценки женской личности в глазах мужчины. Это было очень важно в эволюции высших форм любви. Мы видели, что эта эволюция в семейную эпоху была заторможена. Однако, потенциальные условия этой эволюции — рост интеллекта, развитие и обогащение личности, признание и оценка чужой (правда не женской) личности — продолжали расти, и ко времени раскрепощения женщины этот рост условий высших форм любви достиг уже значительной степени. Поэтому-то с крахом мужского собственничества и признанием женской личности и начинается быстрый рост высших форм отношений между полами. В этих отношениях все большую роль начинает играть внутренний облик, социальное поведение, взгляды и чувства, деятельность и идеология партнера, вообще его внутренние, личные качества. И, наоборот, чисто половая основа отношений между полами, элемент чисто половой любви, постепенно, медленно, но верно, перестает играть прежнюю господствующую роль. Поэтому можно сказать, что элементы высшей личной любви развиваются за счет любви чисто половой. Следовательно, отношения между полами становяться все сложнее. Кроме признания и оценки женской личности здесь сыграли роль и свобода выбора супруга и легкая расторжимость брака.

На почве развития этих высших личных форм отношений между полами, растет и уточняется также и персональная направленность любви. Те качества объекта, которые ложатся в основу все усложняющихся высших, личных форм любви, являются его личными, индивидуальными качествами. Они все больше становятся отличительными, исключительными качествами любимого человека, одному лишь ему принадлежащими, и все реже встречаются на жизненном пути любящего несколько, или даже хоть два человека, обладающие этими же качествами. Это и значит, что любовь становится все более персонально-направленной, что эта персональная направленность любви все больше уточняется.

На первый взгляд это ведет к тому, что все более осложняется и затрудняется выбор подходящего объекта любви, а также замена уже любимого объекта новым, т.-е. перенос любви, в случае, если, скажем, прежний объект потерян. Это действительно так. Но на деле явление это более сложно и есть другие факторы, которые в противоположность данному фактору (растущей персональной направленности любви), облегчают и выбор объекта и перенос любви на новый объект. Если развитие и усложнение жизненных запросов, предъявляемых человеком к другим людям, а также основывающихся на этих запросах взаимоотношений между людьми и, в частности, высших, личных форм любви между ними — если это развитие и усложнение, с одной стороны,

состоит в их уточнении, а потому и персонализации, то, с другой стороны, это развитие состоит в увеличивающемся разнообразии и многогранности этих запросов и взаимоотношений. Если каждой специализирующейся потребности, каждому уточняющемуся вкусу или запросу, может отвечать все меньшее число удовлетворяющих эти запросы и потребности объектов (людей), то, с другой стороны, увеличиваются в количестве и разнообразятся сами эти вкусы, запросы и потребности, и, следовательно, все большее число различных объектов могут удовлетворять той или иной из этих различных потребностей. От этого как бы вновь облегчается и выбор подходящего объекта и перенос любви с одного объекта на другой.

Напомним, что есть еще один могучий фактор, затрудняющий этот перенос любви с одного объекта на другой— это привычка, о которой мы говорили выше.

Теперь мы должны вернуться к поставленному нами выше важному вопросу о том — какова степень длительности половой любви, или, вернее, длительной любви между полами? Мы видели, что такая длительная форма супружеской любви наступает по прошествии начального периода влюбленности. Если допустить абстракцию: отбросить все осложняющие не половые элементы супружеских отношений и рассматривать половую любовь в изолированном, очищенном виде, поскольку она основывается лишь на одних половых наслаждениях,—то необходимо признать, что период влюбленности со всеми его интенсивными половыми наслаждениями, естественно предрасполагает к закреплению длительной половой любви. И в дальнейшем ходе супружеских отношений повторяющиеся совокупления и другие половые переживания все более закрепляют половую любовь и способствуют ее продлению. Форель наблюдал, что прерванные на продолжительный срок половые сношения, ведут к охлаждению супружеских отношений, и, наоборот, половые сношения поддерживают взаимную любовь супругов. Не будем забывать и того, что, по механизму Павлова, все вначале индифферентные качества объекта половой любви постепенно становятся все более сильными возбудителями сексуально-гедонической реакции (становятся сексуально-приятными), и тем усиливают половую любовь. Итак, сама по себе половая любовь, при условии постоянных половых сношений, имеет тенденцию принимать длительную форму и все дальше поддерживать свою длительность.

Однако, мы уже знаем, что в жизни, по крайней мере в наше время, половая любовь не бывает в таком чистом, изолированном виде. Она осложняется целым рядом элементов не половой, чисто хозяйственной и высшей, личной любви, которые иногда поддерживают половую любовь, иногда же,

наоборот, ослабляют ее. Значит и на длительность супружеских отношений эти осложняющие факторы могут влиять в двух противоположных направлениях: или еще более ее поддерживая, удлиняя супружеские отношения, или, наоборот, прерывая их. Мы видели, что сама половая любовь имеет тенденцию к длительности, но эта тенденция может осуществиться лишь тогда, когда ничто этому не мешает, когда не мешают не половые элементы нелюбви или ненависти.

В счастливых же случаях эта длительность еще более гарантируется элементами не половой любви. Таков ответ на поставленный вопрос о длительности половой любви.

В наше время, когда рухнули старые собственнические скрепы семьи,— власть и засилие мужа, опиравшиеся на соответствующие законы и традиции, и когда, в то же время, в силу неналаженности социального воспитания детей, семья временно должна еще существовать — важным вопросом является: что будет скрепой этой новой семьи, гарантирующей необходимую степень ее длительности? И прежде всего встает вопрос — не может ли стать такой скрепой совершенно свободная, ничем посторонним не поддерживаемая, взаимная любовь между супругами? Достаточна ли для этого тенденция этой любви к длительности?

Я думаю, что по степени своей прочности и длительности, такая совершенно свободная супружеская любовь не является достаточно надежной скрепой семьи. Мы видели, что эта любовь становится все более сложной и принимает все более личный характер.

От этого все более осложняется и затрудняется выбор подходящего объекта, который к тому же обычно совершается слишком поспешно, неосмотрительно и в чаду ослепляющей влюбленности; от всего этого растут шансы неудачного выбора, когда объект обладает несоответствующими качествами, вызывающими нелюбовь (ненависть) и описанную выше коллизию чувств. А так как усложнившиеся отношения все более требуют соответствия личным, индивидуальным запросам, то старое правило „свыкнется — слюбится“ все более устраняется.

Поэтому браки часто бывают неудачными и при свободных отношениях, быстро ведут к разрыву. Это одно показывает ненадежность скрепы свободной любви. Но если даже выбор оказался удачным и брак вначале был счастливым — ничто не гарантирует, что он таким и останется. С развитием и усложнением человеческой личности она все более становится изменчивой. Изменяются оба супруга, и если вначале они удовлетворяли индивидуальным запросам друг друга, то со временем тот или другой из них, а то и оба вместе, могут изменившись перестать удовлетворять индивидуальным запросам партнера. С другой стороны,

и запросы каждого из супругов тоже изменяются, и даже если партнер сам и не изменился, то он может перестать удовлетворять изменившимся запросам другого. При все более усложняющихся личных взаимоотношениях понятно, как много становится шансов, что даже и при удачном выборе вначале счастливый брак со временем перестанет быть таковым и при свободных отношениях приведет к разрыву.

* * *

При наличии длительной половой любви, осложненной не половыми отношениями, у человека время от времени вспыхивает инстинктивное половое влечение к объекту (к приближению и прикосновению, влечение нравиться и т. д.). Здесь поднимается важный вопрос: на кого это влечение преимущественно направляется, на кого оно имеет тенденцию направиться? — на самый объект длительной любви, или на какой-либо другой объект, как говорят „на сторону“? Вопрос этот очень труден и я далек от мысли дать на него исчерпывающий ответ.

Все же, в виду важности вопроса, мне хочется высказать по нему ряд соображений, а также более точно и детально поставить самый вопрос. Многое говорит за то, что сильная и прочная длительная половая любовь, поддерживаемая и усиливаемая другими не половыми формами частно-хозяйственной и личной любви, в значительной степени предрасполагает к тому, чтобы появляющееся время от времени влечение направлялось именно на любимого человека. К этому же предрасполагают и объективные условия тесной совместной жизни, а также (где таковые имеются) и общественные моногамные традиции.

Само половое влечение в период влюбленности характеризуется строгой исключительностью своей направленности на один единственный объект. В этот период временно тормозится всякое влечение к какому-либо иному объекту, кроме того, в который субъект влюблен. Возбудимость влечения как бы суживается и все другие объекты временно как бы теряют свою половую привлекательность и способность возбуждать к себе влечение влюбленного. Эта исключительность начинается с известного этапа влюбленности и затем растет вместе с нею.

Однако, по прошествии влюбленности эта исключительность направленности влечения прекращается. Даже больше. Часто указывают на так называемую „потребность влечения в разнообразии объектов“, состоящую в том, что само влечение ищет этого разнообразия, один и тот же привычный объект со временем как бы приедается и перестает возбуждать к себе влечение, половая привлекательность этого

привычного объекта притупляется и пропадает, а для возбуждения влечения в прежней его силе нужны все новые, разнообразные объекты. При этом подчеркивают, что это является отличительной чертой влечения мужчин. Нельзя не согласиться, что в условиях нашего полового быта эта мужская потребность в половом разнообразии, как факт должна быть до известной степени признана. Ниже мы попытаемся объяснить этот факт.

Таким образом, мы имеем здесь как бы противоречие, или вернее, взаимное противодействие тенденций половой любви и полового влечения. В то время как любовь предрасполагает к тому, чтобы появляющееся влечение направлялось на любимого человека, само влечение (у мужчин) не удовлетворяется этим привычным объектом любви и ищет нового объекта на стороне. Мы не должны удивляться этому противоречию, так как уже знаем, что влечение и любовь далеко не одно и то же. Заметим, что на этой почве бывают тяжелые конфликты между любовью и влечением.

Считаю нужным предостеречь здесь против одного смешения понятий (вернее явлений), которое нередко делается в данном вопросе. Я говорю о смешении степени длительности половых отношений, с одной стороны, и об их однообъектности или многообъектности, с другой, т.-е. с тем, находится ли данный человек в половых отношениях с одним или с несколькими лицами. Только в последнем случае можно применять понятие моногамии или полигамии, не делая из этого никаких выводов о степени длительности этих отношений. Конечно, краткосрочность и многообъектность могут быть и вместе — в этом состоит так называемый промискуитет, т.-е. беспорядочные половые сношения. Но мы знаем и случаи длительной полигамной любви, где многочисленность и разнообразие объектов сочетается с прочностью и длительностью любви к каждому из них. В той конкретной постановке, в которой вопрос стоит перед нами, отмеченная потребность влечения в разнообразии отнюдь не противоречит той тенденции половой любви принимать длительную форму, о которой мы говорили в своем месте, тем более, что речь идет о разных механизмах—влечении и любви.

Что касается пресловутой потребности мужского влечения в разнообразии объектов, то мы имеем здесь явный продукт социально-экономических условий, а отнюдь не какую-либо врожденную особенность, как это иногда выставляют. Прежде всего проводимое здесь различие между мужчинами и женщинами весьма характерно. Отмечается, что в половой жизни женщин повторные совокупления и вообще половые переживания с одним и тем же лицом, все сильнее привязывают их к этому человеку. У мужчин, наоборот, влечение при повторных совокуплениях притупляется. Отсюда

делают вывод о врожденной склонности женщин к моногамии. и о такой же склонности мужчин к полигамии. Поскольку здесь имеется в виду врожденное различие, такой противопоставляющий вывод совершенно необоснован. Прежде всего здесь играют роль непосредственно действующие экономические факторы,— экономическая обездоленность женщины и интересы ребенка, заставляющие их (женщин) искать прочных связей, чего совершенно нет со стороны мужчины. Но и с точки зрения чисто половых явлений здесь смешиваются совершенно различные вещи. У женщин повторные совокупления закрепляют половую любовь. Это имеет прочные корни в нашем женском воспитании с его культом девственности, скромности и стыдливости, воспитании, унаследованном от времен собственнической семьи. Это воспитание вырабатывает у девушки отношение ко всем проявлениям половой жизни, и в особенности к совокуплению, как к чему-то необычайному, исключительно-большому и важному в жизни — и понятно, что это ведет за собой совершенно особое, искусственно-раздутое и преувеличенное отношение к тому лицу, которое является для девушки носителем и источником этих необычных явлений и переживаний половой жизни. Отсюда понятно и то могучее закрепляющее действие, которое эти переживания оказывают на ее любовь.

Совершенно другое мы видим у мужчин. В их половом воспитании не только нет какого-либо культа девственности, но обычно не вырабатывается даже необходимой степени полового воздержания, а нередко царит и полная половая распущенность; понятно, что при таких условиях у них, в противоположность девушкам, вырабатывается слишком легкое и несерьезное отношение к половой жизни. А поэтому у мужчин половые переживания и, в частности, совокупление оказывают гораздо меньшее закрепляющее действие на их привязанность к любимой женщине. В особенности это проявляется в случаях половой распущенности. Таково действие половых переживаний на половую любовь мужчин. С другой стороны, половому влечению мужчин, как мы видели, присуща известная потребность в разнообразии, в которой мы настойчиво отказываемся видеть что-либо врожденное. Она есть плод воспитания и вышеупомянутой мужской половой распущенности, при чем здесь не малую роль играет и проституция. Создается привычка в половом разнообразии, которая потом уже становится приобретенной потребностью. Этому содействуют и существующие общественные традиции мужского полового тщеславия (Дон-Жуанизма), о которых мы будем говорить несколько ниже.

Итак, мы считаем, что нет никаких оснований предполагать существование каких-либо врожденных различий в ме-

ханизмах полового поведения мужчин и женщин в смысле склонности к моногамии или полигамии. Различия эти приобретаются воспитанием и являются продуктом не биологических, а социально-экономических причин. Так, нельзя не подчеркнуть классового характера мужской потребности в половом разнообразии — она по преимуществу (не исключительно) есть принадлежность буржуазного полового быта. Причины этого понятны. Однако, надо сказать, что кроме неправильного полового воспитания с его распущенностью у одних и культом девственности у других, сами объективные условия старого общества располагали к этому различию полигамии мужчин и моногамии женщин, — последствия половой жизни были слишком различны для тех и других, легки для мужчин и тяжелы для женщин. В надвигающемся новом обществе не будет и этих оснований и можно ожидать, что разбираемые нами различия полов будут совершенно изжиты.

V. ОСЛОЖНЕНИЯ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Нежность.

Основным и общим механизмом всякого отношения любви мы признали перенос на объект и закрепление на нем положительной гедонической реакции (удовольствия). Однако, в социальной форме любви человека к человеку и, в частности, в любви к половому объекту, к этому основному механизму присоединяются и другие добавочные, вторичные, второстепенные элементы. Из них мы прежде всего остановимся на нежности, которую Мак-Даугол (давший прекрасный, хотя и не вполне правильный анализ этой реакции) ошибочно считает основным элементом любви.

Реакция нежности первично является проявлением материнского инстинкта по отношению к детёнышу, и лишь отсюда она перенесена и на другие отношения. Я определяю нежность как реакцию бережного обращения. Она проявляется в нежном, ласковом, бережном обращении первично с хрупким, слабым, нежным детёнышем, и здесь она биологически чрезвычайно полезна. С нежностью, как реакцией бережного обращения очень тесно соприкасается реакция ласки (первично — реакция ласкать детёныша). Ласки проявляются в особых „ласковых“ прикосновениях, глажении, лизании, у человека в поцелуях, также в интонации голоса и в словах. Эти ласки являются как бы особым видоизменением нежного, бережного обращения. Здесь устанавливается как бы известный контакт между ласкающим и ласкаемым (первично — между матерью и ребенком, но вполне

аналогично действует нежность и между взрослыми, и, в частности, в половой жизни) — при этом ребенок воспринимает ласки, как признак присутствия матери, ее нежных забот и удовлетворения его нужд, а потому ласки матери действуют на него успокаивающе и удовлетворяюще, и вызывают к носителю ласк, т.-е. к матери, положительную гедоническую реакцию (удовольствие), содействующую образованию к ней ответной любви. Последнее всецело относится и к нежности в половой жизни.

Врожденным возбудителем реакции нежности является все маленькое, хрупкое, слабое, беспомощное, беззащитное. Это для нас очень важно. В поведении матери опыт закрепляет детёныша (сложный объект, обладающий этими простыми качествами), как условного возбудителя реакции. Вообще же реакцию нежности вызывают те объекты, которые обладают перечисленными качествами, например, маленькие животные, даже маленькие и хрупкие неодушевленные предметы, но в особенности дети.

В обще-социальных взаимоотношениях между людьми нежность гораздо чаще и интенсивнее проявляется у женщин, нежели у мужчин — нежность как бы более присуща женщине. Трудно сказать в какой мере она является врожденной чертой женской конституции, находящейся в связи с материнством и являющейся как бы расширением этого материнства. Такая врожденность вероятно лежит в основе женской нежности. Но вероятно также, что здесь играют роль и социально-экономические факторы сузившие женщину на материнстве и способствовавшие еще большему усилению ее природной нежности. Однако, нежность проявляется и у мужчин, и не только к своему ребенку, но и к чужим детям.

Если любовь возможна и без нежности (у мужчин), то все же она в значительной мере предрасполагает к нежности и последняя гораздо легче может проявляться к любимому человеку, чем к какому-либо другому. Ведь мы видели, что любовь есть доброжелательное отношение и поведение любящего направлено к обеспечению благополучия любимому объекту. А так как нежность проявляется в хорошем, бережном обращении с объектом, то она этим содействует его благополучию. Поэтому она легко и присоединяется к любви. И если любовь мужчин (неполовая) и бывает без элемента нежности, то в женской любви этот элемент нежности обычно очень силен, что хорошо заметно между девушками-подругами.

В половых отношениях нежность играет большую роль, как в любви женщины, так и в любви мужчины. И здесь бережное, нежное обращение содействует благополучию объекта половой любви, что для любящего очень важно. Кроме

того это нежное, ласковое обращение доставляет объекту удовольствие, а так как источником этого удовольствия является любящий, то это способствует образованию к нему ответной любви. А, как мы скоро увидим, потребность в такой ответной, взаимной любви играет в половой жизни очень большую роль.

Нежность в половой любви мужчины к женщине имеет ту характерную черту, что женщине даются всякие уменьшительные, ласкательные имена, и вообще отношение мужчины к женщине принимает характер отношения к чему-то маленькому, слабому, хрупкому, нежному. В половой нежности женщины к мужчине эта черта проявляется гораздо меньше, или даже отсутствует вовсе. Каковы причины этого различия?

Прежде всего отметим, что здесь играет роль известное объективно-существующее различие в физической силе, предрасполагающее мужчину относиться к женщине как к „слабому полу“, и, наоборот, препятствующее такому отношению женщины к мужчине. Но главная причина, разумеется, не в этом. Здесь гораздо важнее не физическая сила, а сила социально-экономическая. Длившееся многие тысячелетия социально-экономическое неравенство полов, обездоленность женщин и господство мужчин, выработали покровительствующее отношение мужчины к женщине, как к чему-то меньшему слабейшему, нуждающемуся в защите и бережном обращении. Отсюда в мужской половой нежности и возникло это отношение к женщине, как к чему-то слабому, хрупкому, маленькому. Напротив, в женской половой нежности к мужчине этот элемент подавлялся теми же причинами социально-экономического неравенства, вырабатывавшими в женщине отношение к мужчине, как к сильному защитнику и покровителю.

Однако, наравне с этими социально-экономическими причинами и в дополнение к ним нельзя не видеть и другой причины этого различия мужской и женской половой нежности, лежащей в самой природе нервно-психических аппаратов. Как мы видели, в связи с материнством нежность гораздо более присуща женской конституции, нежели мужской. У мужчин, в их не половых отношениях, нежность проявляется лишь к объектам — носителям нормальных возбудителей реакции (см. выше), например, к маленькому и хрупкому ребенку. У женщин она может проявляться и без этого, т.-е. к взрослым и сильным людям. У женщин нервный механизм реакции нежности более активен, более готов к деятельности, и скорее и легче переходит в деятельное состояние, поэтому он может действовать и без своего нормального возбудителя. У мужчин же нервный механизм реакции нежности менее активен, труднее переходит

в деятельное состояние, и потому для своего действия он более нуждается в своем нормальном возбудителе (хрупкости, маленькой величине) и только ими он обычно и активируется, т.-е. приводится в действие.

Однако, женщина, как половой объект, лишь в очень незначительной степени и с большой натяжкой удовлетворяет этим требованиям к нормальному возбудителю реакции нежности. В то же время в силу вышеописанных социально-экономических и других причин в половой любви мужчины к женщине всегда содержится интенсивная реакция нежного, бережного обращения. Но так как, с одной стороны, механизм этой реакции для своего действия нуждается в своем нормальном возбудителе, а, с другой стороны, этот возбудитель имеется в недостаточной степени — то получается как бы „обратное привлечение" или „обратное вызывание" нормального возбудителя. Не возбудитель вызывает реакцию (как нормально), а, наоборот, реакция для своего существования, для своего поддержания (образно говоря — для своего оправдания) — вызывает свой нормальный возбудитель. В объективной действительности последнее, разумеется, невозможно, но качества слабости, хрупкости и небольшой величины приписываются объекту (женщине) вопреки объективной действительности, или, вернее, усиливая объективно существующие качества.

У женщин же нежность может проявляться и без своего нормального возбудителя и потому в их половой нежности к мужчине этого „обратного вызывания" возбудителя не наблюдается, или наблюдается в гораздо меньшей степени.

Симпатия и доброжелательность.

Обычно в общежитии, а иногда и в науке, слово симпатия употребляется неправильно и является синонимом любви — „питать к кому нибудь симпатию". В научном же смысле слово симпатия, как и равнозначные ему вчувствование, эмоциональное подражание или индукция, обозначают совсем другое, а именно сопереживание чужих переживаний, преимущественно эмоции (горе, радость, страх и т. д.). При этом об этих чужих переживаниях мы узнаем или по их непосредственному выражению в мимике, жестах, голосе и вообще поведении переживающего лица, и тогда мы непосредственно отвечаем тем же переживанием. Или мы можем узнать о чужих переживаниях более сложным, окольным путем: из разговоров, догадок, соображений — и тогда тоже начинаем переживать их, т.-е. симпатически подражать им.

В любви, как половой, так и не половой, симпатическое вчувствование по отношению к любимому человеку сильно

повышается — мы легче и сильнее сопереживаем горе, радость и т. д. любимого человека, чем кого-либо другого. Каковы причины этой повышенной симпатии? Любовь к человеку сближает с ним и этим облегчает восприимчивость к его состояниям. Мы внимательнее, ближе присматриваемся к любимому человеку, лучше узнаем его вообще, а потому и лучше научаемся узнавать его переживания — а это, понятно, облегчает и симпатию по отношению к этим переживаниям. Любимый человек, как носитель и источник наших приятных переживаний (удовольствий), бывает для нас особенно интересен — нам интересно все, что к нему относится, мы внимательнее в него всматриваемся, и потому лучше узнаем его. Благодаря тому, что наше внимание сосредоточивается на любимом человеке мы не только лучше узнаем его — само то, что наше внимание постоянно сосредоточено на этом интересующем нас человеке ведет к повышенной восприимчивости ко всему тому, что к этому человеку относится. В частности, повышается восприимчивость и к его переживаниям, а, следовательно, повышается и облегчается симпатическое подражание этим переживаниям. Вспомним насколько сосредоточивается внимание любящих родителей на ребенке, как это повышает их восприимчивость и симпатию к его состояниям и переживаниям. Итак, сосредоточенное внимание на любимом человеке, лучшее знание его и повышенная восприимчивость к его переживаниям — вот прежде всего те факторы, которые повышают симпатию в любви. В супружеской любви сюда присоединяется то, что благодаря длительной совместной жизни и постоянному тесному общению супругов, они все лучше узнают друг друга, все лучше научаются распознавать друг у друга внутренние состояния и переживания во всех их тончайших вариантах, а от этого, как мы видели, и симпатия все более облегчается и уточняется.

В период влюбленности восприимчивость к объекту и симпатическое чувствование в его переживаний еще более повышается инстинктивным половым влечением к этому объекту, приковывающим к нему внимание и обостряющим как общую впечатлительность и эмоциональность влюбленного, так в особенности и его восприимчивость ко всему тому, что касается объекта влечения.

Симпатия или симпатическое вчувствование ней ограничивается пассивным сопереживанием переживани любимого-человека. Оно обычно осложняется элементами активности, деятельного поведения — на переживания любимого человека деятельно реагируют как на свои собственные. Отчасти это есть непосредственное следствие силы самого симпатического сопереживания. Интенсивно переживая чужие состояния, мы реагируем на них собственно уже не как на чужие, а как на свои собственные. Однако, свести активный характер

нашей симпатии целиком к этому нельзя — здесь есть и другие причины.

У животных, в поведении матери по отношению к детёнышу, ярко проявляется реакция помощи и защиты, состоящая в кормлении и удовлетворении всех прочих нужд беспомощного и беззащитного детёныша, его защиты в случае угрожающей ему опасности, при чем в этих случаях поведение матери проявляется в гневе, драчливости, и часто подавляет ее инстинкт самосохранения. Это поведение помощи и защиты унаследовано и человеком, при чем оно распространилось с материнского поведения и на другие общесоциальные взаимоотношения. Особенно повышено бывает поведение помощи и защиты в любви, именно по отношению к любимому объекту. Мы сердимся, когда любимому человеку угрожают или причиняют ему зло, мы благодарны тому, кто делает ему добро, и т. д. И это относится как к половой, так и к не половой любви.

В этом поведении помощи и защиты, которое есть не что иное, как отмеченный уже выше активный характер симпатического вчувствования, мы видим два основные механизма: 1) повышенную восприимчивость к чужим переживаниям и 2) повышенную реактивность на эти чужие состояния. При чем и то и другое бывает особенно повышено при наличии любви. Причины повышенной восприимчивости к чужим переживаниям нами уже выяснены. Чем же объясняется повышенная реактивность на них?

Вспомним общее направление поведения любящего по отношению к любимому объекту. Мы видим, что оно направлено не только к тому, чтобы находиться с любимым объектом в приятном контакте, но также и к тому, чтобы для большего обеспечения для себя этого контакта (приятных воздействий со стороны объекта), поддержать и самый любимый объект, содействовать его благополучию. Мы назвали это поведение доброжелательным, хотя, как видим, эта доброжелательность имеет чисто эгоистические корни. Здесь не место вдаваться в старый спор об эгоизме и альтруизме и об эгоистических корнях самого альтруизма. Мы должны констатировать, что с развитием социальных форм любви, элемент доброжелательности и поведения, направленного ко благу любимого объекта, все растет и все больше теряет свою первичную, непосредственную связь с обеспечением себе самому приятных раздражений от любимого объекта. Но в основе этой доброжелательности все же лежит эгоистическая забота об обеспечении себя самого этими приятными воздействиями любимого человека — это филогенетические корни всякого альтруизма в персональной любви.

Это объясняет нам и повышенную реактивность на состояния и переживания любимого объекта. Эта повышенная

реактивность создается совместным действием повышенной восприимчивости к состояниям объекта и доброжелательного к нему отношения и поведения. Благодаря первому мы ясно отдаем себе отчет в его состояниях, а благодаря второму реагируем на них в сторону осуществления интересов и потребностей любимого человека. При чем это переплетается и с более непосредственно действующим стремлением обеспечить себе приятный контакт с объектом. Так, когда мы испытываем страх или тревогу, видя что любимый человек в опасности, мы, благодаря повышенной восприимчивости и доброжелательности, боимся за него, но в то же время мы просто боимся и „за себя", боимся потерять его. Также и наша радость, когда объект чувствует себя хорошо, и благодарность к тому, кто делает ему добро, являются результатом и доброжелательности к объекту, и стремления обеспечить его для себя.

Интересно отметить, что поскольку любовь вызывает поведение, направленное к достижению благополучия любимого человека — это ведет как бы к обратному усилению любви. Чем больше мы сделали для любимого человека, чем больше любовь к нему взяла у нас сил — тем сильнее становится наша любовь к нему. Это общее явление нашего поведения — каждая вещь, каждое дело, в которое мы вложили свои силы, становится для нас дороже, и мы тем сильнее привязываемся к этому объекту, чем больше мы вложили в него своих сил. Наши создания, наши произведения становятся частью нас самих, наша личность как бы распространяется на те объекты, в которые вложены наши силы (Мак-Даугол). Так и в любви, и, в частности, в половой любви,— чем больше мы сделали для любимого человека, тем дороже он для нас становится. Любовь заставляет делать добро объекту, а сделанное добро обратно усиливает любовь.

Потребность в взаимности.

Одним из характерных побочных явлений в половой любви является потребность в взаимности, т.-е. потребность в ответной любви любимого человека. Эта ответная любовь приносит удовлетворение любящему, и чем сильнее ответная любовь, тем сильнее и приносимое ею удовлетворение. И, наоборот,— отсутствие ответной любви, отсутствие взаимности, приносит любящему неудовольствие и страдание. Факты эти общеизвестны. Наша задача — проанализировать природу этой потребности в взаимности, выяснить ее происхождение и степень ее врожденности или приобретенности. Это очень важно, ибо выяснение этих вопросов проливает свет на природу и происхождение собственнических элементов

любви, о которых мы будем говорить ниже, а также на явления ревности. Потребность в взаимности есть сложное явление и состоит из нескольких различных элементов, которые мы разберем каждый в отдельности.

Прежде всего в основе потребности в взаимности лежит один из компонентов полового влечения к объекту — инстинктивное и врожденное влечение нравиться. Так как это влечение направлено к тому, чтобы понравиться половому объекту и расположить его в свою пользу, то понятно, что ответное половое влечение и ответная любовь объекта, является прежде всего ни чем иным, как достижением и удовлетворением этого инстинктивного влечения нравиться. Мы знаем, что каждое достижение или удовлетворение того или иного инстинктивного влечения приносит субъективное удовлетворение, т.-е. удовольствие, и, наоборот,— каждая неудача на пути достижения инстинктивного влечения, потеря уже достигнутой позиции, приносят неудовольствие и боль. Таков механизм каждого инстинктивного влечения, а в данном случае — полового влечения нравиться. Ответное влечение и любовь объекта и воспринимаются как такое достижение или удовлетворение влечения нравиться, и как таковые приносят удовольствие. И, наоборот,— отсутствие ответного влечения и любви, в особенности когда они раньше проявлялись, а затем перестали проявляться или ослабли — воспринимается как неудовлетворение, ущемление влечения нравиться, и потому приносит боль.

Надо заметить, что первично удовлетворением влечения нравиться было ответное со стороны объекта инстинктивное влечение к приближению и прикосновению, и таковое ответное влечение и приносило удовлетворение, а его отсутствие — страдание. Но так как у человека влечение к приближению и прикосновению, и вообще инстинктивное влечение к объекту, осложнилось половой любовью и приняло форму так называемой влюбленности, — то и ответное отношение объекта, удовлетворяющее наше влечение нравиться, тоже осложнилось из простого влечения в влюбленность, при чем к влечению присоединились элементы любви.

Заметим, что удовлетворение от взаимной влюбленности, испытываемое как достижение инстинктивного влечения нравиться, переживается как простое, непосредственное удовольствие, хорошее настроение, положительный гедонический тон сознания, а не как повышенное самочувствие, стоящее в связи с положительной самооценкой, т.-е. независимо от рефлективной оценки своего „я“. Этим оно отличается от других, более сложных элементов удовлетворения от взаимности, к рассмотрению которых мы теперь и переходим. А здесь заметим еще, что разобранный нами механизм удовлетворения от взаимности является первичным и врожден-

ным, так как первичным и врожденным является лежащее в его основе инстинктивное влечение нравиться половому объекту.

Второй механизм удовлетворения от ответной любви совершенно иной. В отличие от первого он не является специфически половым, а проявляется также и в обще-социальных взаимоотношениях между людьми. В этих взаимоотношениях чужая, направленная на нас любовь тоже приносит нам удовлетворение. Механизм этого удовлетворения состоит прежде всего в том, что если нас кто любит, то это говорит нам о том, что со стороны этого человека мы можем ждать для себя лишь хорошего — это ясно из сказанного о связи любви с доброжелательностью. Гораздо важнее другой механизм удовлетворения от чужой любви. Любовь к нам другого человека показывает то, что этот любящий нас человек оценил нас, так как „значит есть за что, коли полюбил!" Даже больше,— так как любовь содержит избирающее предпочтение своего объекта, то любовь ко мне другого показывает, что меня выбрали из числа других, оказали мне предпочтение перед другими, оценили выше их. Чужая любовь есть показатель оценки нас другими, показатель мнения о нас окружающих. А этим мнением о нас окружающих, их оценкой нас самих, мы очень дорожим, всячески стараемся поднять его и часто жертвуем для этого другими сторонами нашей жизни. Джемс справедливо видит в этом необходимое условие общественной жизни и даже считает как бы социальной формой инстинкта самосохранения. Вся жизнь человека проходит в социальной среде, он всецело и во всем зависит от этой среды, и, следовательно, и от ее мнения и оценки. Поэтому он с ранних лет научается прислушиваться к этому мнению и оценке и считаться с ними.

Наша самооценка и ее аффективный тон, т.-е. наше самочувствие, теснейшим образом зависят от мнения и оценки нас окружающих. Положительная оценка нас окружающими, их хорошее о нас мнение, поднимают и нашу собственную оценку нас самих, нашу самооценку. Наоборот, отрицательная оценка нас окружающими понижает и нашу самооценку. А вместе с самооценкой повышается или понижается и ее аффективный тон — наше самочувствие. Чужая любовь ко мне, выражая положительную оценку меня данным лицом, повышает мою самооценку и самочувствие. Наоборот, чужая нелюбовь ко мне, тем более ненависть, показывая отрицательную оценку меня этим лицом, понижает и мою самооценку, и мое самочувствие. Это то повышение или понижение самочувствия, через повышение или понижение самооценки, и есть второй механизм удовлетворения от ответной любви, лежащий в основе потребности в взаимности. Как видим, — он сложнее первого, так как здесь удовлетворение

переживается не как простое, непосредственное удовольствие (как в первом механизме), а как повышение самочувствия, имеющее отношение к рефлективной (от слова рефлексия, самоанализ) оценке своего „я“ и являющееся результатом повышения самооценки.

Этот механизм удовлетворения от чужой к нам любви очень сильно действует и в половой жизни. Кроме непосредственного удовлетворения инстинктивного влечения нравиться, любовь ко мне полового объекта повышает и мою самооценку, а с нею и мое самочувствие. В этом смысле действует любовь каждого человека определенного пола, удовлетворяющего общим половым требованиям, не только того, на которого направлены наше собственное влечение и любовь. Здесь проявляется особое тщеславие, о котором мы будем говорить ниже. Но с особой, исключительной силой наша самооценка и самочувствие повышаются в том случае, когда этот любящий нас человек является объектом нашей влюбленности, т.-е. когда его любовь к нам является ответной. Механизм этого исключительного действия мы и должны здесь вскрыть. Джемс совершенно прав говоря, что мнением и оценкой лица, к которому мы питаем влечение и любовь, мы дорожим несравненно более, чем мнением и оценкой кого-либо другого. Его мнение и оценка гораздо более повышают нашу самооценку и самочувствие. Это происходит от того, что положительная оценка и хорошее о нас мнение любимого человека является более сложной формой удовлетворения и достижения инстинктивного влечения нравиться этому лицу. В более простой форме влечение нравиться удовлетворяется просто ответной влюбленностью полового объекта, оно же в более сложной форме, через общесоциальный механизм повышения самооценки, удовлетворяется и оценкой нас любимым человеком, познаваемой нами из той же его ответной любви. В последнем случае последовательность действия такова — в силу инстинктивного влечения нравиться мы придаем особо большое значение мнению о нас и оценке со стороны любимого человека, а поэтому и его ответной любви, как свидетельству его положительной оценки. Поэтому его любовь особо сильно повышает нашу самооценку, а через это дает удовлетворение (повышает самочувствие).

Ставя вопрос о происхождении и степени врожденности или приобретенности разбираемого механизма удовлетворения от чужой любви через повышение нашей самооценки, мы должны признать, что хотя он и не врожден, но эта зависимость самооценки от оценки окружающих необходимо преобретается ребенком с первых шагов его развития в социальной среде и очень крепко залегает в механизмах поведения человека.

Поскольку здесь имеется зависимость от случайной оценки отдельных людей и общественных групп — явление это с общественной точки зрения должно быть признано отрицательным. Но с ходом развития личности и общества, с развитием правильного коллективистического воспитания, эта зависимость от случайных оценок все больше изживается и сменяется зависимостью от передовой идеологии и мнения своего времени и класса.

С общественной точки зрения оценка со стороны объекта нашей влюбленности в этом смысле тоже является случайной, и зависимость от нее нашей самооценки противоречит идеалу коллективистического поведения. Однако, так как в основе этой зависимости лежит глубоко заложенное врожденное инстинктивное влечение нравиться, изжить эту зависимость будет труднее, чем какую-либо иную. И самооценка развитой коллективистической личности, освободившаяся от зависимости от каких-либо случайных, индивидуальных оценок, вероятно, долго не сможет справиться с зависимостью от оценки со стороны объекта своей влюбленности. Однако, с ростом коллективистического воспитания и эта зависимость безусловно будет падать.

Переходим к третьему механизму удовлетворения от любви полового объекта. В буржуазном обществе считается почетным и поднимающим человека в глазах окружающих, когда он влюбляет в себя лиц противоположного пола и теми или иными (честными или нечестными) средствами добивается их полового влечения и любви к себе. Это создает ему особую славу, при чем „строгая нравственность“ буржуазного общества мирится здесь с самыми отвратительными и даже преступными средствами. Отсюда возникает погоня за так называемыми половыми победами, а также особое половое дон-жуанское хвастовство. Этот способ поднять свой „общественный престиж“ и свою „общественную ценность“ специфическим образом поднимает самооценку человека и приносит ему особое удовлетворение. Создается особое дон-жуанское половое тщеславие, тщеславие половых „побед“.

Удовлетворение этого-то полового тщеславия и есть третий вид удовлетворения от любви к себе полового объекта. Разумеется, здесь не приходится говорить о какой-либо взаимности или „ответной“ любви, ибо „победитель“ сам может не испытывать никакой любви к своим жертвам. Это половое тщеславие в своей резкой, отталкивающей форме, разумеется, присуще далеко не всем, но в некоторой степени (большей или меньшей), иногда лишь в виде „душка“, окраски, оно очень часто присоединяется к нашим половым отношениям.

Оно наблюдается как среди мужчин, так и среди женщин, хотя у тех и других оно принимает различные формы

и имеет под собой различные социально экономические корни. Тщеславие половых побед у мужчин есть непосредственное следствие их экономического, правового и сексуально-бытового господства над женщинами. Это следствие властного, собственнического отношения к женщине, как к низшему подвластному существу, „созданному“ для удовлетворения мужской половой алчности.

Не малую помощь оказала здесь и проституция. Отсюда и возникло общественное мнение, ставящее мужчине в заслугу подчинение себе этих низших существ, объектов наслаждения, т.-е. половые победы над ними. Как ни странно, этого мнения придерживаются не только мужчины между собой, т.-е. друг о друге, но оно не чуждо и самим буржуазным женщинам, жертвам этих мужских побед. Воспитанная в экономическом и половом рабстве, женщина впитала в себя рабскую психологию, и вместе с другими нормами „мужской морали“ усвоила и это отношение к мужскому половому распутству. И нередко в ее глазах половые победы мужчины повышают его ценность. Разумеется, это отношение теперь уже изживается.

Как бы в ответ на мужское тщеславие половых побед и между женщинами в известных социальных слоях установился взгляд, ставящий женщине в заслугу ее половые победы над мужчинами и соответственно этим победам повышающий ее сексуально-общественную ценность. Обездоленная в других отношениях женщина, как бы в силу экономического самосохранения, пользуется своей половой силой и научается, до некоторой степени, подчинять себе мужчину в этой стороне жизни. Только в соответствии с двойной половой моралью буржуазного общества и культом женской девственности и стыдливости, половые победы женщин носят иной, более „духовный“ характер, т.-е. отчасти менее грубый, отчасти более лицемерный.

Экономические основы этих явлений половой жизни рухнули. Однако, пережитки этой стороны буржуазного быта еще сохранились и крепко засели в человеческой природе. Они не чужды и нашей пролетарской молодежи, унаследовавшей их вместе с другими элементами буржуазного полового быта. Нужно не бояться осознать это, и напрячь все силы, чтобы изжить их как можно скорее.

Собственнические осложнения половой жизни.

В нашей половой жизни, как в начальный период влюбленности, так и в последующий период длительных супружеских отношений, большую роль играют различные собственнические элементы. Являясь пережитками отошед-

шей эпохи собственнической семьи, о которой мы подробно говорили при анализе половой любви (см. выше), эти собственнические элементы являются социально-приобретенными надстройками, осложняющими механизмы нашего полового поведения. До сих пор мы умышленно обходили эту сторону половой жизни, как бы абстрагируя от нее наш анализ, и лишь в вопросе о влечении к овладеванию и подчинению нам пришлось с нею столкнуться. Так как эти пережитки собственнической семьи далеко еще не изжиты и вопрос о них очень важен с общественной точки зрения, мы должны подробнее на них остановиться и попытаться проанализировать как сами эти механизмы собственнического поведения, так и их происхождение.

В чем, с точки зрения механизмов поведения, вообще состоит собственническое отношение одного человека к другому? Человек является производительной силой. При помощи своего труда, своей физической силы и интеллекта, а также и различных увеличивающих его силу орудий, он производит новые ценности, новые жизненные блага.

Поэтому в обще-социальных взаимоотношениях между людьми каждый человек может быть для окружающих носителем и источником жизненных благ. Там, где в обществе существует экономическое, а за ним и правовое неравенство между его членами, один человек, как носитель и источник жизненных благ, как производительная сила, может стать собственностью другого человека. Труд (как процесс труда) этого человека, его производительная сила и производимые им жизненные блага, находится тогда в исключительной эксплуатации, владении, пользовании и распоряжении другого человека-собственника. В то же время человек есть активная единица, субъект, обладающий более или менее развитой волей, управляющей его поведением. В обществе, построенном на неравенстве и эксплуатации, активность, воля одного человека может быть в подчинении воле, активности другого — это есть власть одного человека над другим. Так как активность, воля человека управляет его поведением, и в том числе его производительным трудом, то понятна та тесная связь, которая существует между собственностью на производительный труд человека и властью над его волей. Власть над активностью человека гарантирует собственность на его производительный труд и обычно включает в себя это право собственности. Посягательства на нарушение этих эксплуататорских прав власти и собственности, вызывают гнев собственника, направленный или на самый подвластный объект или на третье, посягающее лицо — в зависимости от того с чьей стороны было нарушение его прав.

Такие собственнические отношения возможны без различия полов, как, например, в рабовладельческом обществе.

Но они принимают совершенно особую форму в собственничестве мужчины над женщиной, возникшем вместе с хозяйственной семьей и с потерей экономической самостоятельности женщины и продержавшемся в течение всей семейной эпохи, почти до наших дней. Но здесь самый характер собственничества приобретает совершенно новый элемент. Для одного человека другой человек противоположного пола является носителем и источником половых наслаждений, как грубо-животных, так и более утонченных, романтических, так называемых „духовных". Эти половые наслаждения, носителем и источником которых является данный человек, при известных социально-экономических и бытовых отношениях могут стать собственностью другого человека, когда этот другой человек — половой собственник — имеет исключительное право пользоваться и распоряжаться этими половыми наслаждениями, исходящими от первого. Этот особый род собственничества мы будем называть половым собственничеством, в отличие от хозяйственного собственничества, о котором говорилось выше. Что половое собственничество заключает в себе не только пользование, но и распоряжение половыми наслаждениями, носителем которых является объект собственности, видно из тех общеизвестных фактов, что на низших ступенях семьи (у дикарей) мужья отдают своих жен как бы напрокат, во временное половое пользование другим мужчинам, или за вознаграждение, или предоставляя их своим друзьям или гостям, словом, всецело распоряжаются ими как объектами половых наслаждений.

Человек и в половом отношении является активной единицей, его половая активность является частным случаем его общей активности, общей воли. От этой половой активности человека непосредственно зависит его половое поведение, которое приносит людям те половые наслаждения, носителем которых этот человек является. Понятно, что половое собственничество тесно связано с властью над половой активностью того же человека (объекта половой собственности) — при этом его половая активность, половая воля, подчиняется воле и активности собственника. Эта половая власть является гарантией половой собственности, которая из нее непосредственно вытекает, так как подчинение половой активности человека обеспечивает и пользование исходящими от него половыми наслаждениями.

Половое собственничество и половая власть мужчины над женщиной господствовали в течение долгой семейной эпохи. Они возникли в силу экономической обездоленности женщины, когда она, оттесненная от общественно-производительного труда, и потому перестав быть равноправным членом общества, не только стала подвластной собствен-

ностью мужчины как производительница жизненных благ, но стала и его половой собственностью, как носительница половых наслаждений. Вообще половое собственничество и власть над женщиной являются как бы дополнением и следствием общего хозяйственного собственничества и власти над нею.

Думаю не стоит доказывать, что эти собственнические элементы половой жизни не имеют ничего общего с врожденностью, а являются всецело социально-приобретенными во времена собственнической семьи и с тех пор передающиеся (ныне уже как пережиток) из поколения в поколение в виде бытовой традиции. Это само собой очевидно. И если мы и видим как бы некоторый прообраз полового собственничества у высших животных, именно в отношении самца-вожака к его часто многочисленным „подвластным“ самкам, — то это еще ничего не говорит о врожденности этих механизмов поведения.

Это собственническое отношение чаще всего наблюдается в полигамных семьях млекопитающих, у тюленей и других высокоразвитых животных, в особенности у обезьян. Оно проявляется в бдительной охране своих самок, в ревности или гневе собственника-самца, иногда также в тщеславии власти и стремлении разыгрывать большака-повелителя.

Формы семейной жизни животных вообще не являются чем-либо врожденным, и не нужно думать, что во врожденной нервной организации этих животных заложены такие механизмы, которые прямо или косвенно, но с врожденной необходимостью вызывают и обусловливают те или иные формы их семейного поведения, и, в частности, интересующие нас проявления их полового собственничества. Определяющий фактор форм семейного поведения высших животных следует искать в элементарных традициях, передаваемых от родителей к детям, и вообще из поколения в поколение. Нет никакого сомнения, что такие традиции вообще играют большую роль в поведении высших позвоночных (птиц и млекопитающих) и возникают они, как и все биологически полезное, в силу борьбы и подбора.

Что половое собственничество человека не врожденно видно и из того, что на заре человеческого развития, в эпоху так называемого первобытного коммунизма, его еще не было. Следовательно, оно было приобретено позднее — в эпоху собственнической семьи. Распространенный при первобытном коммунизме промискуитет, или беспорядочные половые сношения, разумеется, несовместим с каким-либо половым собственничеством.

Отношение одного человека к другому, как к известной активной, волевой единице, имеет свою эволюцию. Вначале, у животных, это просто отношение к активному объекту,

отличающемуся своей активностью от предметов мертвой природы. Человек познает чужую активность на основании знания своей собственной, как бы перенося в другого свою активную личность. И чем дальше развивалась личность человека, чем больше усложнялась ее активность, тем лучше он научался понимать чужую личность и чужую активность. Он начинает познавать и оценивать социальные взаимоотношения другого, всё более сложные социальные формы его активности и, в частности, его персональные отношения любви или нелюбви к другим людям. Там, где в обществе господствует неравенство и эксплуатация, собственничество и власть одного человека над другим развивается и усложняется вместе с описанным процессом развития признания чужой активности. Все более сложные формы активности подвластного человека подчиняются воле собственника, не исключая любви или нелюбви этого подвластного человека к другим людям, — и они становятся объектом собственности „хозяина“, которыми он распоряжается по своей воле.

Эта эволюция власти и собственничества имеет своеобразные формы в половых взаимоотношениях — в отношении одного человека к другому, как к источнику половых наслаждений и как к носителю половой активности. На низших ступенях этой эволюции человек противоположного пола рассматривается лишь как носитель самых грубых, животных половых наслаждений, как соучастник возможного совокупления, и как существо, способное проявить лишь животное половое влечение. И лишь на эти низшие формы половых наслаждений и половой активности распространяется здесь половое собственничество и власть мужчины над женщиной. Но с развитием и усложнением своей собственной половой жизни, с возникновением и развитием влюбленности, а затем и более длительной и более сложной супружеской любви — эти же развивающиеся и усложняющиеся формы половой активности приписываются и другому человеку противоположного пола, и он начинает рассматриваться как их носитель.

Вместе с этим развивается и усложняется половая власть и половое собственничество мужчины над женщиной—все более сложные, „высшие“ формы половой активности женщины и все более сложные формы приносимых этой ее активностью половых наслаждений становятся объектом власти и собственности мужчины.

На известной ступени этого развития возникает своеобразная форма половой власти и собственничества мужчины. Половая любовь женщины, более или менее усложненная другими, не половыми формами любви (частно-хозяйственной и высшей, личной), начинает рассматриваться как особое,

высшее проявление ее половой активности. И вот над этой-то любовью женщины, на известной ступени развития собственнических половых отношений, и устанавливается половая власть мужчины. Так как половая и не половая любовь приносят с собой известные виды полового и не полового удовольствия тому человеку, на которого эта любовь направлена, — удовольствия, приносимые любовью женщины, а также и сама эта любовь, рассматриваются как известные ценности и становятся предметом особого „высшего“ вида половой собственности мужчины. Это приводит к тому, что половой собственник в этом „высшем“ смысле слова, мужчина, требует от подвластной ему женщины, чтобы ее половая и не половая любовь направлялись исключительно на него — собственника.

Это становится проявлением его собственнических прав. И всякое нарушение этих прав, т.-е. обращение подвластной любви на кого-либо другого, вызывает гнев и кару. Так образовалась особая, собственническая форма потребности в любви к себе со стороны другого человека. Ее собственно нельзя назвать потребностью во взаимной, ответной любви, так как сам собственник может и не любить ту, от которой требует любовь к себе. Даже больше, — в ту темную эпоху семейного собственничества мужчины над женщиной, в которую возникли разбираемые нами собственнические половые отношения, они душили и не давали развиваться любви мужчины-собственника к подвластной ему женщине, на которую он смотрел сверху вниз, как на существо низшей породы. Это подтверждается тем, что любовь, которая не могла развиваться внутри собственнической семьи, часто пышно развивалась вне ее. Это мы видим в любви греков к их гетерам, а также во времена рыцарской романтики.

Поэтому мы имеем право сказать — собственническое отношение убило любовь. И всюду, где оно появляется, оно оказывает мертвящее действие на высшие формы человеческих взаимоотношений. В частности, это относится и к половой жизни.

Пережитки собственнических половых отношений остались и до наших дней. В наше время, с уничтожением экономического неравенства полов, рухнули и все формы половой власти и собственничества. Но в отношениях между любящими друг друга мужчиной и женщиной еще живы эти пережитки, и они набрасывают тень собственничества на разобранные нами выше формы потребности в взаимности. При этом эти элементы собственнических тенденций наблюдаются не только у мужчин, но и у женщин. В этом нужно видеть отчасти перенос половой психологии с мужчин на женщину, как бы особое половое подражание женщин, отчасти же это есть разультат того экономического самосохранения

обездоленной женщины, о котором мы будем говорить несколько ниже.

Если эти пережитки полового собственничества сохранились даже у нас, в атмосфере перестроенного трудового общества, где мы должны напрячь все силы для того, чтобы скорее изжить их, то тем более ярко проявляются они еще в длительных и часто принудительных супружеских взаимоотношениях буржуазного общества.

Ревность.

Теперь перейдем к важному вопросу о природе ревности. Явления ревности обычно сводятся к двум элементам — гневу и неудовольствию, или страданию. Они проявляются, когда человек, любовь которого мы рассчитываем получить себе, направляет свою любовь на кого-нибудь другого. В этой форме ревность проявляется и в половой жизни, будучи своеобразной надстройкой над половым влечением и любовью. Но здесь нужно различать ревность половую, непосредственно вытекающую из первичных механизмов половой жизни, и ревность собственническую, вытекающую из вышеописанных собственнических осложнений нашей половой жизни, и, следовательно, являющуюся социально-приобретенным, наносным осложнением половых отношений. Кроме того ревность проявляется и в не половых, обще-социальных отношениях людей, и даже у животных. Мы должны здесь, по возможности точнее, охарактеризовать как чисто половую ревность, так и собственническую, поскольку она проявляется в отношениях между полами. Начнем с половой ревности.

Мы видели, что ответное влечение и половая любовь любимого нами человека приносит нам удовлетворение, так как является достижением нашего инстинктивного влечения нравиться половому объекту. И, наоборот, отсутствие или прекращение этого ответного влечения и любви доставляет нам страдание, так как является неудовлетворением, ущемлением влечения нравиться, а иногда и потерей уже достигнутой позиции. Действительное или только кажущееся нам влечение, или даже лишь внимание со стороны любимого нами человека, направленное на соперника, действует на нас также „ущемляя“ наше влечение нравиться и доставляя нам страдание. Оно принимается нами как показатель уменьшения взаимности, ответной любви к нам, — как таковое оно является потерей в достижении влечения нравиться и приносит боль. В эволюции животных этот механизм проявляется начиная с той ступени нервного развития, когда влечение объекта к сопернику может быть воспринято и истолковано (понято) как понижение его ответного влечения к себе или

как угроза такого возможного, ожидаемого понижения. Это страдание от ущемленного полового влечения нравиться есть первый основной элемент половой ревности. Как таковой он не содержит никакого элемента гнева, а состоит лишь в страдании.

Вторым основным элементом половой ревности является половой гнев. Этот второй элемент присоединяется к первому. Мак-Даугол очень метко охарактеризовал всякий гнев как реакцию, возникающую в случае появления препятствия на пути осуществления какой-либо другой реакции, и направленную к устранению этого препятствия. Половой гнев есть реакция на препятствие, возникающее на пути осуществления полового влечения. Таким препятствием является соперник. В более простых случаях он является препятствием на пути влечения к приближению, к прикосновению к объекту. Возникающий в таких случаях половой гнев самца (а иногда и самки), направленный к устранению соперника, наблюдается уже на довольно низких ступенях животной эволюции, и ведет к общеизвестным боям самцов из-за обладания самкой. В более сложных случаях соперник, старающийся привлечь к себе внимание и влечение самки и, действительно, его привлекающий, является препятствием на пути достижения влечения нравиться. И здесь возникает половой гнев, направленный к устранению соперника, но, как мы видели выше, для его проявления требуется более совершенная нервная организация, позволяющая учесть грозящую потерю взаимности. Эта форма полового гнева и является вторым элементом половой ревности.

Как видим половая ревность в сущности не есть одно целое явление, а состоит из двух различных частей: 1) страдания от ущемленного влечения нравиться и 2) полового гнева, направленного на соперника, являющегося препятствием на пути осуществления (достижения) нашего полового влечения, и, в частности, влечения нравиться. Только это мы и можем назвать половой ревностью как таковой, так как эти два механизма действительно имеют под собой инстинктивную, врожденную половую почву. Для нас очень важно подчеркнуть, что обе эти реакции, составляющие так называемую чисто половую ревность, совершенно лишены каких-либо собственнических элементов. При этом также очень характерно, что здесь нет гнева, направленного на любимый объект — гнев направлен лишь на соперника, а по отношению к любимому объекту переживается лишь страдание, которое может вылиться в особую сложную реакцию упрека. Это есть характерное отличие половой ревности от ревности собственнической.

Однако потом, с возникновением в человеческом обществе собственнических отношений, чисто-половая ревность

тоже осложняется собственническими элементами. Тогда гнев начинает направляться уже не только на соперника, но и на самый половой объект, так как здесь гнев является уже не реакцией на препятствие на пути полового влечения, а реакцией на нарушение собственнических прав, — а таковым нарушителем часто является здесь уже и сам подвластный объект. Но это уже не половой гнев, а гнев собственника, а все явление — не половая, а собственническая ревность. К анализу этих явлений мы теперь и переходим.

Если что-либо препятствует проявлению прав собственника или только грозит им препятствовать, оно вызывает гнев собственника, направленный к устранению этих препятствий. Обычно таким препятствием проявлению прав собственника является другой человек, и на него-то гнев собственника и обрушивается. Но дело усложняется, когда самою собственностью является человек с его сложной волевой активностью, когда, следовательно, сама активность этого человека находится в подчинении воле владельца. Если при таких условиях нарушение или угроза нарушения собственнических прав исходит от активности самого подвластного лица, оно вызывает особую форму гнева собственника (гнева власти), обращенного уже на подвластное лицо. Разумеется и здесь гнев может одновременно обратиться и на третье лицо, нарушающее права собственника.

В этих проявлениях гнева собственника возможны два случая, соответственно двум рассмотренным нами выше формам собственничества одного человека над другим. Человек может быть собственностью другого человека как носитель общих, не половых жизненных благ, как хозяйственная производительная сила. И власть над ним будет властью над общими, неполовыми проявлениями его активности. Или же человек (в истории — женщина) может быть собственностью другого человека (мужчины) как носительница половых наслаждений, и в этом отношении власть над нею будет властью над ее половой активностью. И в том и в другом случае, при нарушении собственнических прав, проявляется гнев собственника, или, как это называют, ревность собственника. В обоих случаях гнев или ревность собственника могут быть направлены как на само подвластное лицо, так и на какое-либо третье лицо, нарушающее права власти и собственности, в зависимости от того с чьей стороны исходит нарушение собственнических прав или только угроза такого нарушения. И хотя обе эти формы собственнического гнева или ревности, как и лежащие в их основе формы собственности, в жизни тесно между собою переплетаются — мы должны уметь различать их друг от друга. Мы будем называть первую форму гневом или ревностью хозяйственного

собственника, а вторую — гневом или ревностью полового собственника.

Из сказанного ясно, что в отличие от половой ревности, имеющей корни во врожденном инстинктивном влечении, собственническая ревность, или, вернее, собственнический гнев, не имеет никаких врожденных корней и является всецело социально-приобретенным механизмом поведения. Наравне с другими собственническими проявлениями она унаследована нами от времен собственнической семьи и пережитки ее живы и поныне.

На известной ступени эволюции семьи женщина стала как бы новой формой собственности мужа. Это произошло тогда, когда в связи с накоплением собственности, передаваемой по наследству, начала цениться подлинность отцовства. Здесь женщина стала рассматриваться как новая производительная сила, рождающая „своих“ детей-наследников, а потому и как новая форма ценности и собственности. А отсюда возникла и новая форма гнева или ревности собственника, карающая за зачатие и рождение „не своего“, „чужого“ ребенка. Это еще более осложнило разбираемые нами отношения.

В эволюции половых отношений было и другое весьма важное осложнение гнева или ревности полового собственника. Мы видели, что на известном уровне развития признания чужой личности и ее персонально-направленных отношений любви или нелюбви, половое собственничество распространяется и на любовь подвластного лица, при чем это выражается в требовании, чтобы эта любовь направлялась исключительно на самого владельца. И в тех случаях, когда эта форма права полового собственника нарушается, когда подвластное лицо дарит свою любовь не собственнику, а кому-нибудь другому, — здесь-то и возникает совершенно особая „высшая“ форма гнева или ревности полового собственника, направленная на сексуально-подвластный объект и карающая его за „неверную“ любовь, или так называемую „измену чувства“.

Вместе с другими пережитками полового собственничества, остатки этой собственнической ревности, сильно засевшие в наших социально-бытовых традиции полового поведения, передаваемые из поколения в поколение, порой и поныне властно дают о себе знать. Разумеется, нужно постараться поскорее изжить их.

В жизни разобранные нами элементы собственнической ревности теснейшим образом переплетаются с ревностью половой, и часто их бывает трудно распознать друг от друга. То, что мы обычно называем ревностью есть сложное явление, состоящее, с одной стороны, из описанных выше явлений страдания от ущемленного влечения нравиться и полового

гнева на соперника, т.-е. из элементов половой ревности, с другой стороны, — описанного собственнического полового гнева (или ревности), направленного на самый любимый объект и карающего его за „неверную любовь“.

Что касается женской ревности, то элементы половой ревности, именно страдание от ущемленного влечения нравиться и половой гнев на соперницу, проявляются в ней не менее сильно, чем в ревности мужчин. Напомним, что влечение нравиться у культурной женщины сильно гипертрофировано ее экономическим прошлым (см. выше). Эти элементы половой ревности, врожденная основа которой усилена здесь названным приобретенным механизмом, безусловно преобладают в ревности женщин. Но наравне с ними порой наблюдаются и проявления собственнической ревности. Это на первый взгляд нас озадачивает. Ведь все сказанное выше о происхождении собственнической ревности относится, собственно говоря, к мужской ревности. Собственнические элементы женской ревности никак не могут быть объяснены этим, так как ведь ни о каких пережитках собственничества женщин над мужчинами речи быть не может. Здесь прежде всего играет роль подражание женщин по отношению к формам поведения мужчин, подражание не индивидуальное, а коллективное, в силу которого социально-бытовые традиции полового поведения, выработанные в среде мужчин и передающиеся у них из поколения в поколение, впоследствии были усвоены и женщинами, и из достояния одного пола стали достоянием обоих. Но кроме этого, мне кажется, собственнические элементы женской ревности имеют и свои социально-экономические корни, заключающиеся в былом положении женщины в собственнической семье, ее экономической обездоленности и засилии мужчин. Эти экономические причины женской ревности сложнее, чем причины ревности мужчины-собственника. Экономически обездоленная и бесправная женщина находилась в полной материальной зависимости от своего мужа-кормильца, добытчика жизненных средств. Не имея возможности своим трудом прокормить себя и своих детей, и обреченная с этими детьми на голод и нищету, если муж-кормилец перестанет снабжать ее жизненными средствами, женщина была вынуждена всеми силами стараться сохранить его попечение о себе и о детях. Но как? Закон и обычай ей этого не гарантировали. В ее руках оставалось только одно средство, одна сила — это сила самки.

Ив. Блох указывает, что женщина, будучи в половом отношении обычно гораздо более холодной, более сдержанной, чем мужчина, гораздо легче чем он владеет своими половыми потребностями. Мужчина же, у которого эти потребности гораздо более интенсивны и настойчивы, часто

является их рабом. Это создает известное преимущество, известную силу в руках женщины. И вот женщина, за неимением других, лучших средств, постепенно научилась использовать это свое преимущество над мужчиной, и из поколения в поколение, разумеется стихийно, несознательно, она постепенно приобрела своеобразную силу, позволяющую ей до известной степени держать в своих руках своего собственника-повелителя. Свою половую силу она противопоставила его экономической силе и эту свою своеобразную силу она, естественно, употребила на то, чтобы обеспечить себе и своим детям экономические заботы мужа. Она смогла предъявлять ему известные требования, и этими требованиями стали требования верности, правда, часто лишь оффициальной, а где можно было, то и требования его любви, как гарантии его забот и попечений. Отсюда и возникли собственнические элементы женской ревности, с ее „сценами“, плесканием серной кислоты и т. д. Так или иначе, теми или иными средствами, женщина старалась „забронировать“ за собою мужа, его верность, и этим спасти себя и своих детей от грозящей в противном случае гибели. Итак, если мужская собственническая ревность есть проявление грубого собственничества, то собственнические элементы женской ревности являются лишь проявлением экономического самосохранения. Разумеется, в наше время они являются не менее ненужными и должны быть изжиты.

Оговариваюсь, что это объяснение собственнических элементов женской ревности я не считаю безусловно достоверным. Я предлагаю его как гипотезу, которая кажется мне довольно вероятной. Напомню еще раз, что эти элементы собственничества играют в женской ревности далеко не преобладающее значение, — преобладающее значение принадлежит в ней половой ревности, усиленной гипертрофированным влечением нравиться наших культурных женщин.

VI. ПОЛОВОЙ ОБЪЕКТ.

Сложность полового объекта у человека.

Вопрос о половом объекте и о механизме его воздействия на нашу нервную систему в процессе половой жизни, является одним из интереснейших и в тоже время важных и основных вопросов в изучении механизмов полового поведения. В особенности важен этот вопрос в ряде общественных проблем. Дело в том, что механизм этого воздействия полового объекта у человека не только гораздо сложнее соответствующего механизма у животных, так сказать, не

только количественно (по своей сложности) отличается от него, но имеет от него и коренные качественные отличия. Должен оговориться, что в виду чрезвычайной сложности этого вопроса, я вовсе не думаю дать здесь его исчерпывающего анализа. Но и обойти его я совершенно не считаю возможным, во-первых, потому, что изучение этого вопроса привело меня к ряду нижеизложенных общих положений, которые мне представляются крайне важными, а затем—здесь встает перед нами и ряд других крайне важных и интересных вопросов, как проблема наготы и одежды, половой красоты, половых вкусов и т. д., связанных с вопросом о половом объекте. В этом этюде я смотрю на данную главу, лишь как на дополнительную, почему и ставлю ее в конце.

У низших животных простые внешние раздражения, исходящие от полового объекта, приводят в действие врожденный рефлекторный механизм влечения к приближению и прикосновению к объекту — источнику и носителю этих простых раздражений. Часто этим раздражением является запах — так, половозрелая бабочка-самец с далекого расстояния летит на запах, исходящий от зрелой самки. Воспринимающая, рецепторная часть (или просто — рецептор) рефлекторного механизма влечения врожденно приспособлена к приему определенного и притом простого раздражения, исходящего от объекта, в ответ на которое и проявляется реакция (влечение). Мы говорим: механизм влечения имеет врожденный рецептор на данное простое раздражение. Для такого низкостоящего организма половой объект существует лишь как простой внешний раздражитель, действующий на расстоянии, а затем как ряд не менее простых кожных и других раздражителей, рефлекторно вызывающих дальнейшие звенья полового поведения, последним и завершающим из которых является совокупление. Всюду действуют лишь простые раздражители, которые при наличии сознания могли бы переживаться в нем лишь как простые, изолированные ощущения. Здесь нужно подчеркнуть, что на какой-бы то ни было ступени развития нервной системы, не исключая и человека, только такие абсолютно-простые раздражители и могут быть врожденными возбудителями какой-либо инстинктивной реакции. Иными словами,—врожденный рефлекторный механизм какого-либо инстинкта может иметь врожденный рецептор (воспринимающий аппарат) соответствующий лишь таким абсолютно простым раздражениям. Все же более сложные возбудители, действующие как восприятия, т.-е. дополняемые воспроизведенными (из личного опыта) элементами—являются уже продуктами личного жизненного опыта, и рефлекторный механизм инстинкта, возбуждаемый ими, имеет для них не врожденные, а сложные, приобретенные рецепторы (воспринимающие аппараты). Это общее положение чрезвычайно важно

и должно быть серьезно отмечено, — из него вытекают очень важные следствия, с некоторыми из которых мы еще встретимся ниже.

У человека, как уже было сказано, возбуждение полового влечения происходит не только количественно сложнее, но и качественно иначе, чем в вышеописанном механизме низших животных. Нет таких простых раздражений, исходящих от полового объекта, которые бы, в силу врожденного приспособления, приводили в действие рефлекторный механизм полового влечения человека. Иначе говоря, механизм этого влечения не имеет какого-либо врожденного воспринимающего аппарата (рецептора) на какие-либо простые раздражения, исходящие от полового объекта. В родовом развитии от животного к человеку эти врожденные воспринимающие аппараты полового влечения были как бы утеряны, — вероятно, они были заглушены возрастающей сложностью и пластичностью работы нашего мозга. Действительно, у человека нельзя указать такого простого, врожденного возбудителя. Запах видимо потерял свое сексуально-возбуждающее действие, и хотя по исследованиям Флиса (Fleisz) „в нижней части носовой раковины человека существуют особые „половые области“, набухающие во время полового возбуждения, например во время совокупления, менструации и т. д.“ (цитирую по Ив. Блоху), все же в нашей жизни запах полового объекта уже не вызывает влечения, да этому мешает и одежда. Описанный же Флисом аппарат должен быть отнесен к числу рудиментов, когда-то бывших полезными нашим животным предкам. Так называемые высшие ощущения, т.-е. слуховые, и в особенности зрительные, будучи источником, дающим материал для высшей, наиболее сложной, интеллектуальной деятельности нашего мозга, вообще не существуют (у человека) в качестве простых, изолированных ощущений, а всегда входят в состав более сложных, не врожденных образований, как восприятия и т. п. По одному этому они не могут быть врожденными возбудителями полового влечения, и хотя зрительные восприятия и играют в половой жизни человека большую роль, но механизм их сексуально-возбуждающего действия сложен, и является не врожденным, а приобретенным. По отношению к кожным (осязательным, температурным), а также двигательным (кинетическим) ощущениям, больше оснований говорить о том, что они действуют как простые, врожденные возбудители. Но, во-первых, их значение в половом поведении выступает лишь на позднейших ступенях последнего, при уже достигнутом приближении и прикосновении к объекту, и поэтому половые возбудители ими далеко не исчерпываются; а во-вторых, и их действие у человека осложняется другими воспроизведенными или одновременно-воспринимаемыми элементами.

Поэтому возбудителем полового влечения у человека является не какой-либо простой раздражитель, а весь сложный половой объект в целом. Этот сложный половой объект, человек определенного пола, воздействует на нас или воспринимается нами, как сложная совокупность (комплекс) известных нам отношений, в которых человек стоит к нам и к другим внешним объектам, и которые в совокупности и составляют наше понятие „человек определенного пола". Это очень сложный комплекс отношений. Прежде всего это человек, т.-е. сложный объект социальной среды. Затем этот сложный комплекс социальных отношений еще более осложняется половыми отличиями. Всему этому сложному объекту, как комплексу известных нам объективных отношений, в нашем мозгу соответствует сложный комплекс нервных связей. И вот этот-то сложный объект и является возбудителем нашего полового влечения. И все, что возбуждает в нас влечение — внешний вид полового объекта, его голос, прикосновения, поцелуй, и т. д. — действуют не сами по себе, как простые ощущения, или даже как простые (например, зрительные) восприятия, а действуют как сложные восприятия, всегда лишь при основном действии сложного комплекса полового объекта. Чтобы яснее осветить механизм этого воздействия нам придется здесь отойти несколько в сторону и рассмотреть некоторые общие механизмы поведения человека по отношению к внешним объектам, и, в частности, к объектам социальной среды, т.-е. другим людям.

Каждый объект внешнего мира находится в самых разнообразных взаимоотношениях с другими объектами среды. То, что я знаю об этом объекте есть известная совокупность таких взаимоотношений, — эта совокупностьо известных мне взаимоотношений объекта есть то, чем этот бъект для меня является. Каждому такому известному мне объективному взаимоотношению объекта в моем мозгу соответствует известная нервная связь, а все мое знание об объекте, то, чем весь объект представлен в моем мозгу, есть комплекс таких нервных (мозговых) связей. И чем богаче и сложнее объект по своим известным мне объективным отношениям, чем больше мое знание об этом объекте, тем сложнее соответствующий ему в моем мозгу комплекс нервных связей. При этом мое знание о каком-либо объекте, т.-е. соответствующий этому объекту мозговой комплекс, изменяется с ходом моего опыта.

Сказанное относится и к объектам окружающей нас социальной среды, т.-е. к другим людям. Но другой человек является для меня совершенно особым объектом внешнего мира. Мы уже говорили об этом в главе о любви. Социальная среда, правда, есть часть общей, окружающей нас внешней среды, но она выделяется из нее как специфическая часть,

имеющая для нас совершенно особое значение. Уже сами эти объекты, социальной среды (люди) обладают совершенно особыми качествами, выделяющими их из числа других объектов, — они проявляют самостоятельное и притом планомерное и разумное поведение. Человек научается познавать их на основании познания самого себя, как бы перенося в них свою личность. Далее объекты социальной среды находятся между собой в совершенно особых и исключительных по своей сложности социальных взаимоотношениях. Все это ведет к тому, что соответствующий этим объектам социальной среды комплекс нервных связей в нашем мозгу, отличается не только чрезвычайной сложностью, но и качественной специфичностью. Кроме того человек с первых дней жизни развивается в социальной среде, окружающим людям, он обязан удовлетворением всех своих нужд, а также и большею частью своего жизненного опыта, приобретенного от других людей в порядке научения, подражания и т. д. В той же социальной среде и в полной от нее зависимости протекает и вся дальнейшая жизнь человека. Отсюда понятно какое большое, важное и совершенно особое место занимают эти „другие люди" в поведении человека, а соответствующие им сложнейшие мозговые комплексы в его нервно-психическом обиходе.

Наш половой объект, возбуждающий в нас половое влечение, прежде всего является для нас объектом социальной среды, „другим человеком", со всею только-что описанною сложностью и специфичностью его взаимоотношений. Но „другой человек", становясь для нас половым объектом, еще более усложняется как объект нашего познания и поведения, так как к его общесоциальным, общим человеческим признакам и отношениям присоединяются признаки и отношения, отличающие один пол от другого, а также отличающие объекты, удовлетворяющие общим половым требованиям (возраст, красота и пр.). Следовательно, в нашем мозгу к сложному комплексу нервных связей „человек вообще" присоединяются новые нервные связи, соответствующие этим половым качествам объекта, и дающие еще более сложный мозговой комплекс — „человек, подходящий как половой объект". Эти признаки и отношения, определяющие пол объекта и его соответствие общим половым требованиям, сами по себе уже очень сложны, вплоть до социальных взаимоотношений мужчин и женщин. К некоторым из них мы еще вернемся.

Когда в моем поведении или в подготовляющих его центральных мозговых процессах, т.-е. в моем мышлении, я так или иначе сталкиваюсь с данным объектом, представленным в моем мозгу сложным комплексом нервных связей, — не нужно думать, что весь этот сложный комплекс каждый раз

целиком активируется, т.-е. приходит в деятельное состояние. Обычно, самое бо̀льшее, в деятельное состояние приходит лишь небольшая его часть, имеющая непосредственное отношение к данному случаю. Даже меньше. У каждого комплекса имеется заместитель — название объекта, слово, или зрительный образ — и часто при мышлении активируется лишь этот словесный и зрительный заместитель (точнее: соответствующая ему относительно-простая нервная связь). Однако, хотя этот заместитель и является как бы эквивалентом всего мозгового комплекса, но лишь в том смысле, что он замещает все его нервные связи (т.-е. отношения объекта) в процессе моего мышления или поведения, а никак не является чем-либо самостоятельным; весь же потенциальный комплекс бывает при этом „на чеку", и лишь только в процессе мышления или поведения мы допускаем, например, какую-либо ошибку по отношению к данному объекту, т.-е. принимаем такое его отношение, которое противоречит имеющимся у нас мозговым связям, — соответствующая связь, до того потенциальная, приходит в деятельное состояние и мы осознаем и исправляем ошибку. Значит и оставаясь в потенциальном состоянии нервные связи комплекса могут регулировать поведение и подготовляющие его центральные мозговые процессы мышления.

Таким же заместителем сложного мозгового комплекса, играющим большую роль в особенности в нашем поведении по отношению к объектам социальной среды (людям), и, в частности, по отношению к половому объекту, является внешний вид объекта. Из всех полученных от объекта впечатлений зрительное восприятие его внешнего вида играет главную роль, как сигнал или показатель присутствия и состояния объекта, и как таковой показатель зрительное восприятие регулирует наше поведение по отношению к этому объекту. Но при этом зрительное восприятие внешнего вида действует не само по себе как таковое, не самостоятельно, а лишь как заместитель всего сложного мозгового комплекса, соответствующего нашим знаниям об этом объекте. Отсюда видно как сложен механизм участия зрительных восприятий в нашем поведении.

Это имеет большое значение в анализе полового поведения, именно в вопросе о механизме воздействия на нас полового объекта, вызывающего влечение.

В этом воздействии большую роль играет зрительное восприятие внешнего вида полового объекта, в особенности некоторых частей его тела. Но теперь нам понятен механизм этого воздействия. Зрительный образ объекта есть лишь сигнал присутствия реального объекта и заместитель всего нашего знания о нем, т.-е. соответствующего ему сложного мозгового комплекса. Воздействуя на нас и вызывая наше

влечение зрительное восприятие внешнего вида объекта действует не само по себе, как простое восприятие, а лишь как такой сигнал-заместитель сложного комплекса. И хотя весь комплекс при этом не активируется, но он „на чеку", и в нормальной половой жизни тот зрительный сигнал-заместитель имеет возбуждающую силу, объект которого соответствует всему сложному комплексу. Мы не думаем о всех сложных социальных взаимоотношениях полового объекта, но они как бы предполагаются при его зрительном восприятии. Нормально труп или картина не могут дать полного полового удовлетворения, а если и дают его, то лишь благодаря болезненной фантазии, заменяющей реальные отношения. В патологических же случаях фетишизма сигнал-заместитель бывает оторван от своего сложного комплекса.

Такой механизм воздействия полового объекта представляется мне наиболее вероятным. Я, разумеется, вполне понимаю всю расплывчатость изложенных неврологических концепций (мозговой комплекс нервных связей), но думаю, что при современном состоянии наших неврологических познаний, вряд ли можно добиться здесь большей точности. Все же для тех общественных проблем, настойчиво выдвигаемых жизнью, и требующих выяснения вопроса о механизме воздействия полового объекта, и такая „расплывчатая" с неврологической точки зрения концепция, сможет быть полезной. Сперва общее понимание, потом проработка деталей.

И у высших животных мы должны предположить существование подобных комплексов, соответствующих объектам внешней среды, и в особенности сочленам своего вида. Но здесь эти комплексы, разумеется, несравненно проще. И половой объект у этих высших животных является таким более или менее сложным образованием (комплексом). Но в отличие от человека здесь возможны случаи, когда наравне с этим еще не утерян врожденный воспринимающий аппарат (рецептор) механизма влечения на простое раздражение, исходящее от объекта, например, на его запах. Следовательно, в эволюции половых возбудителей от низших животных к человеку мы имеем такой ряд. У низших животных с чисто-инстинктивным поведением половое влечение исключительно вызывается простым и врожденным возбудителем (часто запахом), исходящим от объекта — сложного полового объекта (комплекса) для них, собственно, не существует. У высших животных с развитой нервной системой уже существует более или менее сложный мозговой комплекс, соответствующий половому объекту, но влечение все еще вызывается простым и врожденным возбудителем. При этом этот простой и врожденный возбудитель, например, запах,

действует и вызывает влечение совершенно самостоятельно, независимо от сложного комплекса, который может только дополнить основное действие врожденного возбудителя. У человека же этот простой и врожденный возбудитель утрачен. Зато мозговой комплекс, соответствующий объекту, непомерно разросся и усложнился и влечение вызывается уже всем этим комплексом. Поэтому мы и говорим, что механизм воздействия объекта стал качественно-иным. И хотя на первый взгляд влечение человека вызывается внешним видом объекта, т.-е. простым возбудителем, мы видели, что зрительное восприятие этого внешнего вида является здесь уже не самостоятельным возбудителем, а лишь заместителем), сигнализирующим о реальной наличности объекта, и замещающим соответствующий ему сложный комплекс, лежащий в основе всего возбуждающего действия.

И если половое влечение человека возбуждается всем сложным комплексом, то и направлено это влечение тоже на весь сложный половой объект. И все проявления влечения, его достижения, и вообще все поведение, вызванное и обусловленное влечением, имеет отношение ко всему половому объекту, во всей его сложной совокупности, а, следовательно, и ко всему соответствующему ему сложному мозговому комплексу.

В вопросе о сексуально-возбуждающем действии объекта у человека есть более сложные случаи, которые должны быть рассмотрены особо. Некоторые качества объекта оказывают на нас особо-сильное сексуально-возбуждающее действие. Таковы прежде всего — нагота, телесная красота, здоровый, цветущий вид, сюда же относятся также особые формы поведения объекта, как, например, кокетство, наконец, целый ряд внутренних качеств, как смелость, ловкость, сила мужчин, а с другой стороны, — нежность, стыдливость, женственность женщин. На первый взгляд кажется, что такие качества, как нагота или красота тела действуют возбуждающе сами по себе, как простые восприятия и как врожденные возбудители. Но это не так. И они также, равно как и все другие перечисленные качества, действуют не сами по себе, а лишь при сложном половом объекте, правда, усиливая его действие. Этим новым качествам объекта подчас самим по себе очень сложным, соответствуют новые мозговые связи, или новые группы таких связей. Эти новые качества объекта и соответствующие им новые мозговые связи, действуют как добавочные факторы, усиливающие основное действие всего сложного объекта, или, что то же самое, соответствующего ему основного мозгового комплекса.

Нагота и одежда.

Теперь разберем усиливающее действие некоторых качеств полового объекта на конкретном материале, и прежде всего остановимся на проблеме наготы и одежды, имеющей вообще большой теоретический интерес, и очень важной практически. Зрительное восприятие обнаженного тела полового объекта хотя и оказывает в нашем быту сильное сексуально-возбуждающее действие, все же оно не является врожденным возбудителем полового влечения. Кроме всех приведенных выше соображений о сигнализирующей роли внешности при сложном комплексе, это видно уже и из того, что привычное обнажение некоторых частей тела, легализированное обычаем, не имеет никакого сексуально-возбуждающего действия. При этом у различных народов привычно-обнаженными бывают разные части тела, и те из них, которые по этой причине не действует возбуждающе у одного народа, у другого, где эти же части тела обычно прикрываются, они, будучи обнаженными, оказывают сильное возбуждающее действие. Так, сексуально не возбуждает постоянно-обнаженное лицо у европейцев, но то же обнаженное женское лицо возбуждает у магометан, где оно обычно бывает закрыто. Зато у тех же народов востока не возбуждают постоянно обнаженные ноги и грудь. Наконец, у многих дикарей не возбуждает совершенно голое тело, до половых частей включительно. Даже больше, — у некоторых дикарей сексуально-возбуждает непривычное ношение одежды, прикрывающее привычную наготу, возбуждает даже непривычное прикрывание половых частей. Так, у дикарей салира прикрывание половых частей является соблазнительной приманкой, и с этой целью одеваются только проститутки (по Мюллер-Лиэру). Значит, первично нагота не была возбуждающей, и это свойство приобретено ею в процессе развития социально-экономических отношений людей, когда женское тело стало частной собственностью мужчины, стало скрываться от „досужих глаз", и ставши непривычным, стало возбуждающим. В наше время сексуально-возбуждающее действие наготы является сложным продуктом воспитания и общественно-бытовых традиций. Мы сейчас увидим, что дело здесь не ограничивается одною лишь непривычностью наготы, а что оно гораздо сложнее. Действие наготы в общем сводится к тому же замещающему сигнализированию сложного объекта, как и действие всякой внешности но механизм этого сигнализирования здесь гораздо более сложен и приводит к значительному усилению основного возбуждающего действия всего объекта.

Наше воспитание построено так, что ребенку с малых лет внушается стыд перед наготой, внушается отношение к своей и чужой наготе, как к чему то неприличному, дурному, постыдному, позорному. Ребенку непонятно, почему в наготе есть что-то дурное и неприличное, да и само понятие „неприличного“ непонятно ему, — это возбуждает его любопытство и будит его исследовательскую мысль. А так как от взрослых он исчерпывающего и удовлетворяющего его ответа не получает, то он начинает строить на этот предмет свои собственные „теории“, на манер тех, которые были описаны Фрейдом. При этом неприличное, связанное с наготой, облекается в представлении ребенка в какую-то непонятную, таинственную оболочку и превращается в особый, сложный, эмоционально-окрашенный комплекс мозговых связей. Это еще более усиливается тем, что внушения о неприличности наготы часто делаются особым тоном, с двусмысленными улыбками и таинственностью — все это еще более провоцирует любопытство ребенка. При этом важно, что внушаемый стыд перед наготой как бы концентрируется на половых органах, по отношению к которым, а также ко всем прилежащим частям тела, внушается особосильный стыд и отношение к их обнаженности, как к чему-то особо-неприличному и дурному. Не менее важно и то, что при нашем подчеркнутом двуполом воспитании, всячески раздувающем, подчеркивающем различие между мальчиками и девочками, стыду перед наготой и отношению к ней как к чему то дурному и неприличному, с самого начала придается определенная направленность на противоположный пол. Ребенку внушают: „стыдно быть раздетой при мужчинах — ты девочка! и или обратно. При этом форма этих внушений, подчеркивающих проблему пола, совершенно не считается с тем отрицательным сексуально-педагогическим действием, которое эти внушения оказывают на развивающегося ребенка. А вместе с тем этот явно-половой характер стыда перед наготой и столь же явно-половой характер неприличности этой наготы, в особенности по отношению к половым частям тела, разумеется, не проходят даром для ребенка и дают обильный материал для его половых догадок и размышлений. Тем более, что от взрослых он соответствующих разъяснений не получает. Таким образом, по отношению к наготе и ее неприличности, как своей, так и чужой, рано складывается определенно-половое отношение. Нагота становится чем-то сексуально-неприличным, и как таковая — сексуально-возбуждающей. С этим приобретенным внушенным отношением к наготе ребенок и вступает в половую жизнь взрослого.

Из этого отношения к наготе, между прочим возникает и то стремление ребенка к подглядыванию и ощупыванию

чужого тела, в особенности его интимных, половых частей, в котором Фрейд ошибочно видит самостоятельное частичное половое влечение. Оно создается совместным действием общего естественного любопытства ребенка, и только-что описанного неестественного, внушенного отношения к наготе.

У взрослого имеется половое влечение, направленное на сложный объект определенного пола, которому в его мозгу соответствует сложный комплекс нервных связей. Непривычная нагота, воспринимаемая при этом сложном половом объекте, и в силу воспитания имеющая сексуально-неприличный характер, действует сексуально-возбуждающе не сама по себе, как простое зрительное восприятие известных форм, не как самостоятельный возбудитель влечения, а лишь как элемент сексуально-неприличного, присоединяющийся к сложному половому объекту, и усиливающий его основное, и без того сексуально-возбуждающее действие. Иначе говоря, действует не сама нагота, как таковая, как самостоятельное зрительное восприятие, а нагота сложного полового объекта. К основному сексуально-возбуждающему мозговому комплексу присоединяется новая сложная группа нервных связей, соответствующая нашему сложому отношению к сексуально-неприличному, и усиливающая основное действие комплекса.

Понятно, что обнажение тех частей тела, как, например, лица у европейцев, на которые в воспитании ребенка не распространяется запрет неприличности, не усиливает возбуждающего действие объекта, так как не содержит в себе привоспитанного элемента сексуально-неприличного. И, наоборот, то же обнажение женского лица у магометан действует сексуально-возбуждающе, так как в их воспитании оно становится сексуально-неприличным. Зато, и по той же причине, у них, в отличие от салонных европейцев, не возбуждает обнажение ног.

Мы видим, что стыд перед неприличной наготой концентрируется на половых органах и на прилежащих частях тела. Поэтому и сексуально-возбуждающее действие наготы усиливается с приближением обнажения к этим частям тела.

Механизм сексуально-возбуждающего действия наготы очень сложен. Здесь играет роль не только сама нагота, действующая при сложном половом объекте, но и целый ряд других, еще более осложняющих факторов. Так, например, играет роль обстановка, в которой действует нагота, да и вообще вся совокупность окружающих условий. Возбуждающее действие наготы усиливается интимностью обстановки, уединением, отсутствием свидетелей, известными социальными взаимоотношениями между соучастниками, и пр. Это показывает как сложен мозговой комплекс, возбуждающий в нас половое влечение.

В этом отношении характерно описанное Ив. Блохом сексуально-возбуждающее действие полуодетого состояния полового объекта, а также самого процесса его раздевания. При этом обнажение самого тела может не превышать привычных, „принятых“ границ, и лишь обнаруживаются непривычные и запретные („непринятые“, „неприличные“) интимные части туалета. И не смотря на это такое состояние полового объекта действует сексуально-возбуждающе, и порой не в меньшей степени, чем обнажение самого его тела. Механизм этого возбуждающего действия очень сложен. Основное возбуждающее действие, как и всегда, принадлежит сложному половому объекту, полуодетость которого является добавочным возбуждающим фактором, усиливающим основное действие всего объекта. Но сам этот добавочный фактор очень сложен и по своему действию, и по своему происхождению. Воспитание и жизненный опыт человека, развившегося в условиях социальной среды, выработали в его нервной системе отношение к раздеванию и к полуодетому состоянию каждого человека, как к известному этапу на пути к обнажению его тела. Если же при этом речь идет о полуодетости полового объекта, то она есть этап к его обнажению, т.-е. нечто сексуально-неприличное и интимное, а потому и возбуждающее. Часто это возбуждающее действие полуодетости усиливается действием соответствующих половому сближению окружающих условий. Кроме этого полуодетость объекта воспринимается как известное достижении на пути полового сближения с ним, т.-е. как известное достижение инстинктивного влечения к объекту, а это, как мы знаем, обратным действием усиливает само влечение, или вызывает его, если его до того не было. Так как здесь действие самого обнаженного тела исключено, а о какой-либо врожденности возбуждающего действия „неприличных“ частей туалета, разумеется, не может быть и речи — то это явление ясно показывает приобретенный характер возбуждающего действия зрительных восприятий объекта, при чем мы видели, что приобретенный механизм этого действия очень сложен и коренится в социальных условиях жизни людей.

В наши дни жизнь выдвинула лозунг: „долой стыд перед наготой!“ Формы, которые приняло проведение этого лозунга несколько неправильны, ибо поскольку в обществе сильны еще бытовые традиции половой неприличности наготы, впитанные каждым человеком с ранних лет, хождение по улицам голых взрослых людей может вместо поставленной цели приучения к наготе, оказать обратное возбуждающее действие. Но главное средство здесь — это приучение ребенка к наготе и воспитании в нем естественного, здорового отношения к наготе. И так как возбуждающее действиенаготы не может быть полностью сведено к ее непривычности, а, как

мы видели, имеет более сложные корни в половом воспитании ребенка — нужно не только приучать ребенка к наготе, но соответствующими педагогическими приемами вырабатывать в нем отношение к своей и чужой наготе как к простому и нормальному явлению, не заключающему в себе ничего дурного и неприличного. Нужно всячески стараться не наводить ребенка на мысль о каком-либо отношении наготы, и, в частности, наготы половых частей, к проблеме пола. „Долой стыд перед наготой!“ — должно стать одним из очередных лозунгов современной научной педагогики.

Другие усилители возбуждающего действия объекта.

Кроме наготы есть и еще ряд других добавочных факторов, усиливающих основное сексуально-возбуждающее действие сложного полового объекта.

Очень много разговоров идет о возбуждающем действии непривычного. Это действительно один из важных, и в то же время трудных, вопросов в изучении механизмов полового поведения. Как мы уже говорили, у дикарей возбуждает непривычная одежда и украшения, в частности, непривычные украшения половых частей, в нашем быту так же возбуждают непривычные украшения и формы одежды. Далее, и это особенно важно, возбуждают непривычные, новые лица, новые половые объекты.

Обычно этим возбуждающим действием непривычного объясняют пресловутую потребность мужчин в разнообразии половых объектов. Об этом явлении мы уже говорили (см. главу „Половая любовь“) и выяснили, что эта потребность в разнообразии является результатом полового воспитания и половой распущенности мужчин, которые, в свою очередь, имеют глубокие социально-экономические корни. Однако, возбуждающее действие непривычного, как добавочный фактор, усиливающий основное действие объекта, может быть констатировано и независимо от этого, хотя я склонен думать, что это возбуждающее действие непривычного вообще преувеличивается. В чем же состоит механизм этого возбуждающего действия? Прежде всего непривычное привлекает к себе внимание и делает для нас объект более интересным в общем, не половом смысле этого слова. Но раз внимание обращено на объект, последний, будучи в основе половым объектом, легче возбуждает влечение, чем если внимание на него не обращено. Мы знаем сколь многими способами пользуются животные и люди, чтобы прежде всего обратить на себя внимание объекта противоположного пола. Внимание, обращенное на объект по не половым

причинам, легче находить в объекте и сексуально-привлекательные качества, и таким образом общий не половой интерес непривычного объекта переходит в половой интерес, т.-е. объект сначала интересный в общем не половом отношении, становится интересней (привлекательней) и в половом отношении. Этот механизм действия непривычного, как привлекающего наше внимание, комбинируется с действием других возбуждающих качеств — наготы, красоты, интимности обстановки и пр. Сосредоточивая внимание на объекте, непривычность тем самым усиливает действие этих возбуждающих качеств. У дикарей непривычные украшения половых органов привлекают к ним внимание и этим придают объекту более половой характер.

Возможен и другой, более сложный механизм возбуждающего действия непривычного, имеющий уже социальный характер. В обществе существуют традиции, накладывающие запрет на половое сближение, идущее дальше известного установленного предела. Непривычное поведение и украшение полового объекта как бы нарушают эти сдерживающие традиции и этим способствуют половому сближению, а, следовательно, повышают и половую привлекательность объекта.

Теперь перейдем к анализу сексуально-возбуждающего действия красоты. Возбуждающе действует красота лица и фигура тела, одежда, украшение, также проявление музыкального и других искусств, когда носителем этих искусств является половой объект. Прежде всего отметим, что сама красота есть нечто условное, изменяющееся — различное как в разные времена, т.-е. и изменяющееся исторически, так различное и в разных местностях, у различных народов и расс, т.-е. то, что в одни времена и одним народам казалось красивым, в другие времена и другим народам красивым не казалось, и наоборот. И это относится не только к одежде и проявлениям человеческого искусства, но и к формам лица и тела. Идеал женской красоты негров с одутловатыми губами, выступающими скулами и кольцом в носу, так называемая „негритянская Венера“, кажется нам и эстетически и сексуально отвратительным. Не более удовлетворяет негров наш идеал „худощавой, тонкогубой“ женщины с „вдавленными скулами“ (об окраске кожи разговор особый). „Льву красива львица, а медведю медведица“. Следовательно, эстетические вкусы изменчивы, и в частности, это относится к сексуально-эстетическим вкусам, т.-е. к красоте, поскольку она действует сексуально-возбуждающе. Однако, по отношению к красоте лица и тела мы должны признать, что за ее условностью и изменчивостью кроется известное относительное постоянство и фиксированность эстетических вкусов — вкусы эти изменяются лишь в изве-

стных пределах, положенных рассой. Для данной человеческой рассы красота лица и тела более или менее постоянна. Формы лица и тела, удовлетворяющие эстетическим вкусам, находятся в пределах типа данной расы, и резкие отклонения от этого типа в сторону других рас обычно действует эстетически-отталкивающе. Однако, в этом нет ничего врожденного — эстетические вкусы, какие бы то ни было, за исключением, может-быть, самых общих и элементарных, всегда являются приобретенными. Индивидуальный опыт человека, развивающегося в социальной среде, вырабатывает в его нервной системе в качестве сигнала сложного социального объекта „другой человек“, прежде всего внешний вид представителя именно его расы, вернее говоря — той расы, в которой он вырос и развился. Внешний вид той расы, среди которой данный человек вырос, для него и привычен, и первичен в его жизненном опыте, с ним он гораздо теснее связан своим опытом, чем с типами других рас — у человека вырабатывается такое отношение, что этот расовый тип внешности „свой“, а те „чужие“. Ограниченные подобным образом расовым типом, так сказать, в пределах своего расового типа, эстетические вкусы передаются по традиции из поколения в поколение и, следовательно, приобретаются индивидом, развивающимся в данной социальной среде.

Здесь перед нами стоит вопрос о механизме сексуально возбуждающего действия красоты при наличии уже существующих вкусов. Механизм этот сводится к тому, что красота прежде всего делает объект более привлекательным в общем, не половом смысле этого слова. Эта общая, не половая привлекательность красивого лица и фигуры тела сама по себе лишена какого-либо полового характера, и одинаково действует на лиц как своего, так и противоположного пола. И лишь в тех случаях, когда эта, обусловленная красотою лица и тела, общая привлекательность присуща половому объекту, она сама становится половой красотой. Красота „просто“ становится половой красотой, а соответствующие эстетические вкусы становятся сексуально-эстетическими. В основе сексуально-возбуждающего действия лежит тогда сложный половой объект, который как таковой и является сексуально-привлекательным. Эта половая привлекательность обусловлена общими половыми качествами сложного объекта. Красота же объекта, т.-е. его общая, не половая привлекательность, присоединяясь к его половой привлекательности, усиливает ее и сама как бы принимает половую окраску. И красота, значит, действует сексуально-возбуждающе не самостоятельно, а лишь как добавочный фактор, усиливающий основное действие сложного объекта.

Сексуально - возбуждающее действие часто оказывает также з д о р о в ы й, ц в е т у щ и й в и д полового объекта.

Механизм этого действия в основе подобен действию красоты. Как и красота, цветущий здоровый вид действует не сам по себе, как простое зрительное восприятие, не самостоятельно, а лишь как дополнительный, усиливающий фактор при основном действии сложного полового объекта. В его действии также нет ничего врожденного. В жизненном опыте индивида, развивающегося в социальной среде, здоровый и цветущий вид окружающих его людей закрепляется в мозгу этого индивида как сигнал или показатель действительного, объективного здоровья и цветущего состояния этих людей. При известной примитивности характера взаимоотношений между людьми, здоровье того или иного человека повышает его социальную ценность в глазах окружающих его людей. На такой ступени человеческих взаимоотношений здоровый и цветущий вид человека, как признак его действительного здоровья, делает его в глазах окружающих более привлекательным в обще-социальном (а не половом) смысле. Если же здоровый и цветущий вид присущ половому объекту, то усиление его общей, не половой привлекательности, присоединяясь к основному сексуально- возбуждающему действию этого сложного объекта, повышает и его половую привлекательность. Мы видим здесь яркий пример того, что половая жизнь человека, сравнительно с его общесоциальными взаимоотношениями, содержит явно атавистические (возврат к предкам) элементы. Здесь, как и при красоте, мы имеем сложные добавочные нервные связи, усиливающие основное действие сложного мозгового комплекса, соответствующего половому объекту.

К описанному общему механизму возбуждающего действия здоровых и цветущих форм иногда может присоединиться влияние местных традиций, придающих этим формам еще большую как общесоциальную, так, в частности, и половую ценность и привлекательность.

* * *

Разобранные нами уже выше приемы кокетства, вызывающие в партнере половое возбуждение и влечение, также действуют не как самостоятельные зрительные восприятия, а лишь как добавочные факторы, усиливающие основное действие сложного полового объекта.

Как мы видели, приемы кокетства сводятся, с одной стороны, к выражению собственного полового, возбуждения, и как таковые, в силу симпатического подражания или сопереживания, они вызывают такое же возбуждение в партнере. Но такое действие предполагает уже выработанное жизненным опытом отношение к сложным объектам социальной среды (другим людям), внешний вид которых является их сигнализирующим заместителем. А для полового возбу-

ждения необходимо еще, чтобы этот обще-социальный объект, „человек“, был осложнен и половыми различиями. Поэтому ясно, что воспринимаемое здесь кокетство партнера, выражающее его половое возбуждение, действует не само по себе, как зрительное или слуховое (голос, смех) восприятие, а лишь при сложном половом объекте, усиливая его основное возбуждающее действие.

То же относится и ко второй категории приемов кокетства, сводящихся к выражению своего расположения к половому сближению с данным лицом. Это воспринимается как достижение полового влечения, и как таковое достижение усиливает само влечение и возбуждение. Ясно, что и здесь в основе лежит действие всего сложного полового объекта, отношение к которому как к таковому выработано личным жизненным опытом. Воспринимаемое же кокетство, выражающее расположение этого сложного объекта, действует лишь как добавочный, усиливающий фактор.

Таким образом, мы всюду видим один и тот же механизм возбуждающего действия. В основе этого действия лежит сложный половой объект (он же объект социальной среды), действующий всей сложной совокупностью своих качеств и отношений. Все же остальное, как, например, восприятия различных возбуждающих качеств объекта, действует не самостоятельно, а лишь при сложном объекте, в качестве добавочного фактора, усиливающего его основное действие. В следующей и последней главе мы еще встретимся с целым рядом примеров того же механизма действия.

Половые вкусы.

У каждой группы животных или людей есть свои половые вкусы, требующие в половом объекте соответствующих внешних или внутренних качеств. При этом у каждого пола бывают свои половые вкусы. Присутствие в объекте качеств, удовлетворяющих половым вкусам партнера, делают этот объект в глазах партнера сексуально более привлекательным, а потому и более сексуально-возбуждающим.

Дело в том, что, как мы видели, одним из основных проявлений полового поведения является инстинктивное влечение нравиться половому партнеру, в силу которого индивидуум старается выставить себя перед этим партнером в наиболее привлекательном виде. Но ведь „привлекатеьным“ с точки зрения этого партнера. А что одному из партнеров кажется сексуально-привлекательным в другом? — Именно то, что удовлетворяет его половым вкусам. Поэтому проблема половых вкусов тесно соприкасается с проблемой влечения нравиться. С другой стороны, она тесно соприкасается

с проблемой полового объекта, почему мы и ставим ее в этой главе.

Мы остановимся на общих половых вкусах человека, присущих более или менее всем человеческим группам, и обратим главное внимание на различия вкусов мужчин и женщин. Прежде всего намечается разделение половых вкусов на две категории: утилитарных и эстетических. Об эстетических половых вкусах, в силу которых предпочитается яркость и красота в области зрительных, слуховых и др. впечатлений, получаемых от полового объекта, мы здесь останавливаться не будем. Отчасти мы говорили о них уже в других местах. К утилитарным же вкусам относится половое предпочтение, оказываемое женщинами силе, ловкости, смелости, умственной одаренности мужчин, а, с другой стороны, половое предпочтение, оказываемое мужчинами нежности, стыдливости и вообще так называемой женственности. Противоположные качества в половом объекте часто действуют в половом отношении отталкивающе. Здесь женщине нравятся в мужчине те качества, которые ей в особенности как матери, а также и ее детям, нужны в нем как в защитнике и добытчике жизненных средств. С другой стороны, мужчине нравятся в женщине нежность, стыдливость, неопытность, женственность, и вообще те качества, которые нужны ему в ней как в покорной рабыне и матери его детей. В этом смысле мы и называем эти вкусы утилитарными. Но мы тут же оговариваемся, что при этом вовсе не обязателен какой-либо сознательный расчет в каждом отдельном случае — утилитарные половые вкусы и диктуемый ими выбор объясняются существующими социально-бытовыми традициями, происхождение которых мы выясним ниже.

Качества объекта, отвечающие половым вкусам партнера, действуют как усилители основного сексуально-возбуждающего действия сложного полового объекта. О том, что эстетические преимущества объекта действуют не самостоятельно, а лишь как усилители основного действия объекта — мы уже говорили выше. Что же касается перечисленных сложных внутренних качеств объекта, отвечающих утилитарным вкусам партнера, то вполне понятно, что они тоже действуют не сами по себе, а лишь при сложном объекте, как добавочные усилители. Изолированное действие этих качеств, например, смелости или стыдливости, нельзя было бы себе и представить — здесь само собою предполагается объект, носитель этих качеств. Ниже мы увидим, что сложное действие этих качеств объекта не может быть врожденным, а является социально приобретенным.

Проблема половых вкусов имеет большое практическое общественное и педагогическое значение, а потому и боль-

шой научный интерес. В особенности это относится к происхождению этих вкусов.

Как мы видели, половые вкусы, а следовательно, и соответствующие им проявления влечения нравиться, у мужчин и у женщин значительно различны. Есть указания на то (Форель), что вкусы женщин как бы выше в социальном отношении, чем вкусы мужчин. Вкусы женщин более направлены на внутренние качества мужчины, на его смелость, мужество, интеллектуальные и вообще так называемые духовные качества, на его социальное положение, известность, славу и пр. Вкусы же мужчин более направлены на внешние качества женщин, на красоту их лица, тела, голос и пр. Наоборот, физическая красота мужчины для женщин играет гораздо меньшую роль. Отсюда следует и другой важный вывод — половые вкусы женщин более утилитарны, в половых же вкусах мужчин относительно больше эстетических требований. В этом нельзя не видеть продукта нашего социально-экономического прошлого, выработавшего в женщине „утилитарное" отношение к мужчине, как к защитнику и добытчику жизненных средств, а у мужчин выработавшего „эстетическое" отношение к женщине, как к изящной игрушке и орудию забавы и наслаждений. Тем более, что такое распределение половых вкусов есть принадлежность и приобретение культурного, собственнического полового быта. У животных и даже еще у дикарей эстетические половые требования предъявляются преимущественно женщинами мужчинам и самками самцам.

Нужно отметить, что половые вкусы человека прогрессируют вместе с развитием общего культурного уровня и общих социальных взаимоотношений людей. Эта эволюция половых вкусов идет в том направлении, что вместо телесных качеств все большее значение придается внутреним качествам, например, интеллектуальным, и вообще сексуально-нравящиеся качества становятся все выше с точки зрения обще-социальных взаимоотношений между людьми. Это находится в связи с описанной нами выше эволюцией форм любви от чисто-половой к личной. Однако, надо сказать, что половые вкусы и требования часто отстают от вкусов и требований, господствующих в обще-социальных взаимоотношениях данного уровня общественно-культурного развития. В этом отношении половые вкусы, как и некоторые другие проявления половой жизни, представляют собой как бы социальный атавизм, т.-е. возвращение к прежним, низшим формам общественных взаимоотношений. Соответственно этому и поведение, направленное к тому, чтобы сексуально-понравиться, отвечает этим пониженным, атавистическим вкусам партнера. Чтобы иллюстрировать сказанное напомним хотя бы половое действие на женщин мужской

физической силы, ловкости, настойчивости, смелости—качеств, которые за пределами половой жизни в наших обще-социальных взаимоотношениях так уже не ценятся, т.-е. современный культурный уровень их уже перерос. Даже больше,— в иных случаях одно и то же проявление этих качеств в обще-социальных взаимоотношениях может оказать даже неблагоприятное, отталкивающее действие, в половой же жизни то же проявление может показаться привлекательным. Эти социально-атавистические проявления половой жизни говорят о том, что наша половая жизнь, в основе которой лежат древние инстинктивные механизмы, унаследованные человеком от животных предков, вообще является вклиниванием в нашу жизнь низших и более отсталых форм поведения и социальных взаимоотношений.

Теперь перейдем к самой важной и трудной части проблемы половых вкусов — к вопросу о их происхождении и о степени их врожденности или приобретенности. Вопрос этот имеет большое практическое общественное значение.

Здесь возможны два взгляда. Или половые вкусы врожденны, т.-е. в нервной системе представителей данного пола заложены врожденные механизмы, благодаря которым половое влечение к объкту и, в частности, влечение к приближению и прикосновению к нему приводится в действие восприятием данных качеств полового объекта. В таком случае эти врожденные вкусы и соответствующие им нервные механизмы очень древнего животного происхождения, и выработаны естественным подбором как биологические приспособления, полезные в борьбе за существование. Но есть и другой взгляд, который я считаю единственно-правильным, согласно которому половые вкусы и соответствующие им нервные механизмы не врожденны, а приобретаются каждым человеком в течении его жизни, благодаря его жизненному опыту и, главным образом, благодаря воспитанию и вообще так называемой „социальной наследственности“ (не смешивать с наследственностью биологической, физиологической), т.-е. тому, что развивающийся индивидуум приобрел от окружающей его социальной среды. В таком случае эти половые вкусы относительно недавнего „человеческого“ происхождения и обязаны своим возникновением и существованием существующему или существовавшему социально-экономическому строю и, в частности, его семейно-бытовым проявлениям. Эти вкусы передаются из поколения в поколение в виде известных социально-бытовых традиций и приобретаются индивидом, развивающимся в данной социальной среде, и формирующимся благодаря получаемой им от этой среды социальной наследственности.

В этом спорном вопросе мы должны подойти к каждому половому вкусу в отдельности, так как, разумеется, по отно-

шению к различным из них возможны и различные ответы,— одни из них могут оказаться врожденными, другие приобретенными. Разрешение этого вопроса имеет то важное практическое значение, что по отношению к социально-приобретенным половым вкусам, как и вообще по отношению к приобретенным механизмам поведения, гораздо легче применимы всякие меры социально-педагогического воздействия, ставящего целью изменение или даже, полнее, искоренение нежелательных явлений. По отношению же к биологически-врожденным механизмам поведения это, в лучшем случае, гораздо труднее, а то и просто совершенно невозможно.

Начнем с мужских требований стыдливости и женственности. Они безусловно являются социально-приобретенными и произошли в силу собственнических семейно-хозяйственных отношений. Мюллер-Лиэр показывает, что первоначально половая стыдливость женщин не ценилась мужчинами, а стала цениться лишь впоследствии, как гарантия собственнических прав мужа. То же нужно сказать и о пресловутой „вечной“ женственности. Ее привлекательность далеко не „вечна“ и возникла в ту беспросветную эпоху, когда экономически обездоленная и безправная женщина рассматривалась как средство забавы, нарядная игрушка и будуарное украшение собственника-мужа. Поскольку эта женственность включала невежество, неопытность и покорность женщин,— постольку она гарантировала мужчинам господство над этими женщинами. Так было в отошедшую эпоху собственнической семьи, но так сохранилось и в современном буржуазном обществе, идеология которого вместе с культом „вечной женственности“ подчеркивает и свое отрицательное презрительное отношение к женщине-равноправке. Отсюда и сексуально-отталкивающее действие „синего чулка“.

Более спорен вопрос о женской нежности, а также о мужской физической силе, ловкости и смелости, поскольку эти качества отвечают половым вкусам противоположного пола. На первый взгляд можно было бы предположить, что вкусы эти врожденны, так как естественный подбор мог закрепить их как биологически-полезные. Соответствующие этим вкусам качества полезны в семейных формах забот о потомстве, так как нежность есть полезное качество матери, а сила ловкость и смелость — полезные качества отца. Данные зоопсихологии показывают, что и в животном мире, по крайней мере у многих животных, что сила, ловкость и смелость самца отвечают половым вкусам самок. Эта филогенетическая древность на первый взгляд тоже говорит за врожденность этих вкусов у человека. Данных о привлекательности нежности самок для самцов животных у меня нет. Да вообще в мире животных самцам редко принадлежит половой выбор, дающий возможность проявить свои половые

вкусы. Поэтому по отношению к женской нежности у нас нет зоопсихологических подтверждений врожденности соответствующего вкуса у мужчин.

Теперь посмотрим каковы доводы в пользу социальной приобретенности рассматриваемых половых вкусов. Основным доводом, по моему мнению не допускающим никаких возражений, является то, что с чисто-неврологической точки зрения совершенно невозможно допустить существование таких сложных врожденных нервных механизмов, как половые вкусы к силе, ловкости, смелости, нежности и т. п. качествам партнера. В самом деле, что такое половые вкусы с неврологической точки зрения? какие нервные механизмы им соответствуют? Мы знаем, что в основе полового влечения лежит рефлекторный механизм, имеющий как врожденные, так и приобретенные воспринимающие аппараты, или рецепторы. Половые вкусы и означают то, что рефлекторный механизм влечения легче приводится в действие качествами объекта, соответствующими этим вкусам,—иными словами механизм влечения имеет воспринимающие аппараты (рецепторы) на эти качества. Но мы уже знаем, что врожденные воспринимающие аппараты возможны лишь на самые простые раздражения, исходящие из внешней среды. И, наоборот, врожденные воспринимающие аппараты (рецепторы) какого бы то ни было рефлекторного механизма невозможны и немыслимы по отношению к каким-либо мало-мальски сложным внешним впечатлениям, и если рефлекс и вызывается такими сложными впечатлениями, то это уже не врожденный, а приобретенный воспринимающий аппарат, выработанный в жизненном опыте индивидуума. А ведь такие качества объекта, как сила, ловкость, смелость, нежность и им подобные, разумеется, очень сложны и их распознание требует большого жизненного опыта. Тем более, что, как мы видели, они воспринимаются не сами по себе, а лишь при сложном половом объекте, как качества этого объекта, что еще во много раз усложняет явно уже приобретенный механизм их воздействия. Я думаю, что после всего сказанного никаких разговоров о какой-либо врожденности разбираемых половых вкусов быть не может, и мы решительно должны признать их социально-приобретенными. Упомянутая выше древность некоторых из этих вкусов является слишком недоказательным аргументом, всецело устраняемым приведенными соображениями. Но каково же тогда происхождение этих вкусов?

Здесь два вопроса. Первый – как приобретаются эти половые вкусы каждым развивающимся индивидуумом? По отношению к человеку ответ ясен — они приобретаются в порядке социальной наследственности, т. е. путем индивидуального и коллективного подражания, внушения, научения, и другими путями, которыми окружающая социальная среда

оказывает воспитывающие воздействия на развивающегося в этой среде индивидуума. Ну, а как обстоит дело у животных? У высших животных, птиц и млекопитающих, у которых именно и наблюдаются интересующие нас половые вкусы, дело по существу происходит так же. Существование у них традиций известных форм поведения, передающихся из поколения в поколение в порядке социальной наследственности, не подлежит никакому сомнению. Только, разумеется, механизм социальной передачи здесь проще, чем у человека (отсутствие членораздельной речи, например).

Второй вопрос — как образуются эти традиции половых вкусов, передаваемые из поколения в поколение? У высших животных эти традиции по всей вероятности закрепляются естественным подбором, ибо будучи безусловно полезными для жизни, они дают явное преимущество в биологической борьбе за существование. У человека дело обстоит иначе. С ходом его общественно-экономического развития биологическая борьба за существование все более вытеснялась общественной (классовой) борьбой. Такие качества как сила, ловкость и смелость мужчин были безусловно полезны в возникших семейно-хозяйственных отношениях. Это и послужило причиной тому, что образовались и закрепились соответствующие традиции половых вкусов. Это же относится и к предпочтению женской нежности, которое к тому же будучи вероятно неизвестным у животных, является новоприобретением человека. И ничего нет странного в том, что одни и те же половые вкусы в одном случае (у животных) были полезны биологически, как гарантия забот о потомстве, и как таковые были закреплены подбором — в другом случае, в человеческом обществе, оказались полезными экономически и выросли в качестве надстройки над экономической базой.

Оговоримся, что механизму передачи по традиции вовсе не противоречит тот факт, что половые вкусы мужчин и женщин различны. Эти традиции, передаваемые из поколения в поколение по социальной наследственности, так сказать, ограничены полом, т.-е. каждая традиция передается здесь лишь в переделах своего пола. Поэтому одновременно вполне возможны различные мужские и женские традиции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

---

*

1 р. 30 к.

р